

Поч. 12/IV.
VI. 799 ас
I

Г. ТЕЙХМЮЛЛЕРЪ.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

ФИЛОСОФСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

Переводъ А. К. НИКОЛАЕВА

подъ редакцію

ЕВГЕНІЯ БОБРОВА.

ас. 76225.

ЮРЬЕВЪ.

Печатня А. Гренцштейна.

1895.

Г. ТЕЙХМЮЛЛЕРЪ.

*- владимир
проф. Н. Ю. Гурьев*

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

М. Библическу

ФИЛОСОФСКОЕ ИСЛѢДОВАНИЕ.

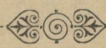
Овалъ? alma mater

Переводъ А. К. НИКОЛАЕВА

подъ редакцію

Евг ЕВГЕНІЯ БОБРОВА.

27 252

ЮРЬЕВЪ.

Печатня А. Гренцштейна.

1895.

Доволено цензурою. Юрьевъ. — 29 Сентября 1893 г.

H-vi A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

4314

Выходъ въ свѣтъ этой книги былъ обѣщанъ еще въ прошломъ году. «Безсмертіе души» начало печататься почти одновременно съ переводомъ другого сочиненія Тейхмюллера «Дарвинизмъ и философія». Различныя неблагоприятныя обстоятельства затянули печатаніе болѣе, чѣмъ на годъ. Смѣю надѣяться, однако, что эта нежелательная задержка была и «не безъ добра» въ смыслѣ болѣе внимательнаго и неспѣшнаго просмотра перевода.

Подобно «Дарвинизму и философіи», и это сочиненіе Тейхмюллера было переведено на русскій языкъ А. К. Николаевымъ по совѣту проф. А. А. Козлова, который хотѣлъ самъ выправить переводъ и уже успѣлъ просмотрѣть первую часть. Но недостатокъ силъ и болѣе важныя работы вынудили моего высокоуважаемаго друга поручить редактированіе книги мнѣ. Въ видахъ приданія единства стилю и языку перевода я еще разъ отредактировалъ и первую часть, такъ что всякая отвѣтственность за могущія встрѣтиться погрѣшности падаетъ всецѣло на нижеподписавшагося.

Переводъ сдѣланъ по второму нѣмецкому изданію. При редактированіи книги я держался прежняго своего принципа: сохранять въ переводѣ по возможности все особенности оригинала и заботиться о близости къ подлинному тексту. Допущенныя по разнымъ причинамъ небольшія урѣзки крайне немногочисленны и маловажны. Нелишнимъ показались мнѣ присоединить къ книгѣ краткую біографію автора.

Изданіе выполнено на средства переводчика. Печатаніе производилось подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Считаю долгомъ выразить благодарность за помощь при чтеніи корректуръ И. А. Юркатаму.

По своимъ достоинствамъ книга врядли нуждается въ какихъ-либо рекомендаціяхъ, или похвалахъ: въ глазахъ внимательнаго и непредубѣжденнаго читателя она сама будетъ говорить за себя. Идея, защитѣ и доказательству коей она посвящена, съ испоконъ вѣковъ волновала человѣчскій духъ и навсегда останется его благороднѣйшимъ достояніемъ. Что касается проведенія ея, то нельзя не отмѣтить строгости

вывода и высокаго логическаго изящества силлогисма, составляющаго центральное мѣсто книги (III отдѣлъ второй части). Монографическій характеръ книги не мѣшаетъ ей первой части имѣть общее значеніе популярнаго, краткаго, мѣткаго и оригинальнаго обзора главныхъ типовъ философскихъ міровоззрѣній.

Какъ первый опытъ изложенія системы, «Безсмертіе души» не даетъ полнаго понятія о ней въ ея позднѣйшемъ развитіи, какова она, напр., въ «Метафизикѣ» («Міръ дѣйствительный и міръ призрачный»). Послѣдняя нынѣ также переводится на русскій языкъ и современемъ выйдетъ въ свѣтъ подъ моею редакціей. Зато «Безсмертіе души» представляетъ прекрасное введеніе въ систему. Но и помимо того, чтеніе этой книги, несомнѣнно, принесетъ громадную пользу всякому, кто, не удовлетворяясь ходячимъ матеріализмомъ въ его открытыхъ и затушеванныхъ видахъ, ищетъ своему міровоззрѣнію иныхъ опоръ и притекаетъ къ философіи за сердечнымъ успокоеніемъ.

Юрьевъ,
20. II. 95.

Евгеній Бобровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе къ первому изданію	3
" ко второму "	6
Задача	7
Откровеніе и человѣческое любомудріе	8
Предварительное исповѣданіе	10
Для ориентированія	11
1. Религіозное убѣжденіе	11
2. Здравый смыслъ	14
3. Воззрѣнія философовъ	16
Итогъ	17

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Оцѣнка ученій предшественниковъ	
Философскія предпосылки	21
1. Присущность (inherentia)	21
2. Причинность	23
3. Идейное или нематеріальное; реальное или матерія	25
Міровоззрѣнія	26
Двѣ предварительныя ступени	
1. Наивный матеріализмъ	31
Критика	
1. Разнородность духовнаго и матеріальнаго	35
2. Отсутствие пропорціональности	36
3. Смѣшеніе сути вещи съ сопровождающими ее обстоятельствами	36
4. Обмѣнъ веществъ	37
2. Дуализмъ или спиритуализмъ	39
Критика этого взгляда; извѣстное изъ опыта общеніе тѣла и души	39
Три вышихъ міровоззрѣнія	
1. Научный матеріализмъ	41
Критика. Функція есть дѣйствіе, не субстанція	44
Единство функцій предполагаетъ единую субстанцію	44
Объединяющая субстанція не есть цѣлое тѣло	47
Объединяющая субстанція не есть нервная система. Опроверженіе отъ факта сужденія	48
Объединяющая субстанція не есть матеріальный атомъ	50
Опроверженіе теоріи замѣщенія	52

	Стр.
2. Идеализм	55
Критика. Идеализмъ не можетъ объяснить факта индивидуальнаго существованія	58
3. Спинозизмъ	59
Критическія замѣчанія	61
Духъ дѣйствуетъ на тѣло	62
Тѣлесныя явленія дѣйствуютъ на душевную жизнь	63
Тѣло не имѣетъ единства и границъ	64
Спинозизмъ допускаетъ знаніе предметнаго міра, не имѣя на то законнаго права	66
Критицизмъ и позитивизмъ	67
Спиритизмъ (приложеніе автора)	69

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Изслѣдованіе вопроса по принципамъ четвертаго міровоззрѣнія.

Четвертое міровоззрѣніе	77
Разрѣшеніе ложной противоположности между матеріальнымъ и идейнымъ	78
Лейбницъ, основатель четвертаго міровоззрѣнія	80

1. ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Сущность души.

1. Душа есть субстанція	82
Напоминаніе предыдущихъ доказательствъ	82
Доказательство отъ факта аффекта	82
Доказательство отъ факта непрерывнаго самосознанія	84
Доказательство отъ факта личности на ея различныхъ ступеняхъ	86
2. Функція души	88
Сознательная жизнь	89
Сфера безсознательнаго	89
Сравненіе обѣихъ функцій	91
Зависимость функцій души отъ тѣла	91
3. Отношеніе души къ тѣлу	92
Наше тѣло есть потокъ чуждыхъ вещей; душа — домоправительница, ведущая мѣновую торговлю со вселенною	92
И форма тѣла не относится къ сущности души	94
Морфологическія превращенія тѣла въ его развитіи и патологія	94
Жизнь души не имѣетъ никакого сходства съ формой тѣла	96

	Стр.
Аналогія органическихъ формъ съ формами государственнаго устройства	97
Аналогія съ мелодіями	98
Органическія формы зависимы отъ функцій бессознательной души	99
Тѣло, какъ господинъ души, и законъ сохраненія энергіи	99
Тѣло, какъ слуга и твореніе души	101
Объединеніе этихъ противоположныхъ разсужденій	102
Символика формы тѣла	104

2. ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Происхожденіе души.

1. Существующія воззрѣнія	106
Традукіанизмъ въ своихъ трехъ формахъ неудовлетворителенъ	107
2. Попытка поясненія принципами четвертаго міровоззрѣнія	109
Одинаковость души со всѣми субстанціями въ природѣ	109
Теорія размноженія	113
1. Дѣленіе	114
2. Почкованіе	115
3. Образованіе сѣмени	116
Обобщенія	118
3. Отношеніе предыдущихъ міровоззрѣній къ четвертому	121

3. ТРЕТИЙ ОТДѢЛЪ.

Будущность души.

1. Предварительныя соображенія	125
Достоинство религиозныхъ заявленій	125
Разсчетъ со здравомысліемъ	126
Философскимъ путемъ можно доказать индивидуальное безсмертіе аподиктически	129
Различіе безсмертія индивидуальнаго отъ личнаго	130
Личное безсмертіе не можетъ быть доказано аподиктически	131
Прогноза и ея условія	132
2. Экономическое доказательство личнаго продленія жизни.	
1. Четыре принципа большей посылки.	
Первый принципъ	133
Второй принципъ	134
Третій (экономическій) принципъ	137
Четвертый принципъ	138

Обсужденіе четвертаго принципа.		Стр.
а. Возраженіе, опирающееся на фактъ забвенія		138
Опроверженіе: 1. посредствомъ понятія забвенія и воспоминанія		139
2. посредствомъ понятія удержанія		140
3. посредствомъ понятія патологическаго явленія		140
б. Возраженіе отъ аналогіи съ брѣнностью вещей		141
Опроверженіе: 1. исчезновеніе представленій невозможно доказать a priori		142
2. опытъ показываетъ противное		143
с. Возраженіе, основанное на догадкѣ о способѣ со- храненія представленій свѣжими		145
2. Три факта меньшей посылки.		
1. Фактъ человѣческаго несовершенства		148
2. Фактъ тоски по совершенству		149
Два основанія, почему человѣчество при своемъ про- грессѣ все стойтъ и никогда не можетъ достигнуть удовлетворенія		150
3. Фактъ общаго естественнаго стремленія къ самосохраненію и продленію жизни		154
3. Заключение.		
Силлогистическое подведеніе		154
Таинственность и чрезмѣрность этого убѣжденія		155
Противорѣчіе со стороны скромности		156
Особенность этой точки зрѣнія		
Положеніе Платона		160
Нравственное доказательство Канта		161
Религіозное доказательство		162
Экономическое доказательство		164
3. Отвѣты на пополнительные вопросы.		
1. Оптимизмъ и пессимизмъ		166
2. Объ адѣ и вѣчныхъ мукахъ		172
3. Можетъ ли душа существовать безъ тѣла?		176
4. О скучности будущей жизни		183
Сущность скуки		184
Совершенное		185
5. Что мы будемъ дѣлать?		188
Міологическій отвѣтъ		189
Отвѣтъ идеализма		189
Критика идеализма		190
Нашъ отвѣтъ.		194
ЗАКЛЮЧЕНІЕ		196

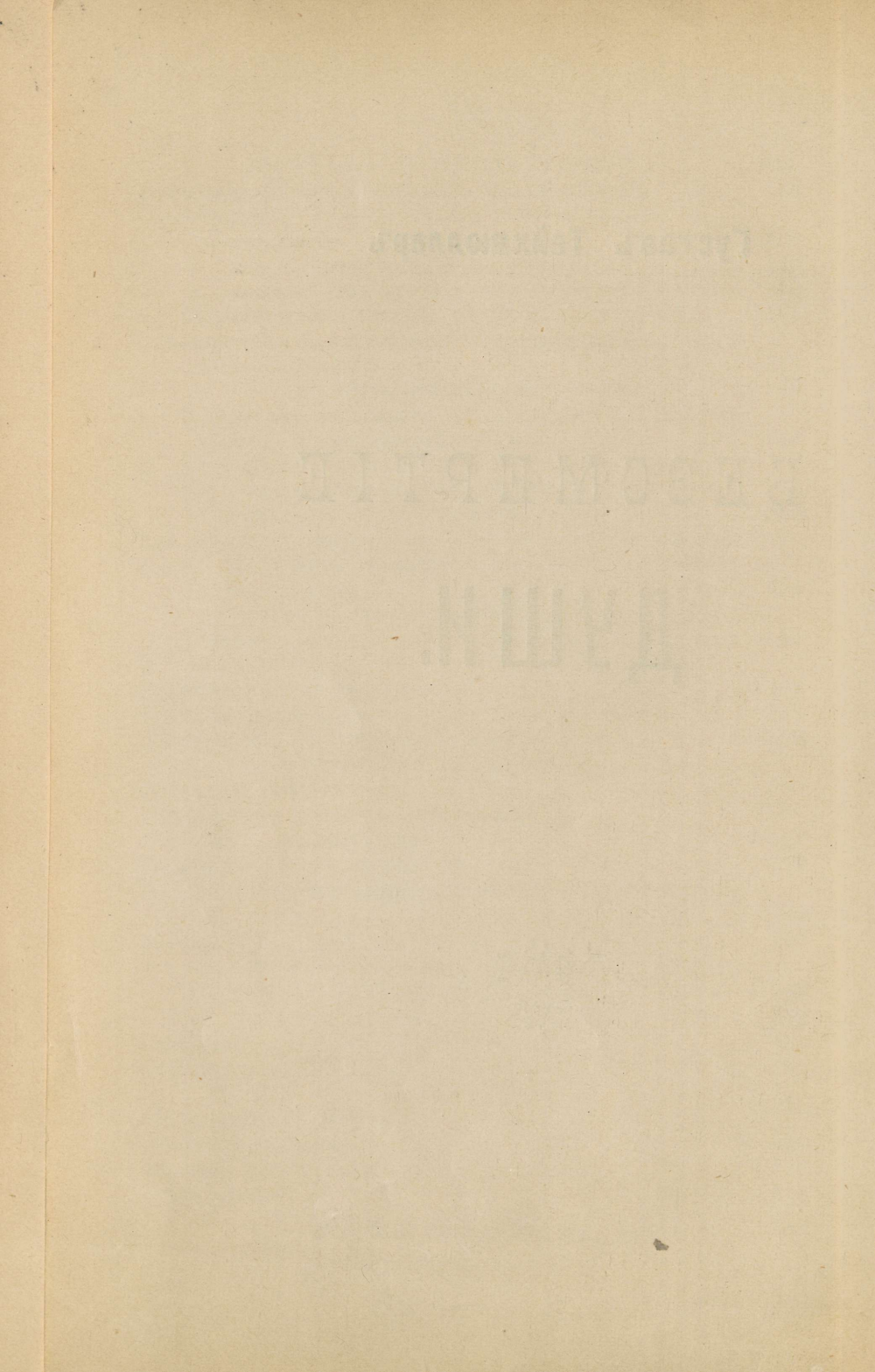
Густавъ Тейхмюллеръ.

БЕЗСМЕРТІЕ

ДУШ И.

ПРЕДПИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Прежніе мои труды предназначались исключительно для ученыхъ; здѣсь же я обращаюсь ко всѣмъ, кто поразвѣтѣ.*) Я охотно повиновался желанію, высказанному нѣкоторыми почтенными мужами и мыслящими, склонными къ философіи женами, чтобы я напечаталъ публичныя лекціи, читанныя мною объ этомъ предметѣ. Но такъ какъ я писалъ это вдали отъ всякихъ библіотекъ на прекрасномъ, но уединенномъ прибережьи въ Гааггофѣ, то долженъ былъ само собой отказаться отъ ученаго балласта цитатъ и примѣчаній. Однако, я ничуть не думалъ, благодаря легкому и общедоступному языку, освободить себя отъ строгихъ требованій научности, безъ подчиненія которымъ ни самъ я не сталъ бы писать, ни читатель, на котораго я рассчитываю, читать. Напротивъ, я убѣжденъ, что несмотря на это популярное изложеніе предмета, я строгимъ методомъ и вѣскими понятіями придамъ своему судну надлежащій грузъ. Понятія всегда много вѣсятъ.

Когда я предрасполагаю, какой приѣмъ встрѣтитъ эта книга при своемъ появленіи на свѣтѣ, то ясно вижу, что ей угрожаетъ недружелюбное отношеніе съ двухъ сторонъ. Во первыхъ, тѣ готовые люди, на которыхъ, по словамъ Гёте,

---

*) «Безсмертіе души» было первымъ системнымъ сочиненіемъ автора: до тѣхъ поръ онъ былъ извѣстенъ только изслѣдованіями въ области античной философіи.

ничѣмъ не угодить, найдутъ неудобствомъ, что изложенное здѣсь ученіе не тотчасъ же подведешь подъ одну изъ знакомыхъ имъ рубрикъ, ибо я не принадлежу ни къ какой партіи. А если я и питаю изъ новыхъ самое глубокое почтеніе къ геніальному Лоцце, то именно Лоцце обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ скорѣе выказывать трудности и глубину проблемъ, чѣмъ стѣснятъ мысль готовыми школьными формулами и отдѣливаться изворотливыми фразами. Поэтому пускай меня, пожалуй, причислятъ къ той вольной общинѣ, направленіе которой обозначается именами Лейбница и Лоцце. Другія философскія партіи, можетъ быть, примирятся со мною, когда увидятъ, что я многому съ благодарностью научился и у нихъ. Но непримиримою останется, конечно, господствующая нынѣ правовѣрная нигилистическая партія, которая не обращаетъ вниманія на доказательства, считая предметъ этого сочиненія, какъ и многіе другіе, уже давно порѣшеннымъ: безо всякихъ церемоній она сдастъ меня въ средневѣковой архивъ. Впрочемъ, я и самъ со своей стороны охотно отказываюсь отъ одобренія тѣхъ, кто такъ сильно запечатлѣнъ однообразнымъ чеканомъ господствующихъ мнѣній, что совсѣмъ потерялъ свободу собственнаго убѣжденія и потребность изслѣдовать самому. Дѣйствительно, нужно смѣлое рѣшеніе, или невозмутимость философскаго духа, чтобы въ наше столь просвѣщенное время выступить съ мистическимъ ученіемъ о безсмертіи души. Поэтому я надѣюсь встрѣтить дружественный пріемъ только тамъ, гдѣ столько же интересуются областью духа и души, сколько и явленіями природы, гдѣ любовь къ истинѣ сопровождается мужествомъ индивидуальной свободы и уваженіемъ къ законнымъ

требованіямъ философскаго изслѣдованія. Такихъ то читателей я прошу испытывать мои отвѣты, и если въ нихъ окажутся недостатки, то отнестись къ нимъ снисходительно въ виду громадности самого вопроса. А такъ какъ я въ этой популярной книгѣ не могъ привести цѣлаго фундамента теоріи познанія и метафизики, то прошу не взыскать: принять хоть этотъ малый даръ, и жаловать то небольшое, что въ немъ найдется одобрительнаго, подобно тому какъ и въ Эддѣ гласить утѣшительная руна:

«Даръ не всегда долженъ быть великъ, —
Часто и малымъ снискиваешь себѣ одобреніе:
Кусокъ хлѣба и вина въ кубкѣ на донушкѣ
Привлекали не разъ мнѣ друзей.»

Гаакгофъ (Эстляндіи), въ Августѣ 1872.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Я не счелъ нужнымъ измѣнять или выпускать что-либо изъ книги при этомъ второмъ изданіи: лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ пришлось сдѣлать кое-что для большей ясности выраженій. Впрочемъ, мнѣ показалось небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ о двухъ, хотя и прямо противоположныхъ, но тѣмъ не менѣе родственныхъ точкахъ зрѣнія, которыя теперь весьма распространены, не смотря на то, что онѣ служатъ симптомомъ скорѣе ослабленія, чѣмъ силы мысли: я подразумѣваю спиритизмъ и кантовскій критицизмъ. Кантовцы утверждаютъ, что теоретически ничего нельзя знать ни о сущности, ни о безсмертіи души; но побуждаемые воспоминаніями о нравственномъ законѣ, они говорятъ объ обладаніи какимъ то знаніемъ, которое, впрочемъ, не есть знаніе объ этихъ предметахъ. А спириты, наоборотъ, уже въ настоящее время имѣютъ удовольствіе дѣятельно сноситься съ духами умершихъ. И какъ спириты гоняются за простыми призраками, такъ и послѣдователи критицизма начинаютъ съ того, что ниспровергаютъ разумъ, а затѣмъ утѣшаются многочисленными противорѣчіями, которыя возрастаютъ на лишенной разума почвѣ. Оба эти умственные теченія распространяются лишь по поверхности нашего времени; истинныя же потребности чело-вѣчества непрестанно ведутъ его къ высшимъ цѣлямъ. Безъ разума не произвести ничего разумнаго.

Дерптъ, въ Декабрѣ 1878 г.

ЗАДАЧА.

Листьямъ въ дубровахъ подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одни на землѣ развѣваетъ, другіе дуброва,
Вновь расцвѣтая, рождаетъ, и съ новой весной возрастаютъ;
Такъ человѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ.

Гомеръ: Илиада, VI, 146 и д.

Всѣ мы, пока живемъ, чувствуемъ непоколебимую увѣренность въ своемъ существованіи; тѣмъ болѣе бываемъ мы изумлены, когда въ первый разъ явно сознаемъ, какъ въ приведенномъ уподобленіи еще въ сѣдой древности воспѣлъ Гомеръ, что, вѣдь, нѣкогда насъ не было, и потомъ опять когда-либо не будетъ. Такое познаніе, смотря по нашему отношенію къ жизни, или успокаиваетъ насъ, или пугаетъ, или удивляетъ. При этомъ мы замѣчаемъ, что изъ всего живущаго лишь одинъ человѣкъ размышляетъ о своемъ началѣ и концѣ. Животныя, по видимому, вполне погружены въ настоящее и даже, когда наслаждаются покоемъ, то и тутъ бываютъ заняты лишь минутными жизненными приманками; человѣкъ же послѣ удовлетворенія чувственныхъ потребностей жизни предается размышленіямъ, въ которыхъ далеко уходитъ изъ настоящаго, и по усмотрѣнію носится думою то въ прошломъ, то въ грядущемъ. Человѣкъ есть единственное существо, носящее въ себѣ другой міръ, кромѣ того, что онъ видитъ и слышитъ: это — міръ понятій, доступный лишь мысли; одинъ человѣкъ способенъ къ наукѣ. Когда же онъ стремится пріобрѣсти научное познаніе обо всѣхъ

вещахъ на небѣ и на землѣ, то болѣе всего возбуждаетъ его вопросъ, какъ познать истину о самомъ себѣ, что такое онъ самъ, какъ онъ появился, и что готовить ему будущее. Но было бы крайнимъ заблужденіемъ подумать, что этотъ вопросъ въ самомъ дѣлѣ для всѣхъ обладаетъ такою притягательной силой. Борьба за существованіе, наслажденія и страданія минуты, честолюбіе, настоятельная спѣшность практическихъ обязанностей, все это увлекаетъ человѣка въ быстрое теченіе жизни, и погружаетъ въ ея волны до потери чувствъ. Итакъ оставимъ же многое множество людей плыть съ этимъ житейскимъ потокомъ, а сами пойдемъ и сядемъ какбы на берегу съ тѣми немногими, которые послѣдуютъ за нами, спокойно созерцать великое и удивительное явленіе бытія. Продолжаемъ сравненіе: мы встрѣтимъ на этомъ берегу общество, которое гораздо раньше насъ билось надъ разрѣшеніемъ жизненной загадки. Неразумно было бы не обратиться со скромнымъ вопросомъ къ своимъ предшественникамъ и тщательно не обдумать ихъ отвѣтовъ. Итакъ сперва добросовѣстно займемся ими, а потомъ, если эти отвѣты не вполне удовлетворяютъ насъ, мы попытаемся сами сотрудничать въ разрѣшеніи.

Но за какой научный вопросъ ни взятыся, должно прежде всего ознакомиться съ источниками познанія о немъ. Такъ и мы не прежде начнемъ свое изслѣдованіе, пока не выдѣлимъ и не опредѣлимъ этихъ источниковъ, и не выберемъ изъ нихъ тѣхъ, изъ коихъ мы надѣемся добыть себѣ убѣжденіе.

Откровеніе и
человѣческое
любомудріе.

Въ христіанскихъ странахъ отъ священниковъ, особенно во дни Пасхи, мы получаемъ радостное благовѣстіе въ отвѣтъ на наши вопросы, и большинству людей

приходится довольствоваться однимъ этимъ откровеніемъ. Но такъ какъ въ настоящее время и еще съ прежнихъ поръ поднимаются сомнѣнія въ непогрѣшимости и общеобязательности словесъ божественнаго голоса во всеѣхъ религіяхъ, хорошо, что возможно раземотрѣть этотъ вопросъ и однимъ разумомъ. И потому я говорю здѣсь лишь, какъ представитель философіи, исключительно науки разума, которая довѣряетъ только опыту и разуму. Часто старались противопоставить и разсорить Откровеніе съ разумомъ; и какъ съ одной стороны слышишь насмѣшки разныхъ остряковъ надъ Откровеніемъ, такъ и съ другой стороны съ церковной кафедрѣ (у лютеранъ) нерѣдко раздаются жестокія слова о необходимости взять разумъ подъ опеку; какъ будто Откровеніе обращается только къ вѣрѣ, какъ къ высшему, сравнительно съ нашимъ разумомъ и опытомъ, органу познанія. Но подобныя слова заключаютъ въ себѣ недоразумѣнія, и многіе не выразумѣваютъ ихъ. Истина всегда и вездѣ въ согласіи сама съ собою, и показанія всеѣхъ истинныхъ свидѣтелей должны согласоваться. Всякій очень хорошо знаетъ, что ни одна религія не обращается со своимъ откровеніемъ къ лошадямъ или къ другимъ неразумнымъ тварямъ, но всегда къ одаренному разумомъ человеку; и только косвенною проповѣдью было, когда святой Антоній обратился къ рыбамъ, ибо разумныя существа не хотѣли его слушать. Разумъ есть общее откровеніе Божіе, посредствомъ котораго мы только и можемъ понимать всякую истину. То же, что въ тѣсномъ смыслѣ именуется откровеніемъ, нуждается въ разумѣ, во первыхъ, чтобы вообще быть понятымъ, такъ какъ безъ разума нельзя бы пользоваться и человѣ-

ческими словами и мыслями, которыя были бы настолько же бессмысленны и безцѣльны, какъ шумъ вѣтра. Во вторыхъ, Откровеніе нуждается въ разумѣ для своего истолкованія, какъ только оно появляется въ письменной формѣ или въ какихъ-нибудь чувственныхъ знакахъ. Это давно уже признано, ибо надъ объясненіемъ текста Священныхъ книгъ у всѣхъ образованныхъ народовъ работаетъ филологія, опирающаяся на человѣческій разумъ. И потому лучше бы слушателямъ Откровенія не проповѣдывать противъ разума вообще: да будетъ миръ между разумомъ и Откровеніемъ. Мы же будемъ говорить здѣсь только съ точки зрѣнія человѣческой мудрости и отказываемся для нашихъ положеній отъ какого бы то ни было авторитета, не исходящаго изъ опыта и доводовъ разума.

Предварительное
исповѣданіе. Я предполагаю, что у всѣхъ насъ сложилось уже свое мнѣніе о предстоящемъ вопросѣ; но, можетъ быть, читателю желательно знать теперь же и мое мнѣніе въ видѣ предварительнаго исповѣданія. Я вѣрю въ личное безсмертіе души, и вѣрю въ него именно послѣ того, какъ тщательно изслѣдовалъ и взвѣсилъ все то, что думали люди объ этомъ съ самаго начала культуры. Навѣрное, есть много противниковъ моего убѣжденія, но я просилъ бы ихъ постараться отложить свое окончательное рѣшеніе этого вопроса до тѣхъ поръ, пока я не разсмотрю вмѣстѣ съ ними всѣхъ доводовъ за и противъ. Будемъ совершенно безъ предубѣжденій! Будемъ пока безо мнѣнія. Самое прекрасное и наиблагороднѣйшее мнѣніе, полагаю я, есть одно лишь истинное мнѣніе. — Будемъ же, какъ неподкупные судьи допрашивать свидѣтелей съ повязкою Справедливости на глазахъ.

Для орієн-
тированія. Для предварительнаго орієнтирова-
нія разсмотримъ вкратцѣ рѣшенія на-
шего вопроса, какія представили, во первыхъ, ре-
лигіи, во вторыхъ, такъ называемый здравый
смыслъ, и въ третьихъ, философы; а потомъ уже
перейдемъ къ собственному разсужденію.

1. Религіозное
убѣжденіе. Надо начинать съ самаго начала.
А первичнѣе всего въ человѣчествѣ
религіозное убѣжденіе, древнѣйшее сужденіе, ко-
торое снискиваетъ себѣ признаніе всеобщее впредь
до пробужденія какой-либо критики и какой бы
то ни было умственной образованности. Можно
смѣло сказать, что всѣ религіи учатъ безсмертію.
Припомнимъ себѣ это въ частности. Самая
древняя религія, быть можетъ, та, которую, кромѣ
другихъ писателей, обстоятельно характеризовалъ
Фюстель де-Куланжъ; она просвѣчиваетъ у всѣхъ
аріевропейскихъ народовъ въ самыхъ раннихъ
памятникахъ. По этой религіи каждый умершій
будто бы становился при своей смерти богомъ.
Поэтому каждая семья имѣла собственныхъ бо-
говъ, пенатовъ, которые погребались у домашняго
алтаря и считались матеріально живущими въ
могилѣ. въ виду чего имъ время отъ времени по-
сыпали ѣду и питье, и молились объ охранѣ и
благословеніи. Но и послѣ того, какъ люди по-
умнѣли, а крупнѣйшія соціальныя и политиче-
скія общины необходимо вызвали сліяніе боговъ,
втихомолку всетаки держались старыя пред-
ставленія, такъ какъ человѣчество съ трудомъ
отрывается отъ религіознаго воззрѣнія: къ
старой вѣрѣ прививалась новая, или же первая
продолжала жить въ низшей области въ видѣ
суевѣрія.

Всѣ новѣйшія религіи можно подѣлить на
двѣ группы, какъ и вообще по нашему вопросу

возможны, повидимому, лишь два предположенія. А именно: съ одной стороны на вновь родившихся смотрѣли, какъ на преобразованія умершихъ, которые ради продленія существованія, и притомъ, сообразно со своею прошлой жизнью, опять ворочались и вступали на новый жизненный путь. Съ этой точки зрѣнія объяснить народженіе новыхъ людей было весьма просто, такъ какъ постоянно шелъ въ дѣло только старый запасъ, лишь съ перемѣной обстоятельствъ жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялось и чувство справедливости, ибо умершимъ безъ возмездія можно было потомъ дать въ новомъ существованіи изжить злую кару; также легко было связать съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ размноженіе звѣрей, ибо естественно было видѣть въ волкахъ и змѣяхъ возродившихся жестокосердыхъ людей, а страдальческій жребій кроткихъ животныхъ разсматривать, какъ время покаянія человѣческой души. Это ученіе о переселеніи душъ или метемпсихозѣ было широко распространено: изъ Индіи и Египта чрезъ посредство Пифагора и Эмпедокла оно нашло доступъ и къ грекамъ.

Вторая возможность, которая въ концѣ концовъ и пріобрѣла перевѣсъ въ религіозномъ убѣжденіи людей, состоитъ въ томъ, что принимается извѣстный огромный запасъ душъ, которыя, пока стоитъ міръ, постепенно появляются на свѣтъ, а потомъ или тотчасъ же послѣ смерти, или по истеченіи цѣлаго мірового періода продолжаютъ жить въ нѣкоторыхъ скрытыхъ мѣстахъ. Для этихъ областей, во первыхъ, предполагалось опредѣленное мѣсто въ мірѣ чувственнаго воспріятія, причемъ обыкновенно злымъ душамъ назначались въ жилище или на мученія—темныя нѣдра земли, добрымъ же—свѣтлая надлунная область. Или же,

отказываясь отъ точной географіи того свѣта, обозначали эти мѣста посредствомъ нравственныхъ атрибутовъ, какъ только могли разрисовать ихъ страхъ или стремленіе. Таковы извѣстные намъ Аидъ и Элисейскія поля грековъ, Валхалла, Гимель, Вингольфъ, Хель и Нифлхеймъ германцевъ; а изъ египетской «Книги мертвыхъ» теперь выкопали и педантически точную географію міра мертвецовъ. Къ этой второй группѣ принадлежитъ и средневѣковое возрѣніе (напр. у Данта), конечно, съ нѣкоторыми несущественными различіями: а именно, или признаются лишь небо и адъ, или же полагается еще промежуточная ступень между ними — чистилище. По мнѣнію однихъ, души идутъ по мытарствамъ тотчасъ послѣ смерти, по другимъ, онѣ сперва подвергаются долговременному сну, и лишь на Страшномъ Судѣ произойдетъ распредѣленіе обиталищъ по нравственному достоинству.

Древность была склонна доводить эти представленія до возможно большей чувственной наглядности. Харонъ греческій, какъ и египетскій, перевозитъ души на челнокѣ чрезъ рѣку мертвыхъ; Керберъ стоитъ у воротъ; судъ: Эакъ, Миносъ, Плутонъ, какъ Озирисъ, съ опредѣленнымъ числомъ другихъ судей надъ мертвыми исполняютъ свои точно установленныя функціи; Анубисъ и Тотъ слѣдятъ за вѣсами, на которыхъ взвѣшивается сердце умершаго, и записываютъ рѣшеніе. Точно также и въ средніе вѣка наши поэты и живописцы состязались съ богословами въ изображеніи подробностей неба и ада, живописуя ихъ всѣми красками своей фантазіи. Въ новѣйшее время наступило значительное охлажденіе къ подобнымъ картинамъ: мы довольствуемся самой блѣдною неопредѣленностью; говорится

только о томъ свѣтѣ, о вѣчной жизни, уклоняясь ото всякаго объясненія, и окутывая непроницаемымъ покрываломъ вопросъ о томъ, какъ осуществится эта жизнь. Среди христіанскихъ богослововъ столь важный для протестантства и выдающійся человѣкъ, какъ Шлейермахеръ, удержалъ одно только названіе безсмертной жизни, подражывая подъ нимъ лишь вѣчную жизнь по евангелію, которую мы должны вести еще при жизни. Значитъ, оставляя въ сторонѣ такихъ философовъ, мы можемъ утверждать, что всѣ религіи, не исключая ни іудейства, ни буддизма, проповѣдуютъ такъ или иначе личное безсмертіе человѣческой души, и значительная, если не самая большая часть ихъ обрядовъ и воззрѣній находится въ тѣсной связи съ этимъ ученіемъ.

2. Здравый смыслъ. Теперь разсмотримъ, что говоритъ намъ по этому вопросу здравый человѣческій смыслъ. Такъ мы называемъ разсудокъ, естественно развивающійся на повседневномъ опытѣ, не достигая однако ступени связнаго, научнаго міровоззрѣнія. Поэтому у здраваго смысла кругозоръ всегда узокъ. Здравый смыслъ не попадаетъ непременно на истину. А поскольку люди судятъ съ этой точки зрѣнія, они уже отбросили старую вѣру въ безсмертіе. Вѣра эта кажется имъ или традиціоннымъ святымъ заблужденіемъ; или же происхожденіе ея они видятъ въ намѣренномъ обманѣ для легчайшаго управленія людьми. Воображая, что они разоблачили этотъ обманъ, они осыпаютъ эту вѣру насмѣшками.

Прежде всего напоминаютъ они о жизни души, поскольку она фізіологически проявляется въ тѣлесной жизни; а какъ послѣ смерти нельзя

ни видѣть, ни слышать, ни смѣяться или плакать, ни говорить и т. д., то какъ будто очевидно, что смертью тѣла прекращается и жизнь души. Если бы душа продолжала существовать, то она должна была бы производить какія-либо дѣйствія, но наступленіе смерти ясно замѣтно, а затѣмъ не проявляется и признака души. Какъ же вѣрить въ существованіе души, когда нѣтъ ни малѣйшаго слѣда ея существованія! Въ связи съ этимъ стоитъ и то, что о привидѣніяхъ не разсказываютъ де умственно-здравымъ людямъ, да при дневномъ свѣтѣ. Эти разсказы любятъ сумерки и предназначаются не для ума, а для фантазіи. Ни одинъ умершій не возвращался съ того свѣта и не приносилъ оттуда вѣстей въ качествѣ очевидца, какъ еще за много тысячъ лѣтъ до нашего времени говоритъ скептикъ египтянинъ у Бругна, никто де еще не ворочался изъ гроба. Или какъ говорится въ Эддѣ: «лучше жить, хотя бы и въ бѣдности; живущій все еще можетъ добиться коровы; быть слѣпымъ всетаки лучше, чѣмъ быть сожженнымъ;—мертвый ужъ никуда не годенъ.»

Здравый смыслъ есть у всѣхъ здоровыхъ людей, а потому какъ нельзя болѣе необходимо всѣ люди безъ исключенія, какъ вѣрующіе, такъ и сомнѣвающіеся, имѣютъ этотъ взглядъ на смерть; ибо даже и тѣ, кто вѣрить въ загробную жизнь, никогда не могутъ совсѣмъ подавить въ себѣ этотъ естественный взглядъ на смерть. Иначе не былъ бы столь силенъ въ христіанскомъ мірѣ страхъ смерти. Кто можетъ сказать про себя, что ни смерть другого, ни гибель, грозившая ему самому, не бросали его въ трепетъ отъ страха передъ уничтоженіемъ.

Мы хотимъ здѣсь только установить, что таково повсюду совершенно одинаковое воззрѣніе

здраваго смысла ; относительно же его правильности мы будемъ говорить впоследствии : очевидно все здѣсь зависитъ отъ способа пониманія души. Если она одно и то же, что и тѣлесная жизнь, то она и должна умереть вмѣстѣ съ таковою. Если же душа самобытна, то здравый смыслъ окажется мелочнымъ и настолько ограниченнымъ, что не можетъ послѣдовательно провести въ цѣломъ даже своихъ собственныхъ основоположеній.

3. Возврѣнія философовъ. Надобно окинуть взглядомъ и то, что высказало по нашему вопросу философское въ корень вещей углубляющееся познание. Но мы весьма скоро увидимъ, что съ этой стороны съ древнѣйшихъ временъ и вплоть до нашихъ дней давался то утвердительный, то отрицательный отвѣтъ : въ философіи не встрѣтить единогласнаго ученія о безсмертіи.

Въ древности довольно одиноко стоитъ за вѣру въ личное безсмертіе нашей души великое имя Сократа, который свое дѣйствительное убѣжденіе въ томъ засвидѣтельствовалъ возвышеннымъ подвигомъ сознательно и мирно принятой мученической смерти. Противъ него съ другой стороны выступаютъ еще болѣе великія, цѣлая столѣтія господствовавшія надъ умами имена Платона и Аристотеля. Я причисляю и Платона къ отрицателямъ личнаго безсмертія. Конечно, я знаю, что многимъ это покажется парадоксомъ. Вѣдь, онъ такъ рѣшительно исповѣдалъ эту вѣру въ своемъ „Файдонѣ“, что безчисленное множество людей держались ея, убѣжденные лишь краснорѣчіемъ Платона. И всетаки болѣе строгое научное изученіе Платона должно отдѣлять миѳическіе образы отъ философскихъ понятій: тогда найдемъ у него вѣру лишь въ вѣчность

идеи, а не въ безсмертіе какъ-либо имѣвшихъ начало индивидуальныхъ существъ.*)

Средніе вѣка, которые и въ своей философіи стояли подъ всемогущимъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, почти безъ исключеній вѣровали въ будущую жизнь, такъ что теперь противники этой вѣры въ насмѣшку обзываютъ ее средне-вѣковою. Въ новое время великіе основатели французской и нѣмецкой философіи, Декартъ и Лейбницъ, даютъ положительный отвѣтъ на вопросъ о безсмертіи души; наоборотъ, холодный, геометрически мыслящій Спиноза отвѣчаетъ рѣшительнымъ «нѣтъ». И въ новѣйшее время, прислушавшись къ голосамъ выдающихся мыслителей, услышимъ: «да» отъ Канта, Гербарта, Лоцце (ограничиваюсь хоть ими одними), и «нѣтъ» отъ Гегеля, Шопенгауера, Шлейермахера. Значитъ, и на той и на другой сторонѣ мы видимъ какъ философовъ, такъ и богослововъ съ великими, благородно звучащими именами. Какъ бы кто ни думалъ, онъ найдетъ на каждой сторонѣ хорошее общество, которое дастъ ему надежную защиту противъ заносчиваго и презрительнаго обращенія. Имена ярыхъ и пристрастныхъ оскорбителей будутъ уже давно забыты, когда тѣ великіе гении челоуѣческаго просвѣщенія все еще будутъ извѣстны, любимы и изучаемы.

Итогъ. Теперь мы можемъ оглянуться. Религіозныя убѣжденія всѣхъ народовъ проникнуты мыслию о будущей жизни; здравый смыслъ во

---

*) Я доказывалъ это положеніе въ своихъ сочиненіяхъ: „Geschichte des Begriffs der Parusie“, подробнѣе въ „Studien zur Geschichte der Begriffe“ и въ „Die Platonische Frage.“

всѣ времена издѣвается надъ этою вѣрой; философія не пришла къ единогласію, но остается въ разнорѣчій противоположныхъ системъ.

Значить, если мы хотимъ притти къ какому-нибудь убѣжденію, то должны прежде всего познать, что всякое противорѣчіе въ этомъ вопросѣ зависитъ отъ возрѣній на душу и сущность ея. Стало быть, мы должны сперва позаняться этимъ основнымъ вопросомъ, изъ разрѣшенія котораго само собою, какъ слѣдствіе, получится и убѣжденіе о происхожденіи и будущей судьбѣ личностной жизни.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Оцѣнка ученій

ПРЕДШЕСТВЕННИКОВЪ.

DEPARTMENT OF THE ARMY

OFFICE OF THE ADJUTANT GENERAL

WASHINGTON, D. C.

ФИЛОСОФСКІЯ ПРЕДПОСЫЛКИ.

Намѣреваясь обзрѣть различныя мнѣнія относительно души, мы должны остановиться сперва на нѣкоторыхъ понятіяхъ, къ которымъ разсужденіе постоянно будетъ приводить, и безъ которыхъ вообще нельзя судить о сущности души.

1. Присущность (inherence). Основаніе всякаго философскаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы постичь бренность вещей. Видя, что жизненные явленія, только-что занимавшія насъ, погибаютъ, невольно спрашиваешь себя, что же остается и существуетъ дѣйствительно. Вѣдь не можемъ мы убѣдить себя считать бытіе и небытіе за одно и тоже: то, что преходитъ, не можетъ быть сущимъ. Если мы видимъ, что кто-либо сидитъ, а потомъ встанетъ и пойдетъ, то сидѣніе прошло, и мѣсто его заступило движеніе; но и оно потомъ также исчезнетъ. Ни одного изъ этихъ явленій мы не считаемъ за сущее, но за нѣчто, бывающее на сущемъ: ибо мы видимъ, что самъ человѣкъ при всѣхъ перемѣнахъ своего положенія пребываетъ неизмѣннымъ. Перемѣняющееся и преходящее назвали «акциденціею», а пребывающее «субстанціею»; считаютъ, что акциденціи «присущи» субстанціи. Такъ воздухъ, какъ субстанція, то тепелъ, то холоденъ; человѣкъ, какъ субстанція, то молодъ, то старъ, то здоровъ, то боленъ, то печаленъ, то веселъ и т. д.: онъ мѣняетъ акциденціи, а самъ постояненъ въ этой смѣнѣ.

Но дальнѣйшее наблюденіе показываетъ намъ, что и эти первыя, мнимыя субстанціи въ свою

очередь погибають: человекъ умираетъ, и его тѣло гнѣтъ и исчезаетъ; воздухъ претворяется растеніями и животными въ органическія соединенія; вода становится то льдомъ, то паромъ; однимъ словомъ, предполагаемыя субстанціи скоро оказываются на основаніи тѣхъ же признаковъ измѣняемости и гибели лишь акциденціями. Такимъ образомъ снова возвращается вопросъ, что же нужно считать пребывающимъ, сущимъ, которому эти акциденціи принадлежатъ. Мы необходимо постулируемъ нѣчто такое, ибо иначе было бы непонятно, какимъ образомъ возникаютъ смѣняющіяся явленія, хотя бы и на короткое время; вѣдь если нѣтъ ничего, то нельзя мыслить ни свойства, ни состоянія, ни движенія, такъ какъ свойство есть свойство чего-либо сущаго; равнымъ образомъ и состояніе, и движеніе предполагаютъ всегда нѣчто сущее, что находится въ этомъ состояніи или движеніи. Итакъ мы должны бросить якорь поглубже и не останавливаться ранѣе, чѣмъ онъ зацѣпится за дно. Еще древніе греческіе философы съ большою ясностью различали оба понятія; акциденціей обозначали нѣчто, находящееся въ другомъ, субстанціей же то, что существуетъ само въ себѣ. Во всякомъ случаѣ, если вообще имѣютъ мѣсто перемѣны и явленія, то должно же быть нѣчто само въ себѣ существующее, т. е. такая сущность, коя находится не въ чемъ-либо иномъ, но пребываетъ сама въ себѣ и для себя. Существуетъ ли она въ единственномъ числѣ, или же во множествѣ, образуетъ ли она сплошную массу, или же находится въ формѣ какихъ-либо атомовъ, во всякомъ случаѣ для нашего изслѣдованія первѣе всего рѣшающее значеніе имѣетъ вопросъ, находится ли душа, какъ простая акциденція, въ

См. в. 2

чемъ-либо другомъ, или же она есть самостоятельная сущность, т. е. субстанція?

Причинность. Второе понятие, обуславливающее наше изслѣдованіе, — причинность. Если мы хотимъ утверждать что-либо такъ, чтобы нашего мнѣнія нельзя было сейчасъ же разбить или подвергнуть сомнѣнію противоположнымъ утвержденіемъ, то мы должны подыскать достаточное основаніе. Въ области дѣйствительныхъ явленій и событій мы находимъ достаточное основаніе въ причинахъ, слѣдствіемъ коихъ считаютъ данное явленіе. Признавать явленіе безъ причинъ противно разуму: это у образованныхъ народовъ такъ несомнѣнно, что не только всѣ науки занимаются разысканіемъ причинъ, всѣ искусства состоятъ въ обладаніи господствомъ надъ причинами извѣстныхъ явленій, но и въ обыденной жизни, во всякомъ явленіи каждый либо знаетъ, либо ищетъ, либо предполагаетъ причины.

Теперь естественно спросить: что такое причины — субстанціи или акциденціи? — Отвѣтить на это нелегко, потому что причина — слово весьма растяжимое, и приложеніе его чрезвычайно разнообразно. Поэтому для отвѣта понадобится нѣсколько различій. Во первыхъ, ясно, что причины можно въ свою очередь разсматривать, какъ слѣдствія другихъ причинъ: напр., причина движенія вагоновъ — влекущая сила паровыхъ машинъ, а эта сила есть слѣдствіе превращенія воды въ паръ; послѣдняя причина зависитъ отъ сгорания дровъ или каменнаго угля, а дрова обусловлены причинами роста въ лѣсу и т. д. Итакъ, причина и слѣдствіе есть одно и то же, только разсматриваемое въ различныхъ направленіяхъ. По направленію вверхъ слѣдствія оказываются причинами, внизъ — причинами слѣдствійми.

Всѣ таковыя причины или слѣдствія суть, очевидно, простыя акциденціи, ибо онѣ представляютъ преходящія и измѣняющіяся явленія, не имѣющія никакого постояннаго бытія; онѣ переходятъ другъ въ друга. Напр., дрова исчезаютъ, на ихъ мѣсто появляются свѣтъ, теплота, различные газы и составъ золы; исчезаетъ теплота, на ея мѣсто является движеніе и т. д. Отсюда мы можемъ утверждать, что всѣ причины, которыя въ свою очередь должны быть понимаемы, какъ слѣдствія, — необходимо считать акциденціями. Во избѣжаніе недоразумѣній обозначимъ лучше эти причины или слѣдствія выраженіями, которыя для того обыкновенно въ ходу у натуралистовъ; я разумѣю термины: функція, сила, движеніе, работа, живая сила. Все это, хотя и различно между собою, сходно между собою въ томъ отношеніи, что причиняетъ другое и само производится другимъ, а потому относится къ акциденціямъ.

Разсматривая эту всеобщую причинную связь явленій, мы тутъ же видимъ, что ради краткости выраженія употребляется метафора; ибо, говоря строго и точно, функцію или силу нельзя считать за причину: какъ акциденція, она существуетъ въ другомъ бытіи, именно, въ субстанціи. Безъ субстанціи она, слѣдовательно, ни дѣйствовать, ни существовать не можетъ. И такъ въ собственномъ смыслѣ дѣйствуетъ, какъ самостоятельная причина, только субстанція; но въ переносномъ смыслѣ, метафорически и ради краткости рѣчи можно сказать, что дѣйствуютъ силы и функціи, т. е. акциденціи. Сила безъ соотвѣтственной субстанціи — нѣчто вродѣ яблока, выросшаго на деревѣ, не имѣющемъ ни сучьевъ,

ни ствола, ни корней. Посему и въ естественныхъ наукахъ мы также не смѣемъ допускать какого-либо дѣйствія безъ вещества; такъ, напр., движеніе свѣта отъ неподвижныхъ звѣздъ не могло бы достигнуть земли, если бы весь этотъ путь не былъ наполненъ веществомъ, которое несетъ это движеніе и своимъ бытіемъ даетъ опору и акцидентному явленію.

Это различіе собственныхъ, самостоятельныхъ или субстанціальныхъ причинъ, съ одной стороны, и съ другой обыкновенно ради краткости только такъ называемыхъ причинъ, какъ акцидентныхъ функцій первыхъ, имѣеть, стало быть, величайшее значеніе для нашего вопроса. Ибо, если душа простая функція, то мы и ей также должны присвоить только преходящее существованіе, которое вызывается и смѣняется другими явленіями; если же она окажется самостоятельной причиной, то ея бытіе должно будетъ носить субстанціальный характеръ, и мы можемъ быть твердо убѣждены въ ея постоянной длительности.

Идейное или нематеріальное; реальное или матерія. Остается еще третье опредѣленіе, которое намъ необходимо привести въ ясность прежде всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, а именно, противоположность между такъ называемымъ идейнымъ и матеріальнымъ. Это противоположеніе ложно и основывается на недоразумѣніи. Но предварительно примемъ его такъ, какъ оно обыкновенно понимается, и какъ оно имѣеть значеніе повсюду. Болѣе правильное понятіе мы тѣмъ легче усвоимъ въ послѣдствіи. Подъ идейнымъ бытіемъ разумѣется духовное и все то, что можетъ быть воспринято только духомъ, а не чувствами; напр., наши мысли и стремленія, законы и нравы, добродѣтели, формы и законы природы и т. д.

Наоборотъ, матеріальнымъ или реальнымъ считается все то, что мы видимъ, слышимъ, вкушаемъ, обоняемъ и осязаемъ. Для всего матеріальнаго нашли общій признакъ, по которому его можно немедленно отличить ото всего идейнаго, именно: оно подлежитъ протяженію, пространству и доступно движенію. Матеріальный или реальный столъ, или камень занимаетъ извѣстное пространство или имѣетъ опредѣленное протяженіе и можетъ быть передвигаемъ туда и сюда. Что не можетъ по своей природѣ быть двигаемо и не занимаетъ никакого пространства, то идейно, нематеріально; напр., справедливость, или свобода не занимаетъ ни фута въ длину, ни мили въ высоту, или толщину, ее нельзя ни нести на спинѣ, ни везти въ тачкѣ: слѣдовательно, она положительно — нѣчто идейное. — Охотно отличаютъ еще идейное отъ идеальнаго, причемъ къ идеальному причисляютъ только доброе, прекрасное и истинное, а подъ идейнымъ разумѣютъ всю область нематеріальнаго, значитъ, также и дурное, безобразное и ложное. Впрочемъ, это словоупотребленіе не всегда соблюдается.

Если же все сущее или идейно, или матеріально, то и душа должна подпадать подъ одну изъ этихъ противоположностей. Если же привлечь сюда и обѣ предыдущія категоріи, то спрашивается, есть ли идейное акциденція или субстанція, слѣдствіе ли оно, или причина; а отсюда вытекаютъ и различныя воззрѣнія на міръ.

Міровоззрѣнія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній легко обозрѣть и размѣстить всѣ возможныя различныя міровоззрѣнія; мы не можемъ

отказаться отъ этой задачи, такъ какъ въ каждомъ міровоззрѣніи вопросъ о безсмертіи души рѣшается иначе, и, наоборотъ, всѣ различныя мнѣнія о душѣ и ея будущей судьбѣ сводятся къ немногимъ основнымъ міровоззрѣніямъ. Значитъ, съ этой точки зрѣнія мы и должны раздѣлить послѣдующее изложеніе.

Сперва отмѣтимъ въ качествѣ первоначальныхъ ступеней для болѣе развитыхъ воззрѣній два міросозерцанія, которыхъ несостоятельность открыть весьма легко; хотя они и донинѣ еще многими раздѣляются, но они относятся къ начаткамъ человѣческой культуры. Первое заключается въ наивномъ отождествленіи духа и матеріи, противоположность которыхъ не замѣчается: мы назовемъ эту точку зрѣнія наивнымъ матеріализмомъ. Тѣло человѣка по этому воззрѣнію не является неодушевленнымъ, но душа неразлична отъ тѣла. Такова точка зрѣнія поэзій и мифологической эпохи.*)

Противоположность этому воззрѣнію составляетъ наивный дуализмъ, который строго различаетъ духъ отъ матеріи, и одинаково пользуется обоими, какъ причинами вещей, для объясненія всѣхъ явленій. Эта точка зрѣнія уже выше предыдущей, потому что она различаетъ то, что должно быть различаемо, но она наивна, ибо различеніе это заходитъ такъ далеко, что духа и матеріи ничѣмъ уже нельзя связать и понять въ ихъ живомъ единствѣ.

За этими предварительными ступенями слѣдуютъ три великихъ міровоззрѣнія, между кото-

*) Проф. Я. Э. Оссе называетъ эту ступень „наивнымъ проективизмомъ.“ См. прекрасную характеристику въ его сочиненіи „Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лоцце.“

рыми раздѣлилось образованное человѣчество, такъ что во все времена и донинѣ господствовало то одно, то другое, то имѣли силу все три рядомъ другъ съ другомъ. Понятно, если дуалистически признать два принципа, то окажется рядомъ два бога или двѣ абсолютныя субстанціи, которыхъ ничѣмъ не свяжешь, которыя не могутъ имѣть другъ на друга никакого вліянія и, слѣдовательно, оставляютъ необъясненнымъ взаимодействие вещей и единство міра. А какъ все сущее оказывается либо идейнымъ, либо матеріальнымъ, то одни признавали идеальное первичнымъ, отсюда объясняя и матеріальныя вещи. Эту точку зрѣнія можно назвать идеализмомъ, или по ея первому творцу, прослывшему въ потомствѣ божественнымъ, — платонизмомъ.

Это міровоззрѣніе, естественно, терпитъ много затрудненій. Какъ матеріальное, протяженное въ пространствѣ, притомъ же обладающее физическою тяжестью, и находящееся въ движеніи, — мыслить функцію идеальнаго начала, которое безпространственно, ничего не тянетъ на вѣсахъ и не способно къ перемѣнѣ мѣста? Конечно, этого никакъ нельзя ни выразить, ни доказать! Поэтому противъ идеализма смѣло выступила прямо противоположная ему точка зрѣнія, рассматривающая уже духовное, какъ функцію матеріальнаго; ее мы въ общемъ можемъ назвать матеріализмомъ. По этому міровоззрѣнію, есть или существуетъ лишь матерія, т. е. протяженное, движимое вещество; все же, что кромѣ того имѣетъ бытіе, должно считаться функцію матеріи.

Но и матеріализмъ скрываетъ въ себѣ такія же большіе пороки, что и идеализмъ. Какъ изъ вещи, которая необходимо имѣетъ вѣсъ, положеніе, движеніе и доступна чувственному вос-

пріятію, можетъ происходить духовный міръ, както: наука, вѣра, любовь, справедливость и т. д., все, что не воспринимается чувствами, и не даетъ мѣста ни мѣркѣ, ни вѣсамъ? Этотъ за-просъ матеріализмъ всегда оставялъ безъ отвѣта. Отсюда весьма естественно приходили къ третьей точкѣ зрѣнія, которая опять возвращается къ дуализму, не ставя однако двухъ принциповъ на-ряду, а только одинъ, могущій выражаться двумя различными способами. Это — спинозизмъ или система тожества. Въ ней каждую вещь можно разсматривать двояко, во первыхъ, чувственно въ матеріальномъ отношеніи, во вторыхъ, интеллектуально, какъ духъ, — и то, и другое, однако, не какъ различное другъ отъ друга, а какъ одно и тоже, подобно одной и той же мысли на двухъ различныхъ языкахъ, или подобно выраженіямъ «Фридрихъ Великій» и «старый Фрицъ».

Какъ ни блестяще разрѣшаетъ, повидимому, это міровоззрѣніе оба предыдущія затрудненія, однако, и его подтачиваетъ червячокъ: мы должны оставить и его, какъ пустое и омертвѣвшее, сколькихъ бы приверженцевъ оно не считало за собою. Вѣдь отождествленіемъ обоихъ принциповъ исключается ихъ взаимодействіе; между тѣмъ никого не убѣдишь, что матеріальныя вещи, напр., кушанья, не вызываютъ никакихъ перемѣнъ въ нашей духовной сторонѣ, напр., въ чувствахъ, или что наша воля не есть причина тѣлесныхъ движеній. А единственно возможные міровоззрѣнія, пока исходишь изъ противоположности идеальнаго и матеріальнаго таковы:*)

*) Въ предисловіи къ „Die wirkliche und die scheinbare Welt“ Тейхмюллеръ даетъ иное раздѣленіе міровоззрѣній.

или наивно утверждается ихъ тожество (наивный матеріализмъ), или точно также наивно утверждается ихъ абсолютная раздѣльность (дуализмъ). При несостоятельности обоихъ этихъ міровоззрѣній или выводятъ матеріальное изъ идеальнаго (идеализмъ), или идеальное изъ матеріальнаго (матеріализмъ), или же, наконецъ, оба принимаются за атрибуты, т. е. различныя формы созерцанія или явленія одной и той же субстанціи (спинозизмъ). А такъ какъ всё эти міровоззрѣнія несостоятельны, то, значитъ, была допущена ошибка въ исходномъ началѣ. Поэтому-то я и замѣтилъ выше (стр. 25), что противоположеніе идейнаго и матеріи я считаю ложнымъ. Оттого я ищу четвертаго міровоззрѣнія, которое примыкаетъ къ понятію матеріи, выработанному Лейбницемъ. Согласно ученію послѣдняго, матеріальность не существуетъ дѣйствительно, но есть только феномень, свойственный нашимъ чувствамъ, которыя сами относятся къ области духа, способъ представленія или созерцанія. Если такъ, то этимъ устраняется громадное затрудненіе, ведущее къ непримиримой борьбѣ между идеалистами и матеріалистами; а изъ гибельной борьбы, которую они по праву ведутъ другъ противъ друга, цѣлымъ выходитъ непричастное спору четвертое міровоззрѣніе. Не моя задача излагать здѣсь эту четвертую метафизику. Я упомяну только, что въ ней необходимо признавать индивидуальныя субстанціи, которыя можно назвать атомами или монадами или реальными единицами; послѣдующее разсужденіе, обращаясь теперь прямо къ нашему вопросу, дастъ на этотъ счетъ еще дальнѣйшія объясненія.

Такъ какъ взглядъ на душу, какъ раньше было указано, зависитъ отъ міровоззрѣнія, то

мы должны различать столько же воззрѣній на сущность души, сколько есть міровоззрѣній; а посему, принявъ за руководящую нить только-что изложенное дѣленіе, подвергнемъ испытанію всѣ различныя ученія.

Двѣ предварительныя ступени.

1. Наивный матеріализмъ.

Это первое и естественнѣйшее міровоззрѣніе вытекаетъ по законамъ соединенія идей и есть смѣшеніе жизни душевной съ фізіологическою, органической жизнью. Мы знакомимся съ душою человѣка всегда только въ ея соотношеніи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ тѣломъ. Такъ какъ при распознаваніи душевныхъ состояній извѣстнаго человѣка: доволенъ ли онъ или разсерженъ, печаленъ, или расположенъ къ шуткѣ, мы всегда необходимо имѣемъ въ виду зрительное ощущеніе выраженія его лица и жестовъ, ибо ихъ только мы собственно и воспринимаемъ (а познаніе его души вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтается путемъ инстинктивнаго умозаключенія), то нѣтъ ничего мудренаго, что мы отождествляемъ душу и тѣло. Для насъ человѣкъ постольку и одушевленъ, поскольку живъ; но какъ скоро его органическая жизнь прекращается, сердце останавливается, тѣло лежитъ холодное и неподвижное, — онъ необходимо покажется намъ неодушевленнымъ. Поэтому для внѣшняго наблюденія со смертью человѣка прекращается и его душевная жизнь. Души умершаго нѣтъ больше, такъ рѣшаемъ мы естественно и даже справедливо, если только прибавимъ ограниченіе «для насъ»; а существуетъ ли она еще «сама по себѣ» и «для него» — это въ данномъ случаѣ оставляется со-

вершенно въ сторонѣ. Такой наивный материализмъ столь ясенъ и естественъ, что до пріобрѣтенія религіознаго и философскаго просвѣщенія такъ думаетъ всякое дитя и въ новое время. Для обстоятельнѣйшаго изслѣдованія остается лишь вопросъ, какой элементъ въ органической жизни есть причина или носитель жизненныхъ и душевныхъ явленій.

Ближайшимъ предположеніемъ, очевидно, будетъ то, что теплая кровь, которая у всѣхъ народовъ полагается въ соотношеніи съ сердцемъ и его постояннымъ движеніемъ, носить въ себѣ жизнь и душу; ибо, какъ повсемѣстно смѣшиваютъ сердце и душу, то кровопролитіе, вина крови и т. д. обозначаются, какъ умерщвленіе и вина лишенія жизни; поэтому, какъ мы видимъ, напр., въ книгахъ Моисея запрещено употребленіе крови животныхъ, ибо въ крови ихъ находится душа. Употреблять ихъ мясо въ пищу разрешается; кровь же, пролитіе которой есть душегубство, ибо въ ней живетъ жизнь и душа, должна быть принесена на алтарь въ жертву Богу.*) Какъ нельзя болѣе естественно такое

*) Очень трудно опредѣлить точный смыслъ какого-нибудь народнаго воззрѣнія, если оно давно уже исчезло изъ нашего сознанія. Почему евреи не смѣли касаться крови? Отвѣтъ: потому что съ кровью въ соединеніи душа животнаго (Лев. XXII, 11 и 14). Но этого основанія, очевидно, недостаточно; ибо далѣе спрашивается, почему нельзя вкушать крови, въ которой находится душа животнаго? На это не дано прямого отвѣта; но косвенно, полагаю я, сказано ясно, что Богъ желалъ, чтобы пролитіе крови считалось убійствомъ. Ибо сказано такъ: „Точію мяса въ крови, души, да не снѣсте. Крови бо вашей, душъ вашихъ, отъ руки всякаго звѣря изыщете; и отъ руки человѣка брата изыщете ея.“ (кн. Бытія, IX, 4, 5). Въ этомъ, мнѣ кажется, неопровержимо заключается та мысль, что Богъ отмститъ человѣку за убійство человѣка, отмститъ и животнымъ, если они прольютъ

исключительно чрез ассоціацію идей возникшее смѣшеніе сердца, крови и души не могло быть выражено съ большою точностью; у Гомера одно мѣсто гласитъ :

«Такъ произнесему смерти рука Сарпедону сомкнула
 «Очи и ноздри; Патроклъ, наступивши пятою на перси,
 «Вырвалъ копье, и за нимъ повлеклась оболочка отъ сердца:
 «Вмѣстѣ и жизнь и копье изъ него побѣдитель исторгнулъ.»
 (Иліада XVI, 503.)

Однако столь же часто это первое отвлеченіе не проводится такъ строго; душа считается обитающею во всемъ тѣлѣ подобно тому, какъ кровь и ощущеніе распространяются по всему тѣлу. Поэтому Гомеръ заставляетъ возвышенную царицу Гекубу выражать свои чувства скорби и гнѣва на Ахилла за смерть Гектора такими словами :

«Лютаго мужа, котораго сердце, когда бы могла я,
 Впившись въ грудь, пожирать, отомстила бъ за то, что
 Съ сыномъ!» [онъ сдѣлалъ
 (Иліада XXIV, 212.)

кровь человѣка; но точно также и человѣкъ не долженъ проливать крови животнаго. Только въ этой связи получаетъ смыслъ такое искупленіе убійства животныхъ, что вмѣсто своихъ душъ, которыя долженъ былъ бы потребовать Богъ, мы можемъ приносить Богу кровь животныхъ для примиренія и этимъ освобождаемся отъ вины убійства. «Азъ дахъ ю вамъ у олтаря умоляти о душахъ вашихъ.» (Левить, XVII, 11.) Этою заповѣдью мы переносимся въ первобытныя времена человѣчества, когда оно еще было проникнуто чувствами, какія и теперь свойственны всѣмъ благоправнымъ дѣтямъ, смотрящимъ на убой животнаго съ омерзѣніемъ, какъ на убійство, и зачастую проливающимъ при такомъ зрѣлищѣ слезы. Кто станетъ отрицать, что и взрослые, даже не будучи сентиментальны, иногда волнуются подобными же чувствами и на этомъ основаніи удаляютъ съ глазъ своихъ такую бойню.

(Авторъ въ послѣдніе годы жизни былъ вегетаріанцемъ.)

Прим. ред.)

Соотвѣтственно этому, на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго Океана, какъ я слышалъ отъ одного путешественника, существуетъ обычай, что умершихъ поѣдаютъ родственники: особенно при смерти какого-нибудь значительнаго вождя между его соплеменниками, или врагами поднимается споръ, кому участвовать въ пиршествѣ, причѣмъ хлопочуть не о томъ, нѣжно ли мясо, или жестко, а хотятъ только ввести въ свое тѣло мужественную душу покойника и его славу. Вѣроятно, и у древнихъ германцевъ были подобныя же представленія; такъ, когда кровь изъ сердца Фафнира попала Сигурду на языкъ, онъ уразумѣлъ, какъ повѣствуетъ Эдда, голоса птицъ.

Второе столь же поэтическое предположеніе смѣшиваетъ душу съ воздухомъ, живущимъ въ насъ, какъ дыханіе. Кто больше не дышитъ, тотъ мертвъ. Кто послѣ обморока хорошенько вздохнетъ, тотъ снова приходитъ въ чувство. Міровая душа, повидимому, живетъ во всепроникающемъ воздухѣ; сообщаясь при дыханіи съ этимъ элементомъ, мы живемъ и одухотворяемся. Также и ревностный учитель церкви Тертуліянъ считаетъ душу тѣлесною, полагаетъ ея тѣлесность именно въ воздухѣ, *spiritus*, называя такъ дыханіе, и приводитъ доказательства въ пользу своего предположенія.

По третьему болѣе остроумному предположенію, душа представлялась не столь тѣлесною, какъ кровь, и не столь внѣшнею, какъ воздухъ, но болѣе особенною и тонкою. А самое тонкое вещество это—огонь; понятно, что особенная теплота, свойственная органическому живому тѣлу, была сочтена за причину его жизненныхъ явленій. Такъ поэты говорятъ о тихомъ жизненномъ пламени; судьба де погашаетъ этотъ факель,

когда наша жизнь кончается. Такъ и поэтическій Гераклитъ говоритъ о томъ, что сухая душа самая лучшая, а влажная теряетъ де свое благо-разуміе, причеъ онъ предполагаетъ въ нашемъ тѣлѣ нѣчто вродѣ процесса испаренія, при которомъ душа понимается, какъ чистое, теплое и безводное выдѣленіе. Въ новѣйшее время просвѣщенный матеріализмъ отбросилъ эти представленія, какъ грубыя, а вмѣсто нихъ предложилъ еще болѣе тонкое ученіе, которое, впрочемъ, всетаки не что иное, какъ то же древнее воззрѣніе, только выраженное въ болѣе изящной формѣ на языкѣ новѣйшей науки. Изъ огня сдѣлали процессъ горѣнія, которому подвержены всѣ ткани нашего тѣла. Такъ какъ все въ нашемъ тѣлѣ сводится, повидимому, къ воспріятію кислорода, т. е. окисленію, и безъ продолженія этого процесса мы тотчасъ же перестаемъ жить, то и сама жизнь, а съ нею и жизнь души должна де быть не чѣмъ инымъ, какъ процессомъ горѣнія.

Критика. Хотя всѣ эти предположенія мало привлекательны для человѣка съ высшимъ образованіемъ, но уже ради справедливости необходимо привести нѣсколько сомнѣній, разрушающихъ поэтическую иллюзію этого міропониманія.

1. Разнородность
духовнаго и
матеріальнаго.

Прежде всего бросается въ глаза, что если бы кровь, воздухъ, огонь были носителями душевной жизни, то эти вещества въ своихъ свойствахъ, наблюдаемыхъ и въ иныхъ случаяхъ, должны были бы имѣть какое-нибудь сходство съ душевными явленіями. Хотя, конечно, продуктъ можетъ не быть подобенъ производящимъ его факторамъ, какъ напр., изъ газовъ можетъ образоваться жидкость, но во всякомъ случаѣ, въ факторахъ долженъ заключаться

элементъ продукта и возможность обратнаго разложенія продукта на элементы. Но какъ же искать химическихъ и физическихъ свойствъ въ вѣрѣ, справедливости, въ угрызеніяхъ совѣсти и въ другихъ душевныхъ явленіяхъ; какъ себѣ представить, что, напр., охлаждѣвающая дружба поведетъ къ образованію жира или крови, или отложившись въ извѣсть, увеличитъ собою костную ткань.

2. Отсутствие пропорціональности.

Во вторыхъ, всякій продуктъ, очевидно, увеличивается по мѣрѣ того, какъ растутъ производящіе его факторы: такъ, напр., дождь идетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше въ облакахъ водяного пара при благопріятствующихъ образованію дождя условіяхъ температуры. Точно также и жизнь души должна бы была расти тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе въ насъ крови или воздуха, или чѣмъ скорѣе совершается въ нашихъ тканяхъ процессъ окисленія; однако, вмѣсто того отъ переполненія кровью мы получаемъ ударъ, или при иныхъ условіяхъ насъ начинаетъ терзать метеоризмъ или лихорадка; а между тѣмъ отъ этого мы вовсе не становимся остроумнѣе и талантливѣе.

3. Смѣшеніе сути вещи съ сопровождающими ее обстоятельствами.

Если объявить мысль химическимъ процессомъ, то легко можно привлечь на свою сторону многихъ, ибо совершенно очевидно, что мышленіе безъ химическихъ процессовъ скоро прекращается. Однако, точно также легко обнаружить и шаткость этого предположенія; стѣбитъ только указать на некритичную и несовмѣстную съ образованностью путаницу, которая, вопреки логикѣ, служитъ здѣсь руководящимъ принципомъ. Ибо на основаніи того же самаго принципа, школьное обученіе, напр., должно было бы

быть не чѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ движеніемъ воздуха въ классной комнатѣ, а стихотвореніе не чѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ размѣщеніемъ по бумагѣ черной краски. Такимъ указаніемъ сопровождающихъ обстоятельствъ насколько не доказывается тождественность предметовъ, не выясняется сущность дѣла. Воздухъ приводитъ въ движеніе и математикъ на кафедрѣ, точно также какъ и религіозный проповѣдникъ, но разница въ колебаніяхъ воздуха, которыя они производятъ, не составляетъ собою различія математическихъ и религіозныхъ мыслей.

4. Обмѣнъ веществъ. Но рѣшительнѣйшее доказательство заключается въ открытомъ самими же естественными науками обмѣнѣ веществъ. То, что мы состоимъ всегда изъ тѣхъ же мускуловъ, костей, нервовъ, кожи и т. д., есть одна лишь видимость; не исчезаетъ только сходство формы, между тѣмъ какъ сами вещества находятся въ постоянномъ теченіи, что подмѣчаетъ даже и невнимательный человѣкъ при обрѣзываніи ногтей и стрижкѣ волосъ. Посредствомъ принятія пищи и дыханія съ одной стороны, съ другой — путемъ отдѣлительныхъ процессовъ, въ которыхъ находящаяся въ насъ вещества или выдѣляются на кожу, облегающую тѣло снаружи и изнутри, или же испаряются черезъ железки кожи, происходитъ постоянный приливъ и отливъ матеріальныхъ элементовъ, образующихъ наше тѣло. Такъ напр., мы теряемъ въ сутки около 3—4 фунтовъ вещества черезъ выдѣленіе пота; изъ одного этого уже можно заключить о бурной почти быстротѣ обмѣна веществъ. Въ новѣйшее время были произведены весьма интересные изслѣдованія относительно этой быстроты. Такъ на голубахъ, у которыхъ отъ перемежающа-

гося кормленія ихъ краппомъ кости окрашиваются въ бѣлыя и красныя кольца, была опредѣлена даже продолжительность пребыванія въ нашемъ тѣлѣ образующейся костной ткани. Фогель доказалъ, напр., что послѣ тифозныхъ болѣзней слѣды нарушенія питанія исчезали на ногтяхъ самое большее чрезъ пять мѣсяцевъ, а бороздки и валики на большихъ пальцахъ ногъ никогда не остаются долѣе семидесяти недѣль. Въ теченіе недѣли, по наблюденіямъ Бо (Beau), ноготь нормально растетъ на одинъ миллиметръ. Значитъ, если такъ скоро обновляются эти органы, а ихъ до извѣстной степени уже отжившія части отдѣляются отъ живого организма въ столь короткое время, то можно себѣ представить изумительную быстроту обмѣна веществъ въ тканяхъ, пронизанныхъ тончайшими капиллярными сосудами. Поэтому наше тѣлесное существованіе непостоянно: мы никогда не тождественны по веществу, изъ котораго состоимъ. Жанъ Поль, при жизни котораго принималось еще семь лѣтъ для полного обновленія нашего тѣла, замѣчаетъ поэтому съ юморомъ, что супруги чрезъ этотъ промежутокъ времени должны бы заново вѣнчаться, потому что они больше уже не тѣ самыя лица.

Если мы остановимся мыслію надъ этими фактами, то сейчасъ же увидимъ, что въ потокѣ смѣняющагося вещества сами то мы всегда остаемся все тѣми же личностями. Воспоминанія наши простираются не только на мѣсяцы тому назадъ, или годы, но и на многіе десятки лѣтъ, когда уже давно ни въ насъ самихъ, ни вблизи насъ и въ поминѣ нѣтъ вещества, нѣкогда образывавшаго наше тѣло. Значитъ, невозможно приписывать нашу личность, наши

мысли и воспоминанія смѣняющемуся веществу, которое поддерживаеь нашу жизнь. Мы принуждены признать нѣчто постоянное, въ чемъ проявляются мысли и чувства, на чемъ основывается жизнь нашей личности. А такъ какъ вещество не остается въ покоѣ, а постоянно смѣняется, то надобно отказаться отъ наивнаго отождествленія вещества и духа. Такъ мы сами собой пришли ко второй точкѣ зрѣнія.

2. Дуализмъ или спиритуализмъ.

Если наивный материализмъ въ естественной ассоціаціи идей сплавляетъ духовныя и физическія явленія, а потому остается на точкѣ зрѣнія дѣтской поэзіи, то дуализмъ наоборотъ разрываетъ обѣ области до такой степени, что ихъ чрезъ эту пропасть не соединишь никакимъ мостомъ. Матеріальнымъ признается только протяженное и способное къ перемѣнѣ мѣста, а идейное рѣзко и ясно противопоставляется ему, какъ нѣчто высшее. Наши чувства и мысли не имѣютъ никакихъ матеріальныхъ свойствъ, но образуютъ жизнь иного міра, который не имѣетъ ничего общаго съ плебейскимъ вещественнымъ міромъ. При этомъ духъ надѣляется величайшею возвышенностью, а неуклюжая матерія презрительно считается недостойною духа; тѣло называется темницею души, или мертвою глыбою праха, который то надѣляется извнѣ жизнью и душою, то вновь теряетъ ихъ.

Критика этого
взгляда; извѣст-
ное изъ опыта
общеніе тѣла и
души.

Но и этотъ взглядъ есть только предварительная ступень высшихъ, научныхъ попытокъ и при болѣе тщательномъ анализѣ тотчасъ же оказываетъ свою наивность. Такъ на что же,

спросимъ мы, тѣло, если духу нѣтъ до него никакого дѣла? Зачѣмъ возвышенная душа не остается сама по себѣ? къ чему ей нуженъ неуклюжій спутникъ, который не въ состояніи ее понимать, и отъ котораго она ничему не можетъ научиться. Вѣдь тѣло, очевидно, доступное лишь механическимъ силамъ, не можетъ быть подвигаемо идейными мыслями; а съ другой стороны, протяженное не можетъ проникнуть въ безпространственную душу. Противъ' этого взгляда говорятъ всѣ факты; между тѣломъ и душой существуетъ общеніе, дружба и симпатія. Одинъ голодъ и пораненіе уже убѣждаютъ насъ въ томъ: хотя они прежде всего касаются тѣла, однако, и душа приходитъ отъ нихъ въ возбужденіе и начинаетъ страдать вмѣстѣ съ нимъ. Точно также, въ обратномъ порядкѣ, испугъ или эротическая любовь, напр., сперва бываютъ состояніями нашей души, а потомъ дѣйствуютъ расслабляющимъ или возбуждающимъ образомъ и на наши тѣлесные органы. Итакъ мы должны отказаться отъ полной отдѣльности и взаимоотноужденности, отъ разнородности тѣла и души, и отрѣшиться отъ дуализма, какъ несогласнаго съ фактическимъ опытомъ; ибо мы, т. е. духъ, понимаемъ и ощущаемъ тѣло, а тѣло понимаетъ насъ, чтобы повиноваться. Какъ могла бы разогнуться рука отъ одного нашего воленія, если бы она не была чувствительна къ этой волѣ. Но какъ скоро мы теперь принуждены опять постулировать связь и родство между тѣломъ и душою, то тѣмъ самымъ и переходимъ къ слѣдующей высшей точкѣ зрѣнія.

Три высшихъ міровоззрѣнія.*)

1. Научный матеріализмъ.

На этой ступени исходятъ изъ бесспорнаго различія всѣхъ явленій духовной жизни и процессовъ физической природы, но не теряютъ однако при этомъ научной осторожности настолько, чтобы раздѣлять обѣ области вполне, а дѣлаютъ попытку вывести духовное изъ матеріальнаго. Если же внимательнѣе остановиться на томъ, какъ понимается этотъ переходъ матеріальной

*) Примѣчаніе. Адольфъ Тренделенбургъ въ своихъ „Vermischte Abhandlungen“ выставилъ эти три рода системъ, (матеріализмъ, идеализмъ и спинозизмъ), какъ единственно возможные, и самъ выбралъ идеализмъ, хотя съ подлинно научной любовью къ истинѣ, какою отличались и критическія и догматическія его работы, онъ открыто заявляетъ, что не въ состояніи то, что движется, т. е. матерію вывести изъ движенія. Четвертое міровоззрѣніе, напр., въ лейбницевоу формѣ, Тренделенбургъ оставилъ безъ вниманія, вѣроятно, потому, что не могъ принять исключительную субъективность пространства и времени. (Ср. мое обсужденіе этого вопроса въ „Геттингенскихъ Ученыхъ Извѣстіяхъ“ 1869 г., вып. 47, стр. 1848.)

Но только при послѣднемъ допущеніи является возможность выйти изъ противорѣчій этихъ трехъ точекъ зрѣнія. — Максимилианъ Дросбахъ пытался обойти старинное противорѣчіе между идеальнымъ и протяженнымъ такъ, что идеальному онъ приписалъ и протяженность, почему его и сопричислили къ матеріалистамъ. Но онъ принадлежитъ къ нимъ только въ самомъ отдаленномъ смыслѣ, ибо рѣшительно отделяется отъ вульгарнаго матеріализма: слѣдуя болѣе разумной методѣ древнихъ гилозоистовъ, онъ связываетъ матерію съ духовными силами, правда, весьма таинственно. Но и ему не удалось выяснитъ предмета, потому что протяженности нельзя перенести на духовную дѣятельность: пространство есть только форма, подъ которою мы предметно воспринимаемъ феноменальное. Замѣтимъ, что Дросбахъ—человѣкъ почтенный: съ мужествомъ и чувствительной теплотою онъ вступилъ за личностное безсмертіе.

природы въ душу и духъ, то тотчасъ же окажется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо естественнаучномъ наблюденіи, такъ какъ духа нельзя ни пощупать, ни понюхать даже въ самомъ началѣ его возникновенія. Ничего также здѣсь нельзя подѣлать и съ помощью эксперимента, вѣсовъ и термометра, такъ какъ духъ не горячъ и не холоденъ, ни тяжелъ, ни легокъ; его нельзя произвести въ ретортѣ какимъ-нибудь химическимъ процессомъ. Итакъ, не остается ничего иного, какъ мыслить духъ при помощи нѣкоторыхъ аналогій. Разсмотримъ же пообстоятельнѣе эти уподобленія, которыя отчасти увлекаютъ насъ своей поэтической прелестью, отчасти подкупаютъ грубою наглядностью.

Какъ желчь есть функція печени, такъ будто бы и духъ является функціей мозга. Но при этой аналогіи возникаетъ затрудненіе въ томъ, что желчь сама воспринимается и уловима чувствами, тогда какъ духа ими мы никакъ не можемъ уловить. Поэтому еще буддисты придумали сравненіе потоньше, въ которомъ функціею выбрано болѣе легкое явленіе. Какъ при трениі двухъ кусковъ дерева, говорили они, вылетаетъ искра, совершенно не похожая на нихъ ни по силѣ дѣйствія, ни по внѣшнему виду, такъ и духъ исходитъ изъ тѣла; или какъ извлекается изъ лиры звукъ, непохожій и совсѣмъ отличный отъ струнъ, такъ и душа исходитъ изъ тѣла. Греки исходили изъ другого еще болѣе тонкаго представленія. Ибо искра и звукъ все еще — нѣчто вещественное, а потому аналогія съ душою менѣе убѣдительна. Напротивъ, гармонія является нечувственною функціею чувственныхъ факторовъ. Струны и ихъ колебанія, и даже самый звукъ ихъ все еще не гармонія; гармонія, наконецъ, — не

тотъ и не другой звукъ, и даже не всѣ вмѣстѣ, но — ихъ отношеніе другъ къ другу, которое само вовсе не вещественный предметъ, а между тѣмъ составляетъ очень понятное основаніе музыкальнаго наслажденія.

Такихъ сравненій можно найти множество; самыя лучшія изъ нихъ, конечно, тѣ, въ которыхъ вполне проступаетъ различіе между продуктомъ и факторами. Если, напр., двѣ неравныя силы дѣйствуютъ съ различныхъ сторонъ на какой-нибудь предметъ подъ прямымъ угломъ, то онъ, на основаніи закона о параллелограммѣ силъ, будетъ подвигаться по діагонали, т. е. не пойдетъ ни по тому, ни по другому направленію, а по совершенно иному отъ обоихъ. Такимъ образомъ становится понятна разнородность душевныхъ явленій и субстанціи мозга.

Сравненіе будетъ еще яснѣе, если взять картину, на которой нарисована знакомая намъ особа, или прекрасный пейзажъ. Вѣдь картина состоитъ просто изъ наложенныхъ рядомъ цвѣтныхъ пятенъ. Если мы, подошедши къ ней вплотную, станемъ разсматривать каждую цвѣтовую частичку особо, то получимъ точь въ точь такое же впечатлѣніе, какъ будто разсматриваемъ пятна на палитрѣ художника: мы не имѣемъ никакихъ воспріятій отъ самой картины. Но какъ скоро мы нѣсколько отступимъ, то мы не видимъ уже вещества красокъ, а усматриваемъ картину; мы узнаемъ лицо, или группу пейзажа и чувствуемъ эстетическое наслажденіе. Значитъ, факторы картины не имѣютъ ни малѣйшаго сходства или сродства съ самой картиною, а всетаки служатъ достаточными причинами для того, чтобы вызывать въ зрителѣ образъ.

То же самое можно показать и на словѣ, ни

въ слогахъ, ни въ гласныхъ или согласныхъ звукахъ по отдѣльности не содержащемъ смысла и значенія, которые даетъ намъ цѣлое произнесенное слово. Такъ и душа должна быть не суммою нервныхъ клѣточекъ мозга, но ихъ идейною функціей. Мѣткую въ объясненіи того же воззрѣнія аналогію представляетъ и качественная метаморфоза при химическихъ соединеніяхъ; ибо соединеніе или соль постоянно обладаетъ иными свойствами, чѣмъ тѣ, которыя обнаруживаются каждымъ изъ отдѣльныхъ составныхъ элементовъ.

Критика.
Функція есть
дѣйствіе, не суб-
станція.

Теперь мы должны раздѣлаться съ материалистическимъ воззрѣніемъ. Для этого вернемся къ указаннымъ выше категоріямъ (стр. 21 и 23) и прежде всего установимъ положеніе, что каждая функція можетъ быть названа только слѣдствіемъ, а потому принадлежитъ къ акциденціямъ, но не къ субстанціямъ, т. е. что функція не имѣетъ бытія по себѣ, а только въ другомъ, именно въ своихъ факторахъ, будутъ ли они постоянные, или переменные. Но если бы оказалось, что душа — субстанція, и, значитъ, принадлежитъ къ самобытнымъ причинамъ, и посему есть факторъ, а не функція, то этимъ было бы опровергнуто все разбираемое воззрѣніе.

Единство функцій*)
предполагаетъ
единую суб-
станцію.

Нетрудно увидѣть, что всѣ вышеприведенныя аналогіи для душевныхъ явленій суть лишь поэтиче-

*) Примѣчаніе. Недавно одинъ ловкій много читаемый писатель воспользовался явленіями наркозы при хлороформированіи для того, чтобы отрицать единство и самобытную сущность души. Бывало будто бы, что хлороформируемый, сохраняя сознание, совершенно терялъ только чувствительность, между тѣмъ какъ обыкновенно вмѣстѣ съ ощущеніемъ боли исчезаетъ и сознание. Изъ этого выводится заключеніе,

скія грезы и, по правдѣ, вовсе не представляютъ аналогій. Такъ въ первыхъ примѣрахъ желчь, искра и звукъ сами вѣдь субстанціи, въ прочихъ же аналогіяхъ нѣтъ функціи, если не предположить единой субстанціи, для которой и въ которой совершается функція. Концертъ существуетъ только для слушателей, картина для зрителей. Куда дѣвалась бы гармонія, если бы одна и та же субстанція, воспринимающая одинъ звукъ, не слышала и другого? Гдѣ было бы пониманіе слова, если бы всѣ звуки не были соединены и сведены къ единству смысла однимъ и тѣмъ же слушающимъ? Какъ бы наслаждаться картиною, если бы всѣ различныя впечатлѣнія красокъ не соединялись въ одномъ

якобы душа дѣлима или, такъ сказать, химически разлагается, причемъ можно отнять отъ нея по частямъ чувствительность, или сознаніе, какъ отдѣлимые составныя части, подобно тому, какъ и въ низшихъ животныхъ, червяхъ и полипахъ „сознаніе“ также является де „искусственно дѣлимою вещью“. Новые факты вождѣльны и чрезвычайно цѣнны для друга науки, но только факты еще не составляютъ знанія; иначе человѣчество уже давно обладало бы великими взглядами, которые были бы выработаны естественными науками, ибо и въ обыкновенныхъ уже явленіяхъ природы заключается громадное сокровище фактовъ. Факты должны подвергаться сравненію и толковаться понятіями; только тогда даютъ они пониманіе и науку. Наука есть работа разума надъ фактами. Но объясненіе фактовъ есть, какъ основаніе всякаго знанія, такъ и основаніе всѣхъ заблужденій.

И если мы испытаемъ только что приведенныя объясненія означенныхъ явленій, то сейчасъ же окажется, что дѣленіе сознанія въ полипѣ не есть фактъ и не есть также продуманное объясненіе извѣстнаго явленія, что обѣ половинки раздѣленнаго полипа могутъ продолжать жить; ибо не пріобрѣтши посредствомъ какого-нибудь эксперимента и малѣйшей прицѣпки относительно того, что каждая изъ половинокъ полипа получаетъ и обладаетъ только половиннымъ сознаніемъ, ни одинъ ученый не долженъ бы утверждать такихъ вещей.

и томъ же зрителѣ въ единый образъ. Всѣ эти аналогіи грѣшатъ одною и той же ошибкой: онѣ хотятъ отвергнуть самостоятельность духа, заставляя его излучаться изъ матеріи въ качествѣ функціи; но въ тоже время всѣ онѣ, вопреки себѣ, заставляютъ предполагать самостоятельную субстанцію, въ которой должно объединяться дѣйствіе различныхъ факторовъ.

Но такъ какъ означенныя воззрѣнія раздѣляются многими образованными людьми и даже безспорно выдающимися естествоиспытателями, то мы обязаны передъ ними хорошенько вдуматься въ этотъ взглядъ, чтобы тогда только оставить его, какъ несостоятельный, когда онъ самъ собою перейдетъ въ иное воззрѣніе. Итакъ, пусть пока будетъ

Явленіе объясняется просто по аналогіи съ происхожденіемъ животныхъ посредствомъ дѣленія, о чемъ мы говоримъ ниже.

Но явленія наркозы при хлороформированіи во всякомъ случаѣ эксплуатируются тоже черезчуръ сангвинически. Естествоиспытателю подобаешь осторожность и отсутствіе всякаго предубѣжденія въ пользу извѣстныхъ результатовъ. Дѣлима ли душа, или образуетъ самостоятельное единство — мы всегда будемъ любить истину, если только она достовѣрно гарантирована фактами. При спокойномъ же сравненіи мы увидимъ тотчасъ, что угнетеніе чувствительности при хлороформированіи является только однимъ фактомъ среди множества ему подобныхъ и не дозволяетъ намъ дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ новыхъ умозаключеній; ибо какъ здѣсь подавляется дѣятельность чувствительныхъ нервовъ, такъ мы знаемъ давно уже, что дѣятельность и всѣхъ прочихъ нервовъ также можетъ быть подавляема. Если мы въ освѣщенной комнатѣ погасимъ огни, то тотчасъ прекращаются всѣ до сихъ поръ бывшія зрительныя ощущенія; зажигаемъ огонь опять, — и они появляются снова. Точно также можно затыканіемъ ушей ватой понизить, или прекратить ощущенія слуховыхъ нервовъ, а при насморкѣ на время исчезаютъ обонятельныя ощущенія. И все это можно, какъ и при хлороформной наркозѣ, произвести въ постепенной прогрессіи. Итакъ мы давно уже знаемъ множество аналогичныхъ фак.

душа функциею, и только въ силу вышеизложенныхъ основаній пусть она приходитъ къ единству въ какой-либо субстанціи.

Объединяющая субстанція не есть цѣлое тѣло. Прежде всего было бы возможно, что субстанція, въ которой душевная жизнь, какъ функция, приходила бы къ единству, есть все матеріальное тѣло, что душа, разлитая по всѣмъ частямъ его, образуетъ повсюду присутствующую функцию, такъ что одушевлено было бы цѣлое тѣло. Но противъ этого говоритъ опытъ: кости, волосы, ноги, даже сухожилія и мускулы никому не являлись въ качествѣ носителей сознанія, и развѣ только въ шутку говорится, что душа у кого-либо ушла въ пятки. А кромѣ того: какъ тѣло состоитъ изъ частей, и не образуетъ единообразнаго цѣлаго,

товъ, но еще никогда никто не осмѣливался выводить отсюда, что душа подѣлилась, когда вступаешь изъ свѣтлой комнаты въ темную.

Точно также давно уже извѣстно, что мы можемъ понижать сознаніе извѣстными напитками и прекращать его на время, какъ это ежедневно происходитъ во время сна. Поэтому психологіи къ тому матеріалу, которымъ она уже обладала, нечего прибавлять изъ этихъ новыхъ фактовъ, не говоря уже о томъ, чтобы она сама могла претерпѣть отъ нихъ преобразование. Искусство выиграло отъ знанія новаго средства вызывать по желанію извѣстныя состоянія тѣла, и особенно, нервной системы, но химическому разложенію души отъ того не посчастливилось. Итакъ для нашего вопроса остается только то, что отъ вдыханія хлороформа чувствительные нервы притупляются къ тому измѣненію, которое душа испытывала бы, какъ боль; но нельзя представлять себѣ дѣла такъ, что нервы сами испытываютъ страшную боль, отдѣлившись отъ души и какбы нагрузившись ею. Боли не бываетъ внѣ души, и потому никоимъ образомъ боль не можетъ отдѣляться отъ нея, или представляться сама по себѣ. А какъ такое представленіе было бы фантастично, то спокойное изслѣдованіе и предостерегло насъ напередъ не признавать дѣлимости души безъ основаній.

то было бы невыносимою тавтологіей, чтобы каждая часть обладала одною и той же функцией. Раздѣленіе частей и отправленій — столь общераспространенный законъ въ природѣ, что положить такую пустую мысль во главу всѣхъ ея явленій, значило бы итти противъ всякой вѣроятности.

Объединяющая субстанція не есть нервная система. Опроверженіе отъ факта сужденія.

Посему отъ этого предположенія чаще всего отказывались, и, основываясь на экспериментахъ, приписывали функцию душевной жизни спинному и головному мозгу. И дѣйствительно, нервы и душа, какъ указываютъ всѣ фізіологическіе опыты, стоятъ въ такой глубокой связи, что сліяніе этихъ обоихъ понятій весьма естественно; нечего удивляться, что приверженцы этого ученія тотчасъ же нервничаютъ, если кто не захочетъ признать ихъ «нервы» за мѣсто-пробываніе души. Мы присоединились бы къ этому ученію, если бы изъ него можно было объяснить факты душевной жизни; но если прочно установленный, всѣми признаваемый фактъ стоитъ съ нимъ въ противорѣчій, то мы безо всякихъ сомнѣній должны отвергнуть это ученіе. Такимъ фактомъ является сужденіе. Всякій признаетъ, что мы какъ-либо и о чемъ ни на есть судимъ, и даже тотъ, кто, не желая отказываться отъ своей роли, не сталъ бы допускать этого, высказалъ бы, хотя и отрицательное, но всетаки сужденіе, а тѣмъ призналъ бы фактъ.

Мы спокойно можемъ выводиться отсюда логическія слѣдствія; для облегченія критики предупреждаю читателей о своемъ намѣреніи поставить теперь первую посылку силлогисма. Всякое сужденіе предполагаетъ простое единство судящаго субъекта или произносящей сужденіе субстанціи. Хотя многіе согласятся со мной въ

этомъ тотчасъ же, но ради прочности заключенія я приведу еще и подробное тому доказательство. Въ каждомъ сужденіи соединяются, по меньшей мѣрѣ, два разныя представленія*), както: воздухъ душень, роза благоухаетъ, Сикстинская Мадонна написана Рафаэлемъ. Но въ сужденіи мы упраздняемъ эту двойственность, или множественность представленій и приводимъ послѣднія къ единству; мы вовсе не хотимъ мыслить «воздухъ» самъ по себѣ, а «душный» по себѣ, но воздухъ долженъ включатьъ въ себя духоту; ибо кто не совершитъ этого соединенія, тотъ, можетъ быть, станетъ искать духоты не въ воздухѣ, а въ чемъ-либо иномъ. Кто представленіе «написанная Рафаэлемъ» не соединяетъ съ Сикстинской Мадонною, тотъ имѣетъ два представленія только другъ подлѣ друга, а не другъ въ другѣ, и, значить, могъ бы думать, что она написана Рубенсомъ, либо Тиціаномъ; слѣдовательно, онъ не связалъ бы даннаго сужденія. Поэтому съ сужденіемъ дѣло обстоитъ такъ, какъ показывалъ еще Аристотель со своею мастерскою діалектической наглядностью: представленія, имѣющія быть связанными въ сужденіи, мы какбы распредѣляемъ между двумя лицами. Если каждое изъ нихъ имѣетъ по одному только представленію, то не можетъ образоваться и сужденія. Если, напр., одно лицо имѣетъ лишь: «написанная Рафаэлемъ», а другое лицо только: «Сикстинская Мадонна», то ни то, ни другое лицо не могло бы еще осуществить вышеозначеннаго сужденія, что возможно тогда только, когда одно и то же лицо, т. е. одинъ и тотъ же судящій субъектъ, связы-

*) Примѣч. ред.: строго говоря, не представленія, а соотносительныя точки вообще.

ваетъ оба представленія въ единство. Этимъ соображеніемъ, полагаю, посылка доказана.

Теперь мы перейдемъ къ меньшей послылкѣ нашего силлогизма. Для нея не требуется доказательствъ, такъ какъ по признанію всѣхъ естествоиспытателей спинной и головной мозгъ не образуетъ простой, единой субстанціи; всѣ они разлагаютъ нервную систему на безчисленное множество волоконъ и клѣтокъ, которыя въ свою очередь опять состоятъ будто бы изъ громаднаго количества атомовъ, т. е. самостоятельныхъ единицъ, такъ или иначе расположенныхъ въ пространствѣ рядомъ другъ съ другомъ.

Отсюда съ принудительной необходимостью, по сердцу то кому, или нѣтъ — все равно, вытекаетъ заключеніе, что нервная система, какъ цѣлое, не можетъ быть носительницею или субстанціей для духовной функціи. Пока сужденіе считается фактомъ, всякому серьезно мыслящему человѣку придется отказаться признать мозгъ, раздѣленный на множество частей, тѣмъ цѣлымъ, которое необходимо для единства сужденія. Подобныя гипотезы, какъ постоянно мы находимъ, высказываютъ только неопытные въ діалектикѣ люди; а у выдающихся естествовѣдцовъ онѣ проскальзываютъ потому лишь, что все ихъ вниманіе обращено въ другую сторону, такъ что философскія понятія они обыкновенно анализируютъ далеко не съ тою тщательностью, какъ чувственные предметы.

Объединяющая субстанція не есть матеріальный атомъ.

Остается еще третья возможность, что духовная жизнь, будучи функціей мозга, объединяется въ какой-нибудь одной его простой части, и въ ней,

какъ въ искомой субстанціи, и реализуется. Это послѣднее предположеніе спокойно можно бы допустить, такъ какъ имъ признается, во первыхъ, требованіе единства, и, во вторыхъ, требованіе субстанціи, какъ носительницы акцидентной функціи. Но тутъ же должно прибавить условіе, которое, пожалуй, нѣкоторымъ друзьямъ природы покажется невыносимымъ, а именно, что эта простая часть мозга не можетъ быть ни цѣлою кѣлочкой, ни цѣлымъ атомомъ, а только непротяженнымъ и недѣлимымъ единствомъ, которое одно лишь и можно назвать атомомъ или монадой въ истинномъ смыслѣ слова. Ибо коль скоро атомъ все еще будетъ матеріальнымъ, т. е. протяженнымъ, то на нашъ болѣе строгій взглядъ опять выступаетъ предыдущее второе предположеніе: у насъ тогда опять множество рядомъ лежащихъ частей, будутъ ли онѣ непрерывными, или раздѣльными; и опять мы должны, употребляя аристотелево сравненіе, предположить столько же лицъ, которыя ничего другъ про друга не знаютъ, а потому не въ состояніи и составить самаго незначительнаго сужденія. Духовная жизнь, и особливо, мышленіе, которое покоится на постоянномъ сравненіи всѣхъ представленій, требуютъ поэтому простой субстанціи, въ которой многое существуетъ не просто другъ подлѣ друга, а другъ въ другѣ. Слѣдовательно, эта субстанція отнюдь не можетъ быть матеріальной, но только идейною.

Какъ бы вначалѣ ни увлекаться красивыми, наглядными аналогіями этого болѣе тонкаго матеріализма, какъ бы потомъ ни признавать въ нихъ нѣкую крупинку истины, тѣмъ не менѣе мы должны отклонить поспѣшное умозаключеніе, что душа можетъ быть функціею

мозга. Мы видимъ, наоборотъ, что само это предположеніе при болѣе точномъ анализѣ ведетъ къ совершенно противоположному заключенію, а именно, къ признанію души простою нематериальной субстанціею.

Опроверженіе
теоріи замѣще-
нія.

Прежде чѣмъ разсматривать указанную вторую точку зрѣнія — идеализмъ, мы должны устранить еще одно возраженіе, которое вѣско въ глазахъ многихъ, даже и замѣчательныхъ людей. Именно: полагаютъ, что, хотя путемъ всевозможныхъ выдѣленій въ процессѣ обмѣна веществъ старый матеріалъ нашихъ тканей исчезаетъ, но вслѣдствіе ассимиляцій на старыя мѣста поступаетъ все новое вещество изъ крови, такъ что не только въ общемъ формѣла остается той же самою, но, можетъ быть, каждый уходящій атомъ передаетъ свое приобретенное путемъ опыта содержаніе, т. е. относящіяся къ нему: представленіе, чувствованіе, движеніе воли — новому атому, вступающему на его мѣсто. Такимъ образомъ черезъ этотъ обмѣнъ веществъ мы всегда и становились бы новыми, и все же оставались бы прежними, тѣми же самыми лицами, потому что постоянно продолжалась бы такая передача. Это удивительно хорошо придумано, и, повидимому, не только по аналогіи съ видимо пребывающимъ сходствомъ тканей, несмотря на быстрый обмѣнъ веществъ въ нихъ; но, очевидно, не слишкомъ преувеличено и значеніе услуги, какой эта теорія ожидаетъ отъ уходящихъ атомовъ, такъ какъ они не будутъ обладать чрезмѣрнымъ обиліемъ мысленнаго содержанія, а потому и могутъ легко передать его, подобно паролю у смѣняющагося часового, въ немногихъ словахъ. Но если мы захотимъ серьезно обсудить состоятельность этого

взгляда, то тотчасъ же узнаемъ, что форма ткани, принимаемая вновь ассимилированнымъ веществомъ, есть чисто физическая, и притомъ на просто объясняется вообще и одинаково изъ всеобщихъ законовъ природы, одинаковыхъ для всѣхъ индивидовъ одного и того же вида: какъ напр., всѣ клѣтки печени и почекъ у всѣхъ особей функционируютъ одинаково. Духовное же содержаніе двухъ недѣлимыхъ весьма различно; а потому каждый нервный атомъ сталъ бы пріобрѣтать не общее и одинаковое духовное содержаніе, слѣдующее ему по законамъ природы, но наоборотъ, вполне случайно то одно, то другое, не имѣющее никакой связи съ его общою сущностью. Но это говоритъ уже противъ аналогіи.

Несмотря на то, попробуемъ, однако, допустить возможность такой аномаліи и спросимъ себя, какъ же мыслить переносъ духовнаго содержанія. Вѣдь каждый атомъ ткани по этой теоріи совершенно подобенъ другому; кромѣ того, въ силу своего особаго духовнаго содержанія онъ обладаетъ опредѣленною индивидуальностью, которую и передаетъ ближайшему прибывающему новому атому. Какъ же? Только одному новому пришлецу? или вообще всему его окружающему, что гораздо вѣроятнѣе? Въ первомъ случаѣ возникаетъ вопросъ о причинѣ такого выбора, во второмъ начали бы размножаться воспоминанія, что противорѣчитъ опыту; кромѣ того, такъ какъ сообщеніе должно бы существовать во всѣ стороны и взаимовозвратно, то привелось бы допустить, что въ концѣ концовъ всѣ малѣйшія частицы головного мозга прониклись бы всѣмъ духовнымъ содержаніемъ человѣка; а это въ свою очередь значило бы, что у человѣка существуетъ не одна душа, какъ является намъ въ самосо-

знаніи, но безчисленное множество ихъ, и притомъ всё съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ. Конечно, обладать такимъ магазиномъ душъ было бы очень желательно, еслибъ ихъ можно было дарить, или продавать больнымъ при смерти; но для собственнаго употребленія достаточно и по одной душѣ на брата.

Если же, избѣгая этой безвкусицы, предположить, что духовное содержаніе по какому-нибудь закону, отступающему отъ обычнаго хода природы, передается одному только изъ новоприбывшихъ, такъ что все содержаніе дѣлилось бы между различными самобытными атомами, то открылось бы еще гораздо большее затрудненіе. Тогда душа должна была бы тотчасъ же замереть и потерять сознаніе. Причина тому весьма понятна. Всякое сознательное размышленіе и обдумываніе заключаются въ способности сравнивать такимъ образомъ, что сопоставляются другъ съ другомъ много различныхъ случаевъ, и какъ это всякому извѣстно, опредѣляется ихъ сходство, или различіе, ихъ взаимныя отношенія и слѣдствія этихъ отношеній. Если же мы представимъ себѣ, что каждый атомъ есть носитель только одного представленія, то эти представленія уже не могутъ быть сравниваемы, такъ какъ для того необходимъ третій принципъ, который одновременно могъ бы совмѣстить содержаніе двухъ, или многихъ атомовъ. Два представленія наряду въ двухъ различныхъ атомахъ остаются, какъ были, и вовсе еще не допускаютъ возможности сравненія, подобно тому, какъ не выходитъ сравненія относительно сходства, или несходства двухъ людей изъ того, что они стануть рядомъ. Для этого необходимъ чловѣкъ, который представлялъ бы себѣ ихъ

обоихъ вмѣстѣ, такъ чтобы образы ихъ были не отдѣльно другъ отъ друга, но оба въ единомъ. Но такъ какъ вся мыслительная дѣятельность состоитъ въ такомъ соотношеніи точекъ другъ съ другомъ, то, значить, единство человѣческой личности въ ея самосознаніи нужно объяснять тѣмъ, что всѣ представленія и чувствованія живутъ не въ различныхъ, но въ одномъ и томъ же существѣ, которое тогда естественно не можетъ быть и матеріальнымъ, но только идейнымъ. Значить, и это возраженіе возвращаетъ насъ назадъ къ дуализму; ибо какъ бы ни желали мы подавить всѣ затрудненія, соединенныя съ вопросомъ о способѣ передачи, всетаки главнѣйшее въ жизни оставалось бы безъ объясненія. Вѣдь мы никогда не могли бы сравнивать прежняго съ настоящимъ, не могли бы и комбинировать различныхъ мыслей, если бы даже при обмѣнѣ вещества старый запасъ содержанія и передавался всегда молодому поколѣнію клѣтокъ, слѣдовательно, не могли бы ни сочинять, ни мыслить, ни любить и ненавидѣть безъ предположенія того дуалистичнаго принципа, который заразъ совмѣщаетъ въ себѣ все различное содержаніе, а потому и въ состояніи его сравнивать.

2. Идеализмъ.

Идеализмъ всегда исходитъ изъ разсмотрѣнія такъ называемыхъ матеріальныхъ вещей. Онѣ вначалѣ являются каждому, какъ бытіе и сущность вообще; но противъ этого мнѣнія выступаетъ понятіе бытія, до какого дошли разумомъ: бытіе и небытіе вѣдь стоятъ въ полнѣйшемъ противорѣчii. Все же матеріальное при-

частно небытію: а именно, матеріальныя пред-
 меты чувственнаго воспріятія мы считаемъ за
 сущее, а затѣмъ видимъ таки, что они погибають,
 то есть, уже болѣе не существуютъ. Выходить, что
 сущее какбы причастно и небытію. Но такъ какъ
 это противорѣчитъ разуму, то онъ и отказы-
 вается признать бытіе за матеріальными вещами
 и разсматриваетъ ихъ только, какъ видимость,
 или какъ явленіе иного, подлиннаго бытія, ко-
 торое само не исчезаетъ и потому познается не
 чувствами, но однимъ лишь разумомъ или умомъ
 (бытіе интеллигибельное). Точка зрѣнія, по кото-
 рой изъ нематеріальной субстанціи, познаваемой
 разумомъ, происходятъ вещи чувственнаго вос-
 пріятія, именуется идеализмомъ. Идеалисты на-
 зываютъ это нематеріальное сущее формою ве-
 щей или идей, изъ которой и черезъ которую
 все произошло. Мы, конечно, не имѣемъ здѣсь
 цѣлю изложеніе идеализма, но указываемъ только
 его отношеніе къ нашему вопросу. Вслѣдствіе
 вышеозначеннаго познанія идеалистъ принужденъ
 выводить природу или матеріальное и чувственное
 явленіе изъ предмѣрнаго, идеальнаго или разум-
 наго, а уже изъ природы опять таки душу и
 духъ, не какъ матеріалисты, считающіе душу
 функціею тѣла, но такъ, что предшествующее
 образованію тѣла идеально-реальное бытіе уже
 содержитъ въ себѣ потенціи душевной и духов-
 ной жизни и осуществляетъ ихъ во времени
 только послѣ полнаго развитія тѣла, такъ что
 нѣкоторымъ образомъ душа производитъ душу, а
 духъ порождаетъ духъ, но только путемъ пре-
 вращенія въ матеріальную природу и перехода
 черезъ нее.

Способъ, которымъ совершается этотъ про-
 цессъ, конечно, различенъ въ разныхъ системахъ

идеализма. Поэтому я долженъ ограничиться немногими указаніями, достаточными, однако, для обсужденія нашего вопроса. Гегель, великій диалектикъ, пользуется такъ называемымъ началомъ отрицательности: чрезъ отрицаніе у него происходитъ всяческое живое развитіе. По его ученію, природа есть отрицаніе первоначальной божественной сущности, которая путемъ повторенія отрицанія, т. е. черезъ упраздненіе природы, только и открывается въ своей истинѣ, какъ душа и духъ. Другіе, какъ напр., Шопенгауэръ, разсматриваютъ духъ просто, какъ служителя воли, но не отождествляютъ матеріалистически воли съ тѣломъ, а полагаютъ послѣднее феноменальною реальностью воли, такъ что духъ всетаки исходитъ изъ самого принципа. Творецъ же всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія есть Аристотель съ своимъ понятіемъ энтелехія, подъ которою онъ разумѣетъ дѣятельность, развившуюся изъ связаннаго, потенціального состоянія къ свободѣ и дѣйствительности, именно, въ силу предшествовавшей ей такой же дѣятельности. Отсюда душа у него — энтелехія или совершенная функція тѣла, а тѣло — потенція ея; душа отца есть сила, предшествовавшая, и управлявшая развитіемъ. Подобнымъ же образомъ понималъ это отношеніе и знаменитый К. Бэръ. На вопросъ, съ которымъ обратилась къ нему одна высокопоставленная дама: „какъ входитъ душа въ тѣло?“ онъ отвѣчалъ: „не входитъ, но исходитъ изъ него“. Онъ разсматривалъ ее именно въ аристотелевомъ смыслѣ, какъ становящійся сознательнымъ всеобщій позывъ къ организованію, который созидаетъ тѣло и еще безсознательно, какъ къ своей цѣли, уже стремится къ душевному и духовному сознанію.

Критика. Идеализмъ не можетъ объяснить факта индивидуальнаго существованія.

Эта точка зрѣнія представляетъ, конечно, наиболѣе разумное пониманіе природы и высоко стоитъ надъ матеріализмомъ и дуализмомъ, такъ какъ она соединяетъ обѣ половины міра въ одно органическое, историческое цѣлое. Но мы не должны скрывать отъ себя, что и при ней остаются нѣкоторыя затрудненія, которыя, можетъ быть, приведутъ насъ къ отреченію отъ нея. Если мы поразмыслимъ надъ дѣйствительно существующими вещами и личностями, то станетъ очевидно, что всѣ онѣ единичны, каждая для себя и въ себѣ. Индивидуальность или свойство быть реальнымъ индивидомъ, особымъ единичнымъ существомъ — присуща всему дѣйствительному. Но принципъ, изъ котораго всякій идеализмъ выводитъ дѣйствительность, есть всегда нѣчто общее, будь въ основѣ бытія форма, или идея, или понятіе, или же влеченіе къ созиданію, воля и т. д. Если же общее имѣетъ своею сущностью быть общимъ, въ силу чего оно именно и есть общее, то отсюда уже нѣтъ возможности какимъ бы то ни было образомъ, даже призрачно, вывести единичное или индивидуальное. Изъ общаго, или изъ понятія талера мы не можемъ сдѣлать, какъ бы сильно ни побуждала насъ нужда, ни одного подлиннаго талера. Недостаетъ при этомъ вещества, которое всегда составляетъ принадлежность единичнаго бытія или индивидуальности. И если кто, дѣлая смѣлый прыжокъ, утверждаетъ, что сущность вещества вмѣстѣ съ идеальнымъ уже заключается въ основномъ принципѣ бытія въ исконномъ безразличіи, то стоитъ только хорошенько приглядѣться къ такому скачку, чтобы убѣдиться, что онъ ведетъ въ пропасть, ибо вещество, мыслимое, какъ нѣчто общее, уже не есть болѣе вещество; мыслимое

же индивидуальнымъ, оно не можетъ быть общимъ, что достаточно доказывается спорами изъ за „моего и твоего“, и вообще, борьбою за существованіе. Позывъ же къ организованію, какъ общее начало, существуетъ внѣ времени и пространства: какъ же онъ запримѣтитъ, когда и гдѣ ему позывать? Обратиться ли ему на самого себя, или дѣйствовать на вещества, кои онъ организуетъ? Если на самого себя, то онъ пребудетъ въ своей всеобщности; тогда не выйдетъ ни одного индивидуальнаго человѣка, ни одной особи животнаго. Если же онъ станетъ влечь къ организованію вещество, то, дѣйствуя въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ, онъ могъ бы изъ общаго создать индивидуальное; но тѣмъ самымъ онъ оборвалъ бы у себя нить жизни, такъ какъ призналъ бы вещество внѣ себя, а тѣмъ самымъ опять погрязъ бы въ дуализмѣ и раздѣлилъ бы всѣ затрудненія этой точки зрѣнія. Значитъ, какъ изъ общей сущности линіи не образуется отдѣльнаго треугольника, хоть онъ и состоитъ только изъ линій, а для этого нужно еще опредѣленное условіе, въ силу котораго опредѣленная линія проводится въ такомъ то опредѣленномъ направленіи: такъ и вообще идеализмъ не годится для объясненія индивидуальной субстанции, индивидуальной души и личности.

3. Спинозизмъ.

Такъ какъ ни духовное не можетъ произойти изъ матеріальнаго, ни матеріальное и индивидуальное — изъ идеальнаго, то весьма естественно могла появиться мысль, что оба міра, идеальный и матеріальный, идутъ параллельно другъ другу и суть различныя выраженія одной и той же субстанции. Въ этомъ воззрѣніи нѣтъ величаваго

замысла и полета, который придает идеализму такой возвышенный характер; зато этот параллелизм или спинозизм, повидимому, превосходит прежнія точки зрѣнія тонкостью и остротою мысли. Поэтому надъ нимъ стоить призадуматься, стоить критически разсмотрѣть его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые замѣчательные современные естествоиспытатели усвоили себѣ это воззрѣніе.

Оно состоитъ въ томъ, что полагается только единое сущее; разсматриваемое съ различныхъ сторонъ, оно является подъ различными атрибутами: разсматриваемое духовно, оно является духовнымъ, разсматриваемое же черезъ чувства — матеріальнымъ, протяженнымъ и въ движеніи. Эти обѣ стороны міра должны оставаться вездѣ параллельными, какъ это лучше всего извѣстно намъ въ человѣкѣ, въ которомъ мы различаемъ душу и тѣло (а общенія до сихъ поръ не могли опредѣлить). На самомъ же дѣлѣ, ни тѣло не дѣйствуетъ на душу, ни наоборотъ, ибо оба они не различны другъ отъ друга, но суть одно и то же, только разсматриваемое съ разныхъ сторонъ. Поэтому все духовное должно выражаться матеріально — и все тѣлесное будетъ сказываться идейно. Въ этомъ воззрѣніи исчезаютъ всѣ затрудненія причиннаго происхожденія одного изъ другого; правдоподобіе этого взгляда какъ будто весьма большое. Такъ, прежде всего, аффекты обнаруживаютъ повсюду психическія явленія или такъ называемыя душевныя движенія, каковы, напр., гнѣвъ, страхъ, зависть, съ которыми рука объ руку несомнѣнно идетъ и физическое явленіе; такъ, при гнѣвѣ мускулы лба энергически сокращаются, кулаки сжимаются, голосъ звучитъ громко; при страхѣ кровь отливаетъ отъ поверхности, отчего по лицу распространяется блѣдность; насъ охваты-

ваеъ дрожь, мышцы ногъ какбы парализуются, сжимающія мышцы становятся безсильными и т. д. Всѣ искусства, повидимому, требуютъ этого возрѣнія, такъ какъ художникъ въ краскахъ, фигурахъ и тонахъ можетъ выразить лишь матеріальное, а между тѣмъ полотно, мраморъ и звуки скрипки должны изображать духовную и сердечную жизнь, нравственныя явленія и дѣянія. Мы должны видѣть тамъ не чувственное, а духовное, такъ какъ и то и другое по своей субстанціи тождественно и только различно выражено. Легкая, но повсюду замѣтная симпатія, повидимому, проникаетъ и чувственный и духовный міры: основаніемъ ея должно быть не иное что, какъ эта тождественность обоихъ параллельныхъ выраженій. Поэтому естественно постулировать, чтобы каждое духовное явленіе объяснялось изъ предшествовавшаго духовнаго явленія, а не матеріалистически — изъ тѣлеснаго; съ другой стороны, и каждое физическое движеніе выводится изъ другого физическаго движенія, а не идеалистически — изъ какого-нибудь акта воли или мысли. Значитъ, обѣ области находятся сами по себѣ въ предустановленной гармоніи, а потому не нуждаются въ приведеніи ихъ въ эту гармонію, но суть одно и то же.

Критическія
замѣчанія.

Я очень хорошо понимаю, что спинозизмъ можетъ чарующимъ образомъ дѣйствовать на умы, ибо онъ сразу и матеріалистиченъ и идеалистиченъ: всѣ предметы чувственнаго міра объясняются только изъ движенія безъ помощи какой-нибудь духовной силы; точно также и каждое состояніе души выводится только изъ духовныхъ силъ. — Кромѣ того, спинозизмъ нѣсколько и мистиченъ, потому что его богъ своимъ двоякимъ лицомъ представляетъ что-то таинственное. Также есть въ спинозизмѣ и еще дру-

гія приманки; но если мы, не поддаваясь ни подкupu, ни чарамъ, безпристрастно разберемъ его аргументы, то къ своему удивленію увидимъ, что все въ немъ призрачно, пусто и несостоятельно и представляетъ только логическую видимость.

Духъ дѣйствуетъ
на тѣло.

Изслѣдуемъ прежде всего главный пунктъ, около котораго все вращается въ спинозизмѣ, а именно, отрицаніе причинности между духомъ и тѣломъ. Допустимъ, что въ аффектахъ представленіе и движеніе органовъ тѣла кажутся соотвѣтствующими другъ другу; но не покажется ли смѣшнымъ это соотвѣтствіе или тождество въ томъ случаѣ, если бы мы, напр., при чтеніи, признали тождество физическаго движенія, т. е. оптическое дѣйствіе черныхъ буквъ съ содержаніемъ читаемаго. Если же кто возразитъ намъ, что каждой мысли, кромѣ оптическаго впечатлѣнія отъ буквъ, соотвѣтствуетъ еще извѣстное движеніе нервныхъ клѣтокъ въ мозгу, въ чемъ и состоитъ психофизическое посредство, то потребна большая доля приверженности, чтобы допустить, что это посредствующее нервное движеніе возникаетъ отъ впечатлѣнія буквъ, а не отъ мыслей и представленія того, о чемъ мы читаемъ. Развѣ всѣ книги не состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же буквъ, будь то комедія, трагедія, распутный романъ, или размышленіе Өомы Кемпійскаго; а между тѣмъ сопроводительныя душевныя движенія чрезвычайно различны, смотря по смыслу читаемаго. Итакъ воздѣйствіе (причинность) духовнаго на тѣлесное несомнѣнно. Всего явнѣе обнаруживается это, когда мы возьмемъ слово, имѣющее два значенія, какъ напр., ключъ (отмычка) и ключъ (родникъ). Физически для уха это совер-

шенно одно и то же; но если при одинаково звучащихъ словахъ возникаетъ различное психофизическое нервное движеніе, то оно можетъ быть понимаемо лишь, какъ послѣдствіе, вызванное различными представленіями. Можно доказать и еще яснѣе, что физическія движенія не происходятъ лишь изъ физическихъ же движеній, но что именно только духъ и вызываетъ тѣлесныя движенія. Почему у непонимающаго по гречески отчетливо высказанная на греческомъ языкѣ острота не вызываетъ смѣха, между тѣмъ какъ она же, сказанная по нѣмецки, либо по англійски, у того же лица потрясаетъ грудобрюшную преграду? Можетъ ли здѣсь движеніе служащихъ смѣху мускуловъ быть объяснено только изъ другихъ предшествовавшихъ физическихъ движеній, или же, наоборотъ, только изъ дѣятельности духа, т. е. изъ пониманія остроты?

Тѣлесныя явленія дѣйствуютъ на душевную жизнь.

Но настолько же вѣрно и то, что не всѣ явленія душевной жизни могутъ быть объяснены только другими предшествовавшими душевными состояніями; тѣлесныя явленія постоянно врѣзаются въ духовный міръ и обнаруживаютъ тамъ свою причинность. Мы находимся въ веселомъ обществѣ: вдругъ подымается гроза, по близости разрушительно ударяетъ молнія, насъ оглушаетъ громъ; неужели кто-либо будетъ столь упрямымъ, чтобы, держась за свою теорію, объяснять внезапно превратившееся въ страхъ и даже, можетъ быть, въ глубокую печаль настроеніе лицъ только ихъ предшествовавшей веселостью, а не физическими явленіями? Послѣднее, конечно, можно отлично вывести изъ наличныхъ физическихъ условій, но пытаться вывести послѣдовательный рядъ ду-

шевныхъ состояній помимо этого недуховнаго внѣшняго вторженія было бы пустымъ дѣломъ. Допущеніе міра представленій, находящагося за порогомъ сознанія, гдѣ были бы основанія для перемѣны настроенія, нисколько не поможетъ дѣлу, ибо такая выдумка заведетъ только въ область сказочныхъ фантазій и негодна для объясненія дѣйствительности. Если кого-либо вздуютъ, и онъ страдаетъ отъ сознанія оскорбленной чести, то эту боль нужно объяснять изъ представленія о чести и убѣжденія въ ея оскорбленности, т. е. психически; если же онъ отъ непредвидѣнныхъ ударовъ непосредственно испытываетъ боль, то эта боль есть, конечно, состояніе души, но объяснять ее должно не изъ прежнихъ духовныхъ состояній, таящихся подъ порогомъ сознанія, а изъ непосредственной кулачной причинности.

Тѣло не имѣетъ единства и границъ.

Это — первое возраженіе противъ спинозисма, но есть еще болѣе сильные аргументы. Особенное свойство души состоитъ въ ея личностномъ единствѣ. Мы каждый день все одни и тѣ же лица — и тѣми же остаемся цѣлые годы съ сокровищемъ воспоминаній, которыя не принадлежатъ никому другому, а только »мнѣ», или »тебѣ», съ однимъ и тѣмъ же опредѣленнымъ характеромъ и способностями. Между тѣмъ какъ наша духовная сторона устроена такимъ образомъ, почему же въ тѣлесной не имѣется никакого единства? Вѣдь тѣло не имѣетъ границъ относительно внѣшняго міра, но находится въ непрерывномъ соприкосновеніи съ нимъ. Воздухъ, окружающій насъ, напр., точно также необходимъ для нашего существованія, какъ и какая-нибудь организованная составная часть нашего тѣла; развѣ воздухъ во рту и гортани еще не относится къ намъ, а

только, когда онъ въ легочныхъ пузырькахъ? А выдѣляемая углекислота принадлежитъ ли намъ болѣе, или менѣе, чѣмъ отдѣляемый на слизистыхъ оболочкахъ эпителий? А электрическій зарядъ, который мы получаемъ отъ земли, относится къ намъ, или нѣтъ? А механическое давленіе, производимое на насъ атмосферой, которымъ обуславливается устойчивость нашихъ тканей? принадлежитъ ли оно къ намъ, а атмосфера нѣтъ?

Но если даже и оставить вопросъ о границахъ тѣла, всетаки для насъ неизбѣжно разсмотримъ обмѣнъ веществъ (см. стр. 37). Тѣло наше, какъ поучаютъ насъ фізіологи, до послѣднихъ наитвердѣйшихъ частицъ растворяется и выдѣляется, выталкивается и выдыхается, такъ что мы смѣло можемъ утверждать, что по тѣлу не можетъ быть человѣка старше года. Обыкновенно говорятъ наоборотъ — про старую вялую кожу старика, про поблекшія щеки, про старыя, хрупкія кости и т. д.; но это совсѣмъ невѣрно относительно вещества: вещество нашего тѣла и въ старикѣ ничуть не старше, чѣмъ въ ребенкѣ, ибо не тѣло старится, а только духъ; про форму и внѣшнее явленіе тѣла съ ихъ измѣненіями отъ времени мы будемъ еще говорить ниже. — Только духъ пребываетъ неизмѣннымъ и постояннымъ въ теченіи обмѣна вещества; ибо единства вещества вовсе нѣтъ, какъ, повидимому, оно закрѣплено на портретѣ: есть только единство души. Пусть почаще спрашиваютъ почтенныхъ стариковъ, изжившихъ горе и радость въ теченіе шестидесяти, даже восьмидесяти лѣтъ человѣческой жизни: развѣ не всегда сознавали они единство и тождественность своей души, развѣ не считали они дѣла своей юности за свои собственные дѣла

и судьбы болѣе зрѣлыхъ годовъ за свои соб-
венныя судьбы. Итакъ, дѣйствительно старѣетъ
только душа съ ея личностною жизнью, ибо
вѣдь она одна остается тою же самою. Есть
ли что-либо соотвѣтствующее ей въ протяжен-
номъ мірѣ? Гдѣ единство тѣлесныхъ веществъ?
Гдѣ тѣ вещества, которыя могли бы быть носи-
телями и представителями воспоминаній о собы-
тіяхъ, случившихся за шестьдесятъ лѣтъ, или
же могли бы параллельно сопутствовать имъ?
Фактъ единства души во времени и фактъ обмѣна
веществъ опровергають Спинозисмъ.

Спинозисмъ допу-
скаетъ знаніе
предметнаго міра,
не имѣя на то
законнаго права.

Но, если бы кто даже при всѣхъ
этихъ затрудненіяхъ захотѣлъ успо-
коиться на продуктахъ фантазіи,
каково, напр., кажущееся сходство
внѣшняго вида нашего тѣла, то, оставляя уже
въ сторонѣ всѣ упомянутыя неясности, онъ дол-
женъ остановиться передъ самымъ основнымъ
противорѣчіемъ этого воззрѣнія, конечно, при
условіи желанія серьезно продумать его суще-
ственныя понятія. Допустимъ же существованіе
единой субстанціи, которая проявляется подъ
двумя атрибутами, представляющими безъ вза-
имодѣйствія другъ съ другомъ два параллельно
идушія выраженія міра. Противорѣчіе такъ
сильно бросается въ глаза, что нѣтъ нужды долго
надъ нимъ задумываться. Спрашивается: гдѣ и
откуда мы, въ качествѣ мыслящихъ, стоящіе въ
ряду духовнаго атрибута, приобрѣли знаніе о
матеріальномъ атрибутѣ? Конечно, не чрезъ
тѣло и тѣлесныя чувства; ибо они, какъ тѣ-
лесныя, могутъ воспринимать только тѣлесныя
движенія, а не представленія, которыя, будутъ
ли они чувственны, или отвлеченны, всегда вѣдь
духовны. Значить, чрезъ посредство нашего духа?

Но духъ, по спинозизму, можетъ опредѣляться только чрезъ духовное и потому не можетъ получать свѣдѣній о тѣлѣ отъ тѣла же. Итакъ, по отношенію ко всему тѣлесному міру, о которомъ онъ ничего не можетъ узнать ни чрезъ тѣло, ни чрезъ самого себя, онъ необходимо долженъ быть въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится слѣпорожденный относительно цвѣтового міра, т. е. онъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія о существованіи или перемѣнахъ этой совершенно незнакомой ему области. Когда же спинозисты говорятъ о параллельности двухъ міровъ, то это съ ихъ стороны только наивность, такъ какъ они сами же заперли для насъ источникъ познанія этого второго міра. Сперва они какбы ослѣпляютъ наши глаза тѣмъ, что отрицаютъ дѣйствіе тѣла на душу, а потомъ требуютъ отъ насъ, чтобы мы видѣли то, что происходитъ тамъ наружи, т. е. въ тѣлахъ. Смѣются ли они надъ нами, или же намъ слѣдуетъ посмѣяться надъ ними?

Критицизмъ и позитивизмъ.

Въ новѣйшее время, какъ видимъ мы, распространяется, особенно среди молодого поколѣнія, еще одно воззрѣніе, которое естественно образуется изъ распадѣнія до сихъ поръ господствовавшихъ міросозерцаній и впервые было формулировано въ прошломъ столѣтіи Кантомъ, какъ выраженіе разслабленія разума. На первый взглядъ это направленіе кажется скромнымъ и осторожнымъ, ибо оно отказывается познать дѣйствительность и истину вещи по себѣ и ограничиваетъ себя одною задачею привести въ логическій порядокъ явленія. Но скоро становится замѣтнымъ, что эти скромные люди весьма склонны къ захвату

власти и хотять навязать собственное самоограниченіе всѣмъ другимъ. Такъ какъ они сами отказались отъ познанія истины, то и никто другой не смѣй болѣе стремиться къ ней; какъ сами они позитивистически занимаютъ лишь явленіями и проникновеніе въ природу вещей признаютъ сверхчеловѣчнымъ, то и каждый иди ихъ путемъ и съ озлобленіемъ преслѣдуй всякое цѣльное міросозерцаніе. Такимъ образомъ эта первоначальная похвальная скромность превращается въ нестерпимую тираннію ограниченныхъ головъ. Они не замѣчаютъ, что границы разума поставлены по своему же выбору, что они вообще могутъ быть прочно установлены только переходомъ чрезъ границы, ибо разумъ можетъ только тогда опредѣлять границу, когда онъ познаетъ нѣчто и по ту ея сторону. Направленіе налѣво требуетъ направленія направо, и кто говоритъ о явленіяхъ, тотъ долженъ знать и вещь по себѣ; а пока онъ ничего про нее не знаетъ, до тѣхъ поръ онъ не знаетъ также, что такое явленіе, и существуетъ ли оно. Но несомнѣнно, что къ міру принадлежимъ также и мы, и что мы дѣйствительно существуемъ; конечно, въ этомъ мы едва ли дадимъ себя оспорить. Если же эти позитивные кантовцы желаютъ заниматься исключительно одними явленіями, то они должны позволить намъ улыбнуться надъ явленіями, которыя никому не являються. Итакъ, или ощущающее и мыслящее »Я« должно быть признано, какъ познающая самое себя вещь по себѣ, или же явленіе должно само являться самому себѣ, какъ субъектъ-объектъ и на этомъ основаніи требовать для себя титула вещи по себѣ. Значить, эти новые критицисты или должны съ дѣйствительною скромностію отказаться вообще

отъ философіи и начать заниматься однѣми только опытными науками, или же ихъ придется считать наивными философами, которые, помимо своего вѣдома и намѣренія, постоянно догматически говорятъ о вещи по себѣ и при этомъ втихомолку мыслятъ нѣчто, что они тайкомъ прикарманили себѣ у какого-либо изъ прежнихъ міровоззрѣній. Такъ какъ этотъ мнимый критицизмъ, или вообще не есть философія, или же, смотря по талантливости своихъ послѣдователей, подпадаетъ подъ то или другое уже извѣстное догматическое міровоззрѣніе, то я и считаю достаточнымъ упомянуть о немъ только такъ, мимоходомъ. Есть люди, которые могутъ видѣть свое изображеніе въ зеркалѣ, не открывая сами глазъ. Есть люди, которые утверждаютъ, что они ничего ни разумомъ, ни опытомъ не знаютъ объ Америкѣ, существуетъ ли она, и какова она на видъ; тѣмъ не менѣе они постоянно доплываютъ на своихъ корабляхъ только до границъ Америки и затѣмъ поворачиваютъ обратно. Эти счастливыцы умѣютъ находить мѣсто, гдѣ имъ поворачивать назадъ; жаль только, что они не могутъ открыть своей тайны ни одному мыслящему человѣку.

С п и р и т и с м ъ.

(Приложеніе автора.)

Спиритизмъ добывается трехъ цѣлей: во первыхъ, проявлять нѣкоторыя до сихъ поръ неизвѣстныя силы здороваго человѣческаго организма посредствомъ такихъ людей, которые, повидимому, обладаютъ этими силами въ высшей степени, и наблюдать происходящія при этомъ явленія; во вторыхъ, наблюдать нѣкоторыя болѣзненные состоянія челоука, при которыхъ, равнымъ образомъ, повидимому, являются доступными познанію до сихъ поръ неизвѣстныя ощущенія и силы; въ третьихъ, опираясь на эти обѣ области наблюденія, вывести частью теоретическія положенія, частью предпринимать практическія и техническія операціи.

Что касается первых двух задач, то никто из людей науки не мог бы сдѣлать на это и малѣйшаго возраженія, ибо тогда дѣло шло бы просто объ изслѣдованіи природы и о психологическихъ изысканіяхъ. Но всякому, кто хоть немного знакомъ съ научнымъ трудомъ, должно броситься въ глаза, какъ ради патологическаго интереса къ результатамъ собственное наблюденіе подвергается здѣсь пренебреженію, какъ несущественное. Наука требуетъ сперва установить факты и затѣмъ лишь предлагать гипотезы для объясненія. Но спириты любятъ слѣдовать обратной дорогѣ, позволительной въ наукѣ только при повѣркѣ посредствомъ опыта. При опытѣ гипотеза, конечно, предваряетъ и заставляетъ собирать всѣ тѣ элементы, изъ коихъ явленіе гипотетично объясняется, и изъ которыхъ оно теперь по нашей волѣ должно и на самомъ дѣлѣ быть вызвано естественными силами этихъ элементовъ. Значить, спириты начинаютъ съ конца и потому, естественно, ничего еще до сихъ поръ не могутъ установить.

Что же касается третьяго пункта, то, къ сожалѣнію, практическія и техническія операціи спиритовъ до сихъ поръ почти всегда являлись въ соединеніи съ фокусами и профессиональнымъ добываніемъ денегъ. Въ интересахъ этого компроектирующаго сотоварищества — препятствовать по возможности научному изслѣдованію, или и прямо надуть изслѣдователей. У кого же нѣтъ добычливыхъ интересовъ, то это натуры, совершенно погруженныя въ міръ фантазіи и изиженную жизнь чувствомъ: онѣ амальгамировали призрачныя результаты спиритизма со своею религіозной вѣрою, не обладая способностью и склонностью къ естественнонаучному изслѣдованію. Немногіе натуралисты, которые изслѣдовали физическія явленія спиритизма, прославляются спиритами изъ за чести, но, какъ занимающіеся якобы побочными мелочами, не считаются посвященными: они не понимаютъ де этико-религіознаго значенія данныхъ явленій. Насколько я самъ имѣлъ случай наблюдать сомнамбуль, я всегда находилъ интересныя въ патологическомъ отношеніи состоянія нервной системы, но никогда не видѣлъ проявленія духовныхъ силъ, необъяснимыхъ для насъ посредствомъ эмпирической психологіи. Сомнамбулы, провидящія будущее, говорящія на чужихъ языкахъ, читающія черезъ чрево, или приводящія въ движеніе стулья и шкафы, въ присутствіи критическихъ умовъ всегда оказывались безсильными, или «что то не расположенными». И между тѣмъ, какъ для удивительныхъ

явленій электричества и телефона можно было тотчасъ же установить множество достовѣрныхъ фактовъ, всѣ спиритскія явленія, наоборотъ, все еще также сомнительны, какъ и во дни эндорской вѣдьмы.

Здѣсь, какъ и во всемъ области спиритскихъ явленій примѣшивается всегда: во первыхъ, представленіе о духахъ, съ которыми сообщается ощущающій, и во вторыхъ, признаніе силы, которая, отличаясь ото всѣхъ извѣстныхъ силъ, образуетъ посредничество между душой и всѣми прочими предметами.

Я охотно готовъ признавать новыя силы, или еще до сихъ поръ неизвѣстные образы дѣйствія силъ извѣстныхъ; чего скрывать, что мы не можемъ еще объяснить множества явленій, както направленіе путей перелетныхъ птицъ, затѣмъ многія симпатіи, затѣмъ извѣстныя ощущенія, при болѣзненномъ расположеніи достигающія невѣроятной тонкости и обширности круга дѣйствія; такъ напр., нѣкоторыя особы обоняютъ, или какъ-то иначе воспринимаютъ за нѣсколько комнатъ присутствіе зайца или кошки, далѣе наводящая индивидуально специфичная среда, которая указываетъ собакѣ на протяженіи многихъ миль дорогу ея хозяина, и которую, конечно, только неразумный можетъ признавать химическимъ опредѣленнымъ веществомъ и т. д. Несомнѣнно также, что намъ много еще нужно изслѣдовать относительно сомнамбулизма и другихъ фактовъ изъ „ночной“ жизни души; занятіе этими состояніями интересно и плодотворно. Если бы спириты служили намъ умноженіемъ установленныхъ фактовъ, и предлагали для объясненія ихъ научныя гипотезы, то мы охотно признали бы въ нихъ людей науки. И хотя мы въ спиритическихъ книгахъ читаемъ былъ за былью, въ которыхъ главную роль играютъ неизвѣстныя до сихъ поръ силы, — но, къ сожалѣнію, весь этотъ безъ критики принятый матеріалъ совершенно лишенъ всякаго значенія для позднѣйшей научной обработки и стоитъ на одной ступени съ рассказами о привидѣніяхъ, передававшимися прежде на посидѣлкахъ, со скатертью-самобранкой и драчуномъ-дубинкой, или съ кольцомъ-невидимкой Гигеса — съ тою лишь разницей, что въ сказкахъ рассказы о духахъ, хоть и небылицы, но вѣютъ истинно поэтическимъ духомъ, между тѣмъ, какъ спиритскіе рассказы (напр., что подъ столомъ держать не исписанную доску, а духъ, снабженный чулками, напечатлѣваетъ на ней слѣды) не только ложны, какъ факты, но и въ содержаніи своемъ обнаруживаютъ крайнее скудоуміе и убожество.

Второе представлѣніе, признаніе духовъ, которые будто бы невидимо окружаютъ и воздѣйствуютъ на насъ, удивительнымъ образомъ было принято на вѣру однимъ уважаемымъ философомъ теистомъ и превознесено съ паоосомъ и указаніемъ на нравственное значеніе въ особенномъ сочиненіи въ качествѣ доказательства безсмертія и существованія души. Каждый себѣ напоминаетъ самъ о сдержанности, встрѣчаясь съ подобными фривольностями, которые должны не сходить за науку. Вся эта чертовщина держится не съ сегодняшняго дня, но въ теченіе вѣковъ. Тертуліанъ еще зналъ о движеніяхъ стола, да кромѣ того и о вѣщихъ козахъ. У всѣхъ народовъ, находящихся во мракѣ суевѣрія, и не имѣющихъ еще никакого чутья науки, нравственной свободы и разумной религіи, спиритизмъ на привольи процвѣтаетъ, а у дѣтей и черни будетъ расти и цвѣсти до скончанія человѣческаго рода. Если же указанный философъ самъ ссылается на согласное свидѣтельство всѣхъ народовъ, то онъ упускаетъ изъ виду, что всѣ эти явленія бывають только во времена до основанія науки; при возрастающемъ образованіи оракулы умолкали, прорицатели при встрѣчѣ другъ съ другомъ посмѣивались, а вѣдьмы вымирали. Во всякомъ случаѣ, молніи и внезапно появляющіяся кометы, какъ счастливыя и предостерегающія предзнаменованія со стороны небесныхъ духовъ, были поэтичныѣ, чѣмъ плебейское постукиваніе убитыхъ субъектовъ, или легкомысленныхъ домовыхъ, съ которыми въ наши дни боящіеся труда умы, или изнѣженные сердца ведутъ разговоръ, — общеніе, впрочемъ, вполне ихъ достойное. Психологія указываетъ на законы механическаго воспроизведенія и психофизическія возбужденія вмѣстѣ съ непроконтролированными заключеніями по аналогіи, какъ на прямыхъ производителяхъ, рождающихъ съ удивительной плодовитостью привидѣнія, демоновъ и весь спиритскій малоумный припасъ духовъ. При объясненіи этихъ явленій позабыли слѣдовать важному аристотелеву правилу, которое было еще обострено и Бэкономъ. Именно; должно изслѣдовать явленіе не по случайно попавшимся намъ слабымъ и неяснымъ образцамъ, но по сильно выраженнымъ и крайнимъ случаямъ, потому что въ нихъ то легче уловить каждую черточку. Если стануть руководиться этимъ правиломъ, то тотчасъ признають, что спиритизма нигдѣ нельзя изучить кромѣ, какъ въ домахъ умалишенныхъ, ибо всѣ слабыя отклоненія

въ координаці мозговыхъ функцій, явленія возбужденной чувствительности, подобной той, которая встрѣчается у сомнамбулъ и медіумовъ, находятся тамъ въ великолѣпной характеристикѣ. Подобно тому, какъ врачъ находитъ удовлетвореніе въ нормально развивающейся картинѣ болѣзни, такъ и психологъ изучаетъ съ удовлетвореніемъ чистое и сильное выраженіе спиритскихъ феноменовъ на душевно и умственно больныхъ. Нигдѣ не встрѣтишь столь прекраснаго и столь ужаснаго перевоплощенія умершихъ и матеріализаціи духовъ всякаго рода, какъ у этихъ больныхъ. Точно также ясновидѣніе и обращеніе со всякими духами является здѣсь въ степени совершенно изумительной для наблюдателя. Что значать противъ столькихъ ясныхъ доказательствъ, дающихъ достаточное основаніе для научнаго объясненія, такіа воззванія къ народному вѣрованію въ теченіе всѣхъ столѣтій? Куда годны безчисленные исторіи неправоспособныхъ въ сужденія людей и даже такъ называемые классическіе случаи, сомнительные для каждаго ученаго, хотя бы колдовство доказывалось и судами? Если поэтому Фихте от нѣкоторыхъ изъ этихъ исторій отказывается, какъ отъ обмановъ, но ради множества увѣреній требуетъ вѣры къ нимъ и призываетъ этихъ несчастныхъ спиритскихъ духовъ во свидѣтели истинности самостоятельнаго существованія души, то нельзя достаточно сильно настаивать на логическомъ ничтожествѣ такой аргументаціи. Чтобы иллюстрировать этотъ родъ логики, представимъ себѣ аналогичный случай. Господина А. поздравляютъ съ большимъ выигрышемъ въ лотерею. Онъ убѣждается въ ложности такого извѣстія. Но вотъ приходитъ В. и тоже поздравляетъ. Онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ отказывается отъ поздравленія. Но когда поздравляютъ его также и господинъ С. и Г. и господинъ М. и О. и даже знаменитый физикъ У., то онъ чувствуетъ себя принужденнымъ въ силу множества поздравителей считать извѣстіе за истину и приобретаетъ себѣ экипажъ. Какъ будто иллюзія отъ того, что есть и было много чудаковъ, кто давался въ обманъ, становится истиной. Но Фихте начинаетъ попрекать нѣмецкій народъ въ томъ, что онъ въ общемъ остался де недоступенъ спиритскимъ иллюзіямъ. Мы видимъ, какъ въ Германіи, не только романтикъ, подобно Шопенгауэру, но даже богословствующій философъ примѣняетъ спиритизмъ, въ качествѣ опоры метафизическаго ученія, и какъ знаменитый, но печально обманутый физикъ по веревкамъ, на которыхъ фокусники понавязали узловъ, карабкается

въ четвертое измѣреніе. Спиритизмъ и въ Германіи найдетъ себѣ приверженцевъ среди такихъ людей, которые вѣрятъ вмѣстѣ съ этимъ хулителемъ, что «въ жизненныхъ вопросахъ рѣшаютъ не только логическія и вѣршія доказательства, но родственное сердечное настроеніе, склонность, складъ души». Дѣйствительно дѣломъ вкуса останется заниматься безвкусицей.

Я упомяну еще въ заключеніе, что изо всѣхъ спиритовъ никто не казался мнѣ интереснѣе Андрея Джексона Дэвиса, который въ своемъ «Волшебномъ жезлѣ» сообщаетъ собственную біографію. Отсюда видно, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ честнымъ, довѣрчивымъ парнемъ злоупотребляли сперва въ качествѣ медиума; постепенно достигаетъ онъ самосознанія и изучаетъ втихомолку всякую всячину изъ медицины и геологіи по американской энциклопедической манерѣ, причемъ, надо полагать, въ руки ему попали также и сочиненія Окена и Сведенборга. Такимъ образомъ достигаетъ онъ извѣстнаго рода философскаго воззрѣнія, которое однако вслѣдствіе недостаточности его образованія, всегда остается ненаучнымъ; всетаки тутъ уже онъ открываетъ, что разумное всеобщее пониманіе вещей есть собственно истинное и постоянное ясновидѣніе; онъ счастливъ и покоенъ въ обладаніи, какого онъ добился, онъ называетъ его своей гармонической философіей. Такимъ образомъ эта книга указываетъ на самоупражденіе спиритизма, какъ только образованіе медиума вышло за предѣлы дѣтски-народной грубости. Если же кто прочтетъ теперь въ книгѣ Фихте «Новый спиритуализмъ», что Дэвисъ изъ невѣжды, сапожникаго мальчишки, благодаря обращенію съ міромъ духовъ, превратился въ многознающаго философа и сдѣлался «ясновидящимъ», между тѣмъ, какъ противники спиритизма обзываются «недоучками» и «проктофантастами», то является догадка, не продиктована ли эта книга перевоплотившимся и материализировавшимся шутникомъ изъ духовъ, и не былъ ли сочинитель невинно обманутъ. Сочиненія Дэвиса содержатъ самое жалкое парламентарство и чепуху по всѣмъ областямъ знанія, фантастичную амальгаму, которую могъ составить даровитый, правда, но научно необразованный умъ изо всѣхъ доступныхъ ему элементовъ выходившей въ его время въ Америкѣ литературы. — Но достаточно о спиритизмѣ, съ которымъ мои пути никогда не встрѣтятся.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Исслѣдованіе вопроса по принципамъ
ЧЕТВЕРТАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

ЧЕТВЕРТОЕ МІРОВОЗРѢНІЕ.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что ни одинъ изъ разныхъ возможныхъ взглядовъ на міръ и, въ частности, на отношеніе тѣла и души, не могъ заслужить нашего одобренія. Мы чувствовали, какъ привлекалъ насъ каждый изъ нихъ, могли на нѣкоторое время симпатизировать ему; но при болѣе долгомъ общеніи мы замѣчали противорѣчія внутреннія и противорѣчія противъ опыта, и порывали наше знакомство. Мы могли бы поэтому теперь обратиться къ вѣрѣ чрезъ пропасть скептицизма. Отчаявшись во всякомъ познаніи, и не будучи, подобно нѣкоторымъ мрачнымъ и ожесточеннымъ сердцамъ, въ состояннн освоиться съ этою тьмою, мы охотно идемъ на звуки колокола вѣры, которые ведутъ насъ въ блаженную страну, гдѣ не произрастаетъ сомнѣній, гдѣ не царствуетъ ночь, но въ мирѣ, радости и свѣтѣ даруется истина, какъ освѣжающій и слегка упоющій напитокъ. Это — одна дорога. Или же мы отказываемся отъ столь желаннаго подарка, ибо не хотимъ прекратить мужественной работы разума въ изслѣдованіи міра. Въ послѣднемъ случаѣ должно стремиться отыскать новую точку зрѣнія; достигнуть же этого мы можемъ только, когда разобьемъ самое основаніе раздѣленія, изъ котораго выходили до сихъ поръ разсмотрѣнныя міровоззрѣнія, когда мы отбросимъ противопоставленіе духовнаго и матеріальнаго

міровъ и тѣмъ достигнемъ четвертаго міровоззрѣнія. Изложимъ же вкратцѣ, что изъ него относится къ нашему вопросу; вѣроятно, мы увидимъ тогда, какъ все, что намъ выяснилось и понравилось въ предыдущихъ міровоззрѣніяхъ, нынѣ освобожденное отъ взаимныхъ противорѣчій, найдется въ нашемъ собственномъ мнѣніи, т. е. мы должны ожидать, что насъ станутъ называть и матеріалистами, и дарвинистами, и дуалистами, и идеалистами, и спинозистами, — и все это по праву, причемъ мы позволяемъ себѣ только маленькую оговорку, что пусть всѣ эти названія и прилагаются вѣрно.

Разрѣшеніе ложной противоположности между матеріальнымъ и идеальнымъ.

Трудности, которыя подкосили жизнь въ трехъ предыдущихъ великихъ міровоззрѣніяхъ, заключались лишь въ признаніи того положенія, что существуютъ двѣ совершенно различныя другъ отъ друга субстанціи, матеріальная и идейная, которыя во что бы то ни стало должны дѣйствовать вмѣстѣ, какъ требуетъ того опытъ, и никоимъ образомъ не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ, какъ это безповоротно доказываетъ логика понятія. Но что вынуждаетъ насъ признавать матеріальныя субстанціи? Отвѣтъ: да вѣдь мы ихъ видимъ, обоняемъ, осязаемъ и т. д. Но какъ напоминали намъ Кантъ и задолго до него еще греческіе мудрецы, то, что мы видимъ, суть — зрительныя представленія, что мы осязаемъ, — осязательныя представленія: такъ и всѣ чувственные объекты являются намъ въ опытѣ только, какъ наши представленія. Инстинктивнымъ умозаключеніемъ переносимъ мы свои представленія наружу и воображаемъ себѣ, что мы видимъ, осязаемъ или слышимъ самые матеріальные предметы. Новая фізіологическая оп-

тика и патологія указываютъ повсюду, какъ ложно подобное заключеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всеобща эта ошибка. Черныя точки внутри ткани своего глаза считаемъ мы за огромныя черныя образы на ландшафтѣ внѣ насъ; и если мы, какъ въ известной дѣтской игрушкѣ, приведемъ въ быстрое вращеніе такъ или иначе изогнутую простую проволоку, то намъ будутъ казаться стаканы, или бутылки разнообразной формы въ состояніи покоя. Точно такъ же всѣ наши опытные представленія о матеріальномъ мірѣ суть не что иное, какъ образы, которые порождаются въ нашей душѣ по необходимымъ законамъ, но которые не даютъ намъ и малѣйшаго права на заключеніе, будто предметы и внѣ насъ существуютъ такъ, какъ мы ихъ видимъ, или слышимъ, или осязаемъ, совершенно такъ же, какъ будто и земля дѣйствительно стоитъ неподвижно, и будто солнце на самомъ дѣлѣ настолько мало, какъ оно намъ кажется, а мѣсяць дѣйствительно убываетъ и прибываетъ. Я ограничусь однимъ упоминаніемъ этихъ соображеній; ибо потребовалась бы подробная теорія познанія, чтобы основательно изложить нашу феноменологію въ полномъ объемѣ.

Но разъ мы признали мнимый матеріальный міръ просто за міръ представленій, мы вовсе не желаемъ этимъ отрицать реальности міра внѣ насъ, ибо мы отрицаемъ лишь его матеріальность, составляющую только наше представленіе; также не желаемъ мы подсунуть теперь матеріальность духовной субстанции; мы утверждаемъ только, что послѣдняя представляетъ себѣ реальный міръ подъ видомъ матеріальныхъ предметовъ. Матеріальность поэтому вовсе не свойственна субстанціямъ, а существуетъ

только, какъ способъ представленія или фантазія, но не какъ произвольно сочиненная фантазія, а какъ необходимая, всеобщая и естественная форма, подъ которой мы приобретаемъ въ опытѣ знаніе о другихъ объектахъ, т. е. о другихъ субстанціяхъ. Поэтому мы съ ясностью усматриваемъ, что затрудненіе, неразрѣшимое для предыдущихъ системъ, и потому пагубное для нихъ, для насъ не представляетъ больше никакой трудности; ибо у насъ теперь уже не два сорта міровъ, которые по своимъ свойствамъ отнюдь не могутъ входить въ общеніе, и тѣмъ не менѣе, согласно опыту, должны его имѣть.

Лейбницъ, основатель четвертаго мировоззрѣнія.

Ученіе, что мы дѣлаемъ грубую ошибку, принимая наши чувственные представленія: горячаго, холоднаго, краснаго, синяго и т. д. прямо за дѣйствительныя свойства объектовъ въ себѣ, со временъ Протагора стало для насъ обыденнымъ. Но въ такой же степени не смѣемъ мы свои представленія о пространствѣ, времени, движеніи и т. д. проектировать во внѣшній міръ: постоянно должно помнить, что все это только формы представленія, которыя образуются на чувственныхъ ощущеніяхъ и при представленіи таковыхъ въ сознаніи. Но если остановиться здѣсь, то мы окажемся въ скептицизмѣ и послѣдовательно должны отказаться ото всякаго познанія вещей по себѣ.

Первый мыслитель, который за столѣтіе до Канта снялъ это заклятіе, былъ Лейбницъ. Онъ видѣлъ, сколь необдуманно и непозволительно признавать внѣ себя матеріальныя, т. е. протяженныя субстанціи, и заключилъ по аналогіи въ качествѣ необходимаго для объясненія природы предположенія, что находящійся внѣ

насъ міръ долженъ состоять изъ точно такихъ же нематеріальныхъ субстанцій, какъ та, о которой мы имѣемъ знаніе и опытъ внутри себя. Этими мыслями было разсѣяно волшебство, сковывавшее изслѣдованіе вещей. Ибо съ одной стороны, былъ побѣжденъ неизлѣчимый дуализмъ двухъ несоединимыхъ міровъ, съ другой — устраненъ спинозизмъ со своимъ противорѣчащимъ опыту параллелизмомъ. Поэтому Лейбница можно считать поворотнымъ пунктомъ философіи, — не потому, чтобы онъ нашелъ полное разрѣшеніе проблемы познанія, или, чтобы съ его времени всѣ стали философствовать въ его смыслѣ (последнее далеко не такъ), но потому, что онъ дѣйствительно положилъ основаніе, на которомъ мало-по-малу путемъ общаго научнаго труда воздвигнется четвертое міровоззрѣніе. Ибо только съ признаніемъ субстанцій такъ называемаго матеріальнаго міра подобными душѣ и мыслящей субстанціи и при взглядѣ на всѣ роды субстанцій, лишь какъ на ступени развитія, можно освободиться изъ круга, въ предѣлахъ котораго мы бросаемся изъ матеріализма въ идеализмъ и обратно.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Сущность души.

1. Душа есть субстанція.

Напоминаніе
предыдущихъ
доказательствъ.

Когда мы оглядываемся на борьбу трехъ главныхъ міровоззрѣній образованныхъ людей и на ея результатъ, то получается, что намъ постоянно приходилось признавать душу за субстанцію. Душа есть самобытная причина, а не простая дѣятельность или функція, и потому -- не простая акциденція, но субстанція. Я хочу частью напомнить доказательство, частью же его дополнить. Доказательство этого заключается, во первыхъ, въ томъ, что каждая функція предполагаетъ субстанцію, которая функціонируетъ, и въ которыхъ находитъ мѣсто функція. Одною изъ душевныхъ функцій является сужденіе. Сужденіе же можетъ существовать не иначе, какъ въ единой идейной субстанціи, ибо если бы соревновали между собою многія, и каждая функціонировала бы только одною частью связанныхъ въ сужденіи представленій, то послѣднихъ нельзя было бы и связать въ единство. (ср. стр. 48 и слѣд.)

Доказательство
отъ факта аффек-
та.

Это доказательство, заимствованное изъ области мышленія, можно дополнить разсмотрѣніемъ области воли и чувства, ибо и тамъ какъ разъ то же самое. Возьмемъ, напр., чувство страха. Какъ ни просто кажется это чувство, а между тѣмъ къ нему относится, во первыхъ, представленіе о чемъ-нибудь опасномъ, напр., о хищномъ звѣрѣ, или о пропасти и т. п.; ибо безъ такого

v. lhm
22

X
vii

представленія мы не имѣли бы никакого основанія бояться; затѣмъ, второе представленіе, которое указываетъ намъ, что опасность угрожаетъ не кому другому (а мы, примѣрно, взирали бы на это спокойно), но что въ опасности находимся мы сами, ибо иначе мы почувствовали бы, конечно, состраданіе, или бросились бы на помощь, но не могли бы испытывать страха за себя; въ третьихъ, при этомъ должно содѣйствовать и представленіе такого рода, что опасность существовала не когда-то за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, или, можетъ быть, еще случится въ будущемъ, но что то, чего мы страшимся, наступитъ непосредственно сейчасъ; наконецъ, въ четвертыхъ, кромѣ этихъ представленій, изъ коихъ каждое, взятое отдѣльно, не возбуждаетъ страха, есть своеобразное чувствованіе страха, которое всякому извѣстно, и никому не можетъ быть объяснено, кто его не знаетъ. Вообразимъ себѣ, что душа не есть особенная, самобытная сущность: мозгъ де производить функцію аффекта; тогда мы должны будемъ эти четыре различныхъ элемента подѣлить между четырьмя различными, ну хоть, волокнами или клѣтками, или молекулами, или атомами мозга. Одна частица мозга носила бы представленіе опаснаго предмета, другая — представленіе о томъ, что опасность касается насъ самихъ, третья — представленіе, что нападеніе воспослѣдуетъ сейчасъ, четвертая заключала бы въ себѣ самое чувствованіе. Я скажу теперь, что эта гипотеза содержитъ очевидную нелѣпость, ибо страхъ возможенъ только тогда, когда всѣ эти четыре момента совпадаютъ въ единомъ недѣлимомъ пунктѣ, т. е. въ единой субстанціи; ибо съ чего же бояться четвертой то частичкѣ мозга, если она не

видитъ опасности? А если она сама видитъ опасность, то функція первой частички должна быть также и ея функціей. То же самое относится и къ прочимъ двумъ моментамъ; итакъ страхъ можетъ возникнуть только, когда одна и та же субстанція имѣетъ въ себѣ всѣ различныя условія функцій въ ихъ единствѣ. Какъ ни прекрасно и ни полезно раздѣленіе труда, но въ этомъ случаѣ оно невозможно.

Ибо, если при болѣе тонкомъ, физиологическомъ разсмотрѣніи и допускать такъ называемыя мозговыя колебанія въ качествѣ вспышекъ особаго каждый разъ разобщеннаго сознанія, причемъ между ними посредствомъ мозговыхъ комиссуръ образовать быстрое и прямое сообщеніе, то все-таки отсюда никакъ не можетъ возникнуть единства сознанія, если разобщенное не соединяется въ единомъ пунктѣ, точно такъ же, какъ два человѣка, выходящіе изъ своихъ разобщенныхъ квартиръ и навѣщающіе другъ друга, не превращаются въ одного, хотя бы они и были принесены другъ ко другу со скоростью телеграфа. Стало быть, мы получили бы раздвоеніе и раздробленіе самосознанія въ каждой частицѣ мозга; или же намъ придется отказаться отъ этой противорѣчащей фактамъ гипотезы и признать единый принципъ, который не образуется колебаніями мозга, но совершенно свободный отъ такой сумятицы, спокойно пребываетъ въ самомъ себѣ.

Доказательство
отъ факта непре-
рывнаго самосо-
знанія.

и другое доказательство. Просыпаясь утромъ, мы не спрашиваемъ себя съ удивленіемъ, кто же это такой лежитъ въ постели; мы не ощупываемъ, не оглядываемъ и не изслѣдуемъ себя, не приходимъ и въ

удивленіе отъ комнаты, въ которой находимся, подобно Абу-Гассану, котораго султанъ приказалъ унести соннаго и по пробужденіи почитать, какъ султана. Мы въ то же мгновеніе узнаемъ себя и не считаемъ нить своего существованія прерванной, но поступаемъ такъ, какъ будто мы были бы тѣмъ же самымъ чело-вѣкомъ, который вчера, переживши то-то и то-то, легъ въ постель, въ которой проснулся. Какъ возможно это простое и въ высшей степени обыденное явленіе? Мы отвѣчаемъ: посредствомъ воспоминанія. Точнѣе говоря, у насъ два образа: одинъ образъ насъ самихъ при пробужденіи и другой нашего вчерашняго существованія и дѣятельности; оба согласуются другъ съ другомъ. Будь они въ разногласіи, то мы попали бы въ комичное настроеніе духа, какъ Абу-Гассанъ, который не могъ связать своего «вчера» со своимъ «сегодня». Вообразимъ же, что мы переносимъ эти два образа на двѣ различныхъ частички мозга; самопризнанія всетаки не могло бы произойти, ибо для того необходимо сравненіе, которое должно быть сдѣлано чѣмъ-нибудь единымъ. Ибо ни одна изъ обѣихъ мозговыхъ частицъ сама по себѣ не можетъ объяснить, тотъ же ли это самый образъ сегодня, чтó и вчера, или не тотъ: потому что оба образа сразу должны были бы въ одной и той же частицѣ подвергнуться сравненію, и значить, одна изъ обѣихъ частицъ мозга оказалась бы лишнею, противно предположенію. Но безъ этого соединенія въ единой субстанціи никакъ невозможно сравненіе, а слѣдовательно, также не могло бы происходить и упомянутаго обыденнаго явленія. Это совершенно подобно тому, какъ если бы насъ спросить, не написаны ли эти два письма одною и

той же рукою, причемъ намъ отказались бы показать одно изъ писемъ. На какія бы штуки ни были мы мастера, всетаки намъ никогда не отвѣтить бы на вопросъ. Равнымъ образомъ невозможно, чтобы мы просыпались утромъ безъ удивленія, если не соглашались признавать душу не функціею различныхъ агентовъ мозга, но простою единою субстанціею, которая сохраняется во всѣхъ моментахъ жизни, какъ тождество нашего «я».

Доказательство
отъ факта лич-
ности на ея раз-
личныхъ ступе-
няхъ.

Говоря о «я» и его тождествѣ, мы разумѣемъ здѣсь не его тончайшее, абстрактнѣйшее пониманіе, какъ въ философскомъ мышленіи обозначается тождество субъекта-объекта. Впрочемъ, думается мнѣ, Кантъ неправо полагаетъ, будто самосознаніе наступаетъ только тогда, когда ребенокъ уже не говоритъ болѣе про себя «Карлъ», но «я»: ибо сознаніе своей самостности можетъ быть налицо гораздо раньше, чѣмъ ребенокъ овладѣетъ грамматическими формами, которыми обыкновенно выражается это сознаніе. Мы увидимъ, что дѣти и позднѣе могутъ возвращаться опять къ этому объективному отношенію къ себѣ, какъ и мы сами, когда насъ спрашиваютъ, кто мы, принуждены бываемъ это дѣлать, ничуть не лишаясь при томъ самосознанія. Я подразумеваю подъ «я» сознаніе индивидуальности, т. е. то, что кто-нибудь знаетъ о себѣ, что онъ, единая субстанція, имѣетъ бытіе въ самомъ себѣ; почему я и полагаю, что этого нельзя отнять даже у кричащаго младенца. Чувствованіе есть выраженіе индивидуальности; гнѣвъ дитяти и удовлетвореніе, которое онъ чувствуетъ, насытившись, доказываютъ, что оно ясно чувствуетъ свою самостность и свое собственное существованіе. Отрицать этого нельзя

даже и у животныхъ; притомъ тѣ животныя, которыя отзываются на свое имя, стоятъ еще ступеню выше, ибо они, очевидно, дѣлаютъ въ себѣ непосредственное умозаключеніе, что они и суть тѣ самыя, которыхъ зовутъ; такъ собака весело прыгаетъ, или съ воємъ ползетъ по землѣ, смотря по тому, зовутъ ли ее по имени, или же ей сознание, напр., угнетено нарушеніемъ приказанія. Итакъ, животное также отождествляетъ себя съ объективнымъ звукомъ совершенно аналогичнымъ способомъ, какъ это бываетъ у человѣка, гдѣ этотъ процессъ проходитъ самыя различныя ступени логической ясности и чистоты. Но не нужно сейчасъ же и пугаться, если окажется, что у насъ есть нѣчто общее по роду съ болѣе низкою природою; именно въ томъ то и заключается философскій интересъ, чтобы отыскать это всеобщее равенство и на немъ построить необъятныя различія, раздѣляющія разнаго рода существа, и особенно выдѣляющія человѣчество. Мы можемъ посему, минуя міръ животныхъ, еще опуститься въ первичныя области самыхъ простыхъ субстанцій къ такъ называемымъ элементамъ. Все, что составляетъ простую субстанцію, атомъ, монаду, должно обладать этимъ «я» въ какой-нибудь низшей формѣ; мы не ошибемся, если признаемъ ее тамъ въ единствѣ дѣйствія и страданія (самопроизвольности и воспріимчивости); ибо эта индивидуальность атома должна обнаруживаться въ томъ, что онъ испытываетъ вліянія извнѣ, воспринимаетъ ихъ и отвѣчаетъ на эти вліянія самъ изъ себя, какъ самостоятельная причина, причемъ и тотъ, который испытываетъ, и тотъ, что реагируетъ, долженъ быть однимъ и тѣмъ же принципомъ. Итакъ, то, что необходимо полагается въ основаніе всей физики, и

безъ чего никакъ невозможно было бы объясненіе природы, то же самое есть и сущность души, которая сознаетъ свою тождественность въ воспоминаніи и доказываетъ свое тождество въ каждомъ чувствованіи и въ каждомъ сужденіи. Посему я считаю доказаннымъ, что душа есть субстанція.

2. Функція души.

Если душа есть самобытная причина, то она сама изъ себя должна и производить воздѣйствіе. Въ этихъ дѣйствіяхъ или функціяхъ состоитъ ея существованіе. Дѣйствіе же безъ сообщенія и сосуществованія съ другими существами, конечно, трудно себѣ представить. Но каждое изъ этихъ другихъ существъ есть опять самостоятельная причина. Съ каждой устраняемой причиной исчезаетъ и функціонирующее. Поэтому никакъ и ничѣмъ въ мірѣ нельзя замѣнить функцію, которой ждуть отъ устраненной причины; иначе можно было бы, повторая экспериментъ, удалить мало-по-малу всѣ самостоятельныя причины; тогда скоро пришлось бы убѣдиться въ невозможности функцій безъ причинъ, подобно винограду безъ лозы; ибо, если имѣются въ качествѣ причинъ чистые нули, то и функція также будетъ нуль. Значитъ, выраженія «мозгъ думаетъ» и «мозгъ чувствуетъ» подобны приблизительно такимъ: «играетъ скрипка, или флейта, а не музыкантъ». Безъ послѣдняго скрипка оставалась бы нѣмою, а безъ души мозгъ, несмотря на всяческое возбужденіе извнѣ, пересталъ бы и мыслить и ощущать.

Бытіе же, хотя и нераздѣльно отъ души, будетъ обладать различнымъ содержаніемъ, или

различными формами, смотря по функциямъ, которыя оно производитъ. Эти функции проходятъ непрерывный рядъ отъ самыхъ низшихъ формъ до самыхъ высшихъ, имѣя по срединѣ много не строго очерченныхъ граней, съ помощію коихъ ихъ можно бы раздѣлить. Самая низшая область совершенно безсознательна, вторая ступень озарена незначительнымъ просвѣтомъ, подобно сумеркамъ, самая высшая намъ извѣстная форма обозначается какъ сознание, которое также можетъ встрѣчаться въ самыхъ различныхъ степеняхъ. Но такъ какъ я не намѣренъ здѣсь излагать психологію, то мы и рассмотримъ нѣсколько подробнѣе только обѣ крайнія границы.

Сознательная
жизнь.

Одна изъ этихъ формъ есть сознание, подъ которымъ мы подразумеваемъ все, что намъ самимъ отчетливо извѣстно за обыденную жизнь души: мы либо дѣлаемъ и преслѣдуемъ это со вниманіемъ, завѣдомо переживаемъ и испытываемъ, либо какъ-нибудь можемъ о томъ дать свѣдѣніе, извѣстный отчетъ для другихъ, или только хотя бы для себя самихъ. Эта часть нашей жизни называется обыкновенно въ собственномъ смыслѣ всею нашей жизнью; но сравнивъ ее со второй частью, мы увидимъ, что она является только маленькою дробью цѣлаго, хотя конечно она содержитъ въ себѣ самое дорогое и самую цѣль жизни.

Сфера без-
сознательнаго.

Вторая, бѣльшая часть нашей душевной жизни, остается намъ невѣдомою, хотя о существованіи ея мы узнаемъ помощью надежныхъ заключеній. Это — ночная половина жизни; она можетъ быть характеризована именно сномъ: во время его душа не только продолжаетъ существовать, какъ это мы замѣчаемъ при пробужденіи, но и произво-

дить въ сновидѣніяхъ фантастическія картинки, которыя, какъ образы, изъ потока безсознательной тьмы поднимаются въ область сумерекъ, или даже и до сознанія. Но и при ясно сознаваемой дневной жизни безсознательное играетъ въ насъ главную роль: ибо какъ мало мыслей сознаемъ мы въ каждое мгновеніе! не должны ли всѣ онѣ, какъ изъ темной шахты, вылѣзть изъ безсознательнаго, изъ памяти и духовной творческой силы? Такъ всѣ наши мысли, какія мы можемъ вспомнить, находятся въ насъ всегда безсознательно, хотя онѣ въ данный моментъ и не приходятъ намъ на память. Такъ безсознательнымъ образомъ составляютъ нашу собственность прошлыя чувствованія и пережитыя дѣла. Таковъ нашъ характеръ, наши вѣра и надежда, весь строй нашей души; ибо все это рѣдко присутствуетъ въ сознательномъ мышленіи, а всетаки составляетъ въ насъ всегда присутствующую душу всѣхъ поступковъ, только безсознательнымъ образомъ. Точно также производительно должно функционировать безсознательное и при сознательномъ мышленіи, при остроуміи, въ поэзіи и въ композиціи, хотя бы намъ приходилось производить и самыя пустяки. Напр., когда мы мыслимъ, то нельзя сказать: я хочу измыслить ту или другую истину (къ какой мы приходимъ въ послѣдствіи); ибо какъ можно мыслить то, чего еще совершенно не вѣдаемъ? Изъ безсознательнаго возстаютъ мысли: когда онѣ родились, тогда мыслимъ мы ихъ сознательнымъ образомъ. Точно также дѣло обстоитъ съ остроюю, напр., и съ каждымъ произведеніемъ искусства: ибо мы соединяемъ элементы остроумнаго контраста не съ сознаніемъ; только потомъ, послѣ того, какъ въ насъ произвольно возникли пред-

ставленія изъ прежде безсознательнаго, и острота уже существуетъ для сознанія, тогда можемъ мы такъ расположить элементы въ сознательной формѣ для себя, или для другихъ, что снова получается комическое впечатлѣніе. Какъ можетъ сознательно творить композиторъ? Тогда симфонія, которую онъ еще создастъ, должна была бы быть ему уже извѣстною, а въ такомъ случаѣ, на что было бы ему и создавать ее? Наоборотъ, музыкальныя мысли текутъ къ нему изъ невѣдомаго темнаго дна его музыкальной души, и только по выходѣ оттуда, онѣ дѣлаются его сознательной собственностью. Мы видимъ отсюда, что функція души, захватывающая самую обширную область, находится въ безсознательномъ бытіи.

Сравненіе обѣихъ
функцій.

Мы должны поэтому различать въ функціи души двѣ формы: одна содержитъ только созннное, готовое, ограниченное, измѣримое, исчислимое, другая же — безсознательную дѣятельность, предѣлы которой не отграничены, которая содержитъ неисчерпаемое и неистощаемое основаніе сознательныхъ созданій духа. Важнѣе и для насъ, и сама по себѣ, конечно — первая область, такъ какъ жизнь человѣка пріобрѣтаетъ свое совершенство только чрезъ сознаніе; безсознательное одно осталось бы подобнымъ растенію, не достигающему разцвѣта, къ которому однако же все въ немъ стремится. Въ сознательныхъ энергіяхъ состоитъ собственная жизнь человѣка, а потому и его достоинство: хвалимъ мы не грезящаго, и не спящаго, но бодрствующаго.

Зависимость
функцій души
отъ тѣла.

Итакъ, душу должно разсматривать, какъ субстанцію, которая функціонируетъ, частью безсознательно, частью же сознательно, и въ этихъ функціяхъ и существуетъ.

Обращаясь къ изложенному въ началѣ основоположенію разума, мы должны искать для этихъ функцій, какъ дѣйствій, причины, ибо безъ причины душа не могла бы приходиться и къ дѣйствіямъ. Эти причины, которыя даютъ душѣ возможность функционировать, какъ это признаетъ здравый человѣческій смыслъ и всякое научное изслѣдованіе, очевидно, суть наше тѣло и возбужденія, дѣйствующія на него изъ внѣшняго міра, или однимъ словомъ, связь съ тѣломъ. Какъ же можно поэтому отрицать зависимость отъ того, что обуславливаетъ нашу дѣятельность! Но не существованіе души, а только функція ея зависитъ отъ тѣла; мы изслѣдуемъ это ниже поточнѣе.

3. Отношеніе души къ тѣлу.

Наше тѣло есть потокъ чуждыхъ вещей, душа — домоправительница, ведущая мѣновую торговлю со вселенною.

Опять приступая къ задачѣ, которая не могла быть разрѣшена тремя предшествовавшими міровоззрѣніями, именно, какъ душа относится къ тѣлу, мы должны прежде всего выставить то, что получилось изъ прежней критики, а именно, что душа по отношенію къ тѣлу — совершенно самостоятельная субстанція, и что тѣла никоимъ образомъ нельзя считать за часть души. Я напомнимъ для обоснованія фактъ обмѣна веществъ въ организмѣ вплоть до костей. Итакъ, тѣло подобно рѣкѣ, которая всякій разъ несетъ инныя воды. Если же Гераклитъ Темный изъ Эфеса и утверждалъ, что «все течетъ», то мы должны протестовать противъ этого; ибо среди теченія тѣлеснаго обмѣна веществъ за всю жизнь остается тождественною все та же душа, которая, какъ это мы и сами знаемъ, и какъ ежедневно можемъ узнать отъ самыхъ древнихъ стариковъ, несмотря на всѣ измѣненія

тѣла, постоянно сознаетъ свое тождество. Мы стрижемъ себѣ волосы, наша кожа возобновляется, мы выдыхаемъ углекислоту и вводимъ во всѣ ткани чуждый кислородъ атмосферы, мы возобновляемъ среди постоянного измѣненія свое тѣло дичью и домашними животными, коихъ убиваемъ и поѣдаемъ, или же плодами, которые вкушаемъ въ сыромъ или вареномъ видѣ; но мы никогда не опасаемся, какъ бы наша душа не уплыла съ потокомъ этихъ предметовъ. Наше тѣло есть, положительно, нѣчто, намъ совершенно чужое: однѣ части его сидѣли вчера на деревѣ въ чужомъ тѣлѣ птицы, другія несены были грузно ступающимъ быкомъ, или густошерстой овцою, третьи скрывались въ конусовидномъ тѣлѣ рѣпы, или въ цилиндрѣ сахарнаго тростника; какъ однѣ получались изъ ближайшей окрестности, такъ другія доставлялись длиннымъ путемъ по морю и по сушѣ изъ Китая, или Аравіи, изъ Испаніи, или изъ глуби Нѣмецкаго моря, чтобы занять свое мѣсто во тканяхъ нашихъ органовъ. Наше тѣло — не наше. Это — ви́шній міръ, который протекаетъ сквозь насъ, отъ котораго мы постоянно присвоаемъ себѣ нѣкоторыя частицы и подводимъ ихъ подъ свои законы, между тѣмъ какъ другія частицы опять выпускаемъ. Это — мѣна, которую мы производимъ со вселенною, причемъ для своего хозяйства мы вымѣниваемъ различныя вещества для собственного особеннаго употребленія и обратно отдаемъ вещества, нами потребленныя, но въ міровомъ оборотѣ природы весьма еще пригодныя. Какъ хозяинъ не тождественъ съ запасами и веществами своего хозяйства, такъ и душа при смѣнѣ тѣлесныхъ превращеній пребываетъ самостоятельно и въ себѣ.

И форма тѣла не относится къ сущности души. Богословы утверждали по догматическимъ соображеніямъ, что тѣло (Körper), правда, постоянно измѣняется, за то плоть (Leib), какъ это явствуетъ изъ продолжающагося въ теченіе всей жизни сходства, остается всегда тождественною, подобно душѣ, и вмѣстѣ съ душою. Различеніе плоти и тѣла не оправдывается словоупотребленіемъ; но глубокомысленные люди охотно употребляютъ это обозначеніе, и намъ не придется считаться съ нимъ, какъ только произойдетъ соглашеніе о его смыслѣ. Здѣсь, очевидно, имѣется въ виду не что иное, какъ старое противопоставленіе вещества и формы. Форма Ахилла, или Петра можетъ быть изображена художникомъ изъ мрамора, бронзы, желѣза, или дерева и т. д. Точно такъ же, какъ въ искусствѣ, — и въ природѣ должно отличать органическую форму отъ измѣняющагося вещества, которое каждый разъ образуетъ ткани. Тѣло всегда остается тѣмъ же самымъ; это значитъ не что иное, какъ то, что форма нашей плоти пребываетъ. Я же хочу, въ видѣ втораго положенія, доказать утвержденіе, прямо противоположное предшествовавшему: а именно, что душа не тождественна также и съ формой тѣла, что форма отнюдь не образуетъ составной части души, и что обѣихъ не должно разсматривать даже, какъ нераздѣльныхъ спутниковъ.

Морфологическія превращенія тѣла въ его развитіи и патологія. Душа продѣлываетъ въ теченіе своей жизни громадныя измѣненія, такъ что едва ли можно признать сходство между ощущеніями робкаго мальчика, смѣлыми и заносчивыми мыслями юноши и умѣреннымъ спокойствіемъ зрѣлаго человѣка. Но не этимъ опредѣляется тождество души, а — всегда одинаковымъ носителемъ всѣхъ этихъ смѣняющихся

жизненныхъ явленій. Тожество личности покоится на тождествѣ субстанціи души, которая при всѣхъ измѣненіяхъ мыслей, настроеній и желаній пребываетъ одной и тою же, ибо когда мы приходимъ въ другое настроеніе, то не получаемъ тотчасъ и новой души, а та же самая душа переѣмляетъ свои настроенія. Но какъ возможно сказать, что форма тѣла остается тождественной? Развѣ простое измѣненіе по возрастамъ не достаточно велико? Беззубый младенецъ по сравненію съ бородатымъ мужчиной вѣдь другая форма: врядъ ли усмотрѣлъ бы сходство тотъ, кто не слѣдилъ за промежуточными измѣненіями. Но и помимо того, зародышъ этого же самаго челоуѣка представляетъ величайшее несходство съ позднѣйшимъ видомъ — до такой степени, что, какъ утверждаютъ, на извѣстной ступени его нельзя отличить отъ зародыша собаки. А тѣмъ не менѣе за этимъ зародышемъ придется признать такую же тождественную душу. Нужно ли еще напоминать, что и половое различіе также неуловимо еще въ эмбриональномъ состояніи? Вотъ какъ далеко требуется, слѣдовательно, допустить сходство тѣла, если мужчина или женщина должны быть сходны съ существомъ, въ коемъ не опредѣлился еще полъ. — Затѣмъ перейдемъ къ душѣ животныхъ, гдѣ несходство формъ еще болѣе бросается въ глаза. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что гусеница и бабочка одно и то же животное; но трудно всетаки утверждать сходство и тождество между первою, ползающею по листьямъ, и второй, легко несущеюся по воздуху. Или развѣ форма у живущей въ водѣ личинки тождественна съ порхающею по воздуху стрекозой? — Наконецъ, призовемъ на помощь патологію. Душа остается все тою же самой, хотя бы у тѣла того или другого

несчастнаго ампутировали руку, или даже и всё конечности. Ракъ разрушаетъ у него носъ, водянка превращаетъ его въ слона, ударъ выбиваетъ ему глаза, вслѣдствіе воспаленій и паразитовъ его могутъ всю жизнь покрывать громадныя опухоли и наросты: и всетаки въ измѣненномъ тѣлѣ остается та же душа. Итакъ, я не вижу, какъ можно утверждать, будто форма тѣла, подобно душѣ, остается неизмѣнною.

Жизнь души не имѣетъ никакого сходства съ формою тѣла.

И что за дѣло душѣ и ея жизни до формы тѣла? На необходимую связь функціи я сейчасъ самъ укажу; но внутреннее родство должно быть рѣшительно отвергнуто. Если душа плачетъ при мысли о смерти любимаго существа, то чтó общаго между этою душевною болью съ относящимися къ ней мыслями и чувствованіями, — и отдѣленіемъ желѣзъ, которое течетъ по слезному каналу въ носъ и возбуждаетъ тамъ слизистую оболочку къ мимоходному насморку, и приливомъ въ капиллярныхъ сосудахъ, вызывающимъ кратковременный конъюнктивитъ? Какая связь между нашей волею, когда мы хотимъ защищать друга, и всѣми этими нервами, сухожиліями, мускулами и костями, которые мы приводимъ при томъ въ движеніе, и не зная даже, какіе это изъ нихъ, и каковъ ихъ строй. Когда мы читаемъ Эдду, или восхищаемся гомеровыми пѣснями, то намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, происходилъ ли тотъ, или другой химическій процессъ въ неизвѣстномъ намъ тѣлѣ поэтовъ во время творенія, и сколько пота выдѣлилось за это время изъ спиральныхъ желѣзъ его кожи. Что эти органическіе процессы необходимо должны быть при духовной жизни, мы, правда, признаемъ, точно такъ же, какъ и каждое стихотвореніе должно быть напечатано

въ извѣстномъ порядкѣ буквѣ; но какъ содержаніе поэзіи не имѣетъ никакого сходства и сродства со шрифтомъ, такъ же духъ и его жизнь не имѣетъ ни сходства, ни сродства съ формами тѣла.

Аналогія органическихъ формъ съ формами государственнаго устройства.

Форма тѣла съ этой точки зрѣнія кажется намъ чѣмъ-то случайнымъ на веществѣ. Поэтому вещество, или вещества суть субстанціи, которыя пребываютъ, а формы, въ которыя они каждый разъ вступаютъ, — ихъ акциденціи, какъ случайныя послѣдствія отношеній къ другимъ веществамъ, которыя по всеобщимъ физическимъ и химическимъ законамъ природы должны принимать то одинъ, то другой обликъ. При одинаковыхъ условіяхъ — вещества примутъ и одинаковыя формы, при различныхъ же условіяхъ — различныя; такъ всеобщіе элементы органической жизни: азотъ, углеродъ, водородъ и кислородъ при разныхъ условіяхъ являются въ самыхъ различныхъ соединеніяхъ, и сообразно съ тѣмъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ тканей.

Можно сравнивать вещества, или ихъ атомы въ какомъ-нибудь предметѣ съ отдѣльными людьми какой-либо націи, или государства. Эти люди будутъ жить между собою подъ извѣстными формами, т. е. въ извѣстныхъ обычаяхъ нравственнаго и религіознаго рода, подъ извѣстными законами и при извѣстномъ образѣ правленія, притомъ такъ, что эти общія формы опять распадутся на особыя формы — сословія, корпорацій, институтовъ, семействъ и т. п., подобно атомамъ, соединяющимся въ нашемъ тѣлѣ въ нервныя клѣтки, кровяные шарики, мышечныя волокна и т. д. Но тѣ же самые люди вслѣдствіе медленной, или внезапной перемѣны могутъ

зажить и при другомъ образѣ правленія, принять иные нравы и пр., смотря по тому, какъ сложатся условія ихъ существованія: и атомы нашего тѣла одинаково легко переходятъ опять въ растенія и животныхъ. Итакъ, наше тѣло со своими органическими формами можно сравнить съ формами государственнаго устройства жизни какого-нибудь народа, причемъ основаніе сравненія между ними заключается въ томъ, что у обоихъ, съ одной стороны, формы сообразно тѣмъ или другимъ отношеніямъ, необходимы, а съ другой — случайны, могутъ измѣняться; у обоихъ носители формы, т. е. граждане и атомы совершенно независимы отъ самой формы.

Аналогія съ
мелодіями.

Геніальный К. Э. Бэръ предложилъ другое сравненіе, гдѣ еще яснѣе выступаетъ признакъ движенія въ нашемъ органическомъ жизненномъ процессѣ, а именно, постепенное развитіе формы и ея совершеніе, причемъ она не является чѣмъ-то абсолютно постояннымъ, но какъ нѣчто, послѣдовательно развивающееся, временное. Мелодіями онъ обозначилъ весьма удачно формы: тоны де слѣдуютъ другъ за другомъ на извѣстномъ разстояніи и по извѣстнымъ законамъ, составляющимъ въ то же время только формы тоновъ; послѣднія сами по себѣ не представляютъ чего-либо самобытнаго, но приходятъ вмѣстѣ съ тонами, хотя и могутъ являться сходными, или одинаковыми, когда тоны повторяются при равныхъ условіяхъ.

Все эти аналогіи указываютъ на самобытность, съ одной стороны, души, съ другой — атомовъ тѣла, а также и на случайность и зависимость формъ природы, которыя не могутъ быть сами

въ себѣ, но постоянно въ чемъ-либо иномъ, именно, въ означенныхъ самобытныхъ субстанціяхъ.

Органическія
формы зависима
отъ функціи без-
сознательной
души.

Но если, согласно сказаннаго, форма тѣла кажется намъ случайною, то подобное пониманіе всетаки должно быть значительно дополнено воззрѣніями и съ другой стороны. Ибо кто станетъ считать случайнымъ то, что либо необходимо, либо составляетъ правило теченія природы? Наоборотъ, совершенно ясно, что при данныхъ условіяхъ не можетъ образоваться какой-либо иной формы, кромѣ только этого опредѣленнаго типа человѣческаго тѣла, какъ онъ уже сложился. Поэтому, конечно, въ самой душѣ нужно искать основанія для органической формы, и не въ сознательной жизни души, но въ бессознательной ея функціи. Этотъ вопросъ касается уже яраго спора о формахъ видовъ, ихъ измѣнчивости и превращеній. Но если бы подвергнуть здѣсь критикѣ дарвинизмъ, и даже исходя изъ своихъ принциповъ, самимъ вывести необходимыя слѣдствія, мы черезчуръ далеко отвлекли бы интересъ читателя отъ собственнаго вопроса.

Поэтому я позволю себѣ отослать къ моему сочиненію: «Дарвинизмъ и философія», а здѣсь ограничиться лишь тѣмъ, что имѣетъ рѣшающее значеніе въ нашемъ вопросѣ.

Тѣло, какъ господинъ души, и законъ сохраненія энергіи.

Съ одной стороны, тѣло кажется намъ господиномъ души, безъ котораго, навѣрное, не могло бы быть и душевной жизни. При ближайшемъ разсмотрѣніи это является совершенно достовѣрнымъ и нагляднымъ. Ибо, во первыхъ, мы видимъ, что наша душевная жизнь вполнѣ зависитъ отъ возбужденій тѣла. Темнота ночи и нѣкоторая анемія въ

мозгу, которую мы не можемъ объяснить изъ своей воли, повергаетъ насъ въ сонъ и тѣмъ погружаетъ духъ въ безсознательное состояніе; солнечный лучъ, падающій на вѣки, или шумъ, достигающій ушей, пробуждаютъ душу и приводятъ ее къ самосознанію. Страдаемъ ли мы отъ болей, которыя достигаютъ души, каковы бы онѣ ни были, мы можемъ успокоить свою душу, введя въ желудокъ наркотическое средство, или вспрыснувъ таковое подъ кожу. Апатію и меланхолію души врачи часто побѣждаютъ прописываніемъ желѣза. Кто станетъ отрицать, что уныніе и бѣдность мыслей могутъ быть прекращены хорошимъ обѣдомъ, какъ и на пиршествахъ свободный, живой и веселый обмѣнъ мыслей и чувствъ, приходящихъ въ голову, навѣвается только, когда губы уже омочены дарами Вакха. Что разумнѣйшая душа вслѣдствіе поврежденія мозга можетъ потерять память и впасть въ безуміе, къ сожалѣнію достовѣрно, равно какъ и то, что потерянное сознаніе можетъ быть подчасъ возвращено холоднымъ душемъ. И такъ, послѣ этихъ немногихъ примѣровъ никто не можетъ сомнѣваться, что наша душевная жизнь должна нѣкоторымъ образомъ разсматриваться, какъ бы функція тѣла. И великое открытіе геніальныхъ естествоиспытателей, а именно законъ сохраненія энергии, разумѣется, будетъ регулировать функціонное отношеніе между тѣломъ и душою. Дѣятельность мозга должна имѣть эквивалентъ въ душевной дѣятельности, точно такъ же, какъ механическое движеніе превращается въ теплоту, а теплота въ движеніе. Этого нельзя ограничить только явленіями сознанія: прежде всего и безсознательная жизнь души является выраженіемъ мозговыхъ функцій. Но здѣсь философія

должна напомнить естествоиспытателямъ, что они привыкли искать лишь общаго математическаго выраженія явленія, предполагая само собою понятнымъ положеніе (почему и позабываютъ его), что не можетъ быть функціи безъ субстанцій (ср. стр. 24). Ударъ никогда не могъ бы превратиться въ теплоту, если бы не существовало мельчайшихъ частицъ эфира, которыя какъ-то и вызвали своимъ движеніемъ явленіе теплоты. Равнымъ образомъ, какъ бы мощна ни была дѣятельность мозга, всетаки никогда не произошло бы чувственныхъ ощущеній, радости, боли, стремленія и т. д., если бы не существовало субстанціи души съ ея особеннымъ устройствомъ, въ которой функція мозга и превращается въ душевную функцію. Научная точность требуетъ поэтому существенной поправки этого выраженія; прибавивъ предыдущія умозаключенія, мы формулируемъ это положеніе такимъ образомъ: наша душевная жизнь есть функція души, вызванная тѣлесными возбужденіями. Ибо если функція должна происходить въ субстанціи, то мы не обойдемся безъ души, какъ того, «въ чемъ» (das Worin) эта функція, и что вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ ея качество. А тѣло можно разсматривать, какъ сумму условій для обнаруженія этихъ функцій. Душу можно сравнить со струнами рояля, на которомъ внѣшній міръ съ помощью человѣческаго тѣла какъ бы клавишъ вызываетъ тѣ или другіе звуки.

Тѣло, какъ слуга и твореніе души. Боязливые умы будутъ уже опасаться, какъ бы не угодить прямо въ матеріализмъ; для ихъ успокоенія, а также и во избѣжаніе односторонняго пониманія истины должно теперь замѣтить, что тѣло, несмотря на господствующее положеніе, которое оно получило

по отношенію къ душѣ, тѣмъ не менѣе остается лишь покорнымъ слугой и твореніемъ ея. Достаточно вѣдь видно, что оно вполне повинуется: возбужденіе воли приводитъ наши ноги въ движеніе, мысль поднимаетъ вѣки и направляетъ мускулы головы, желаніе мгновенно поднимаетъ лежащее тѣло и совсѣмъ уноситъ его куда-нибудь. Тѣло — самый непрекословный слуга, повинующійся по одному угадыванію, не получивъ даже прямого приказанія. Оно — точно также и наше твореніе, ибо само по себѣ оно ни къ чему не способно и безъ души тотчасъ же должно безпомощно погибнуть. Душа — это то, что жалѣетъ его, хранитъ отъ холода и жара, ежедневно чиститъ, кормитъ и поитъ, даже принимаетъ мѣры для его размноженія. Итакъ, душа въ извѣстномъ смыслѣ творецъ тѣла, такъ какъ она посредствомъ пищи ежедневно доставляетъ ему новыя силы и такимъ образомъ постоянно какъ бы воспроизводитъ его.

Объединеніе
этихъ противоположныхъ
разсужденій.

Какъ же намъ соединить эти два противоположныя утвержденія: душа — повелительница тѣла; тѣло — господинъ души? Оба справедливы, именно потому, что тѣло, какъ господинъ, — болванъ, который мы легко можемъ подчинить себѣ хитростью и образованіемъ. Лишь только мы поймемъ, какъ душа зависитъ отъ движенія тѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ усмотримъ, какъ эти движенія со своей стороны вызываются физическими причинами, то мы приобрѣтаемъ власть превратить своего господина самого въ слугу, посредствомъ вышнихъ причинъ приводя его въ такое положеніе, что оно должно будетъ такъ или иначе дѣйствовать на душу. Посему мы управляемъ сами собой, благодаря посредничеству тѣла, подобно возницамъ,

которые хорошо заботятся о лошадяхъ и тѣмъ самымъ дѣйствуютъ въ своихъ интересахъ на пользу собственнаго передвиженія. Человѣкъ, который, получивъ посредственное тѣло, не сумѣетъ сохранить ему здоровье, давъ такой образъ жизни, чтобы душа приобрѣла возможно бѣольшую способность къ работѣ и хорошее настроеніе, такой человѣкъ — плохой правитель и долженъ много работать надъ своимъ образованіемъ.

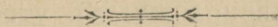
Но несмотря на это, тѣло всегда остается только случайною формой природы; и потому совершенно неопровержимо, что, какъ она произошла изъ отдѣльныхъ элементовъ, такъ мало по малу и опять распадется вслѣдствіе противодѣйствующихъ интересовъ прочихъ силъ природы. Какимъ бы ловкимъ ни быть въ пользованіи силами природы для управленія тѣломъ, всетаки сильнѣйшей агентъ, ворвавшись, уничтожить его въ нашихъ рукахъ посредствомъ болѣзни и въ концѣ концовъ путемъ смерти. Съ нашимъ тѣломъ происходитъ то, что бываетъ у каждаго господина съ его слугами: какъ бы они ему ни были послушны и покорны, всетаки онъ зависитъ отъ нихъ, такъ какъ онъ можетъ дѣлать съ ихъ помощью только то, что они въ состояніи, и не добьется того, чего они не въ силахъ. Такъ король зависитъ отъ ума и добродѣтели своихъ министровъ, генералъ — отъ силы и проницательности своихъ подчиненныхъ и отъ безчисленныхъ обстоятельствъ, которыя ихъ касаются, какъ бы послушны они ни были. Слѣдовательно, нечего удивляться, что наше господство надъ тѣломъ обусловлено и ограничено мѣрою его устройства и силъ, ихъ согласованностью съ окружающимъ міромъ, что нѣкогда неизбѣжно оно будетъ у насъ совершенно

отнято, когда борьба единичнаго существованія съ общей жизнью природы приведетъ насъ къ предѣлу, къ укладывающей на покой смерти.

Символика
формы тѣла. Выше мы должны были показать, какъ ошибочно душа, обыкновенно, если и не прямо отождествляется съ тѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, ставится къ нему въ такое отношеніе, будто тѣло заключаетъ въ себѣ отображеніе души, будто благородную душу можно увидѣть въ благородныхъ чертахъ лица, какъ въ зеркалѣ, будто вся тѣлесность состоитъ въ родствѣ и подобіи съ жизнью души. Въ ничтожности этого положенія, покоящагося исключительно на ассоціаціи идей, мы уже убѣдились (стр. 96). Но при всемъ томъ и по нашему изслѣдованію внутреннее и необходимое соотношеніе между тѣломъ и душой всетаки остается. Ибо вслѣдствіе непрерывнаго взаимодействія между обоими возникаетъ естественная семіотика или символика, т. е. значковое ученіе. При каждомъ постоянномъ отношеніи слѣдствіе можетъ употребляться, какъ знакъ наличности и свойства его причины. Какъ врачъ изъ симптомовъ узнаетъ присутствіе болѣзни, или морякъ по облакамъ — вѣтеръ, такъ и душа, которой природа отказала въ непосредственномъ воспріятіи другихъ душъ, узнаетъ изъ дѣйствій ихъ какбы изъ быстро понимаемаго значковаго языка ихъ мысли, чувства и воленія. Поэтому, форма тѣла даже въ малѣйшихъ мелочахъ не безразлична для души, но является, если не изображеніемъ, за то знакомъ или символомъ ея; и кто навѣкъ въ наблюденіи, тотъ изъ символики человѣческаго облика, даже изъ свойствъ отдѣльныхъ органовъ и движеній, можетъ дѣлать вѣрныя заключенія о свойствахъ [и состояніи

скрывающейся въ тѣлѣ души. Посему ни одна душа не въ состояніи совершенно себя скрыть, хотя и можетъ на время обмануть притворствомъ, т. е. ложными знаками; благодаря опытности и таланту, получается такое вѣрное пониманіе этого общаго значковаго языка природы, что ваятели, художники, актеры, учителя общественнаго обращенія въ состояніи выразить законы и правила этого языка всеѣмъ доступнымъ образомъ; точно такъ же поэты и композиторы искуснымъ употребленіемъ этихъ знаковъ могутъ показать намъ все это, или настроить насъ такъ или иначе, смотря по желанію, такъ какъ они подобнымъ путемъ доставляютъ намъ посредственное воспріятіе чужой душевной жизни, и скрытое выводятъ на свѣтъ.

Но мы не задавались цѣлью ни развивать здѣсь эту символику подробнѣе въ интересахъ искусства, ни, подобно фізіологамъ, изслѣдовать въ частностяхъ законы и условія взаимодѣйствія между тѣломъ и душой; мы должны удовольствоваться познаніемъ общаго отношенія между ними, потому что для отвѣта на нашъ вопросъ этотъ взглядъ только и требуется. Теперь мы можемъ обратиться къ дальнѣйшему изысканію о томъ, какъ должно представлять себѣ происхожденіе души.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Происхожденіе души.

1. Существующія возрѣнія.

Такъ какъ единичная душа вступаетъ въ исторію и дѣлается замѣтною для насъ только въ извѣстное время, то рождается естественный запросъ, откуда же она происходитъ. На это имѣется такой же естественный отвѣтъ, что она возникаетъ изъ ничего; ибо какъ показать для глазъ, или осязающихъ пальцевъ, откуда появилась душа? (Но давъ этотъ отвѣтъ, мы тутъ же чувствуемъ, что успокоиться на немъ можетъ только ребяческая фантазія, которая довольно склонна вѣрить, что фокусникъ, бросающій въ публику сотнями конфеты, достаетъ ихъ изъ своей пустой шляпы.) Для мыслящаго человѣка всегда будетъ казаться неопровержимымъ положеніе, что изъ ничего ничего и не выйдетъ. Кто уничтожаетъ это положеніе, тотъ стираетъ и границу между истиной и ложью, потому что лжи болѣе не существуетъ, если два противоположныхъ утвержденія, какъ «да» и «нѣтъ», могутъ быть сразу истинными. Отцы церкви считали душу сотворенною и полагали человѣка тварію Бога. Душа создана или сотворена изъ ничего,

учить такъ называемый креатіанисмъ. Возникаетъ только затрудненіе: въ какое же именно время вводится душа въ тѣло, въ сѣмени ли еще, или въ первичномъ эмбриональномъ состояніи, или даже не ранѣе, какъ при первомъ дыханіи родившагося? Кромѣ того, ясно, что отъ Творца постоянно ожидаютъ случая, когда онъ долженъ вмѣшаться въ теченіе природы и присоздать нѣчто изъ ничего, чтобы событія шли дальше. И насколько это при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается само по себѣ таинственнымъ, легко видѣть, если только подумать, что ежедневно нарождается множество новыхъ людей, которые должны быть снабжены душами. Трудно и приспособиться каждой вновь возникающей изъ ничего душѣ къ какимъ-нибудь образомъ уже готовому тѣлу; ибо если они оба не возросли вмѣстѣ, то и не умѣютъ еще обращаться другъ съ другомъ: душа должна научиться пользоваться чуждымъ ей тѣломъ для того, чтобы видѣть, слышать и двигаться. Такъ какъ тѣло приводится въ движеніе только тѣлеснымъ путемъ, то оно не обращаетъ еще никакого вниманія на эту идейную душу, точно такъ же, какъ и она не будетъ знать, какъ ей вести себя въ совершенно недоступномъ элементѣ.

Традукіанисмъ
въ своихъ трехъ
формахъ неудовлетворителенъ.

Нѣкоторые признавали, что причиною души должна быть уже существующая душа отца. Души поступаютъ де такъ же, какъ и растенія, когда внизу рядомъ со стволомъ стараго дерева появляются молодые побѣги; такъ какъ это размноженіе называется по латыни *ex traduce* (черезъ отпрыски), то и всю эту точку зрѣнія называли традукіа-

н и с м о м ъ. При болѣе точномъ разсмотрѣннн эта теорія становится все темнѣе, и въ ней нельзя признать ничего опредѣленнаго. Сначала нужно было бы изслѣдовать, какъ относится отпрыскъ къ дереву; а это въ то время, какъ употребили означенную метафору, во всякомъ случаѣ было совершенно неясно. Такимъ образомъ, традукіанисмъ въ цѣломъ даетъ лишь общее представленіе, что душа происходитъ отъ уже существующей души родителей, или отца, а не изъ ничего. Но какъ сама душа можетъ размножаться, это весьма трудно мыслить. Мы знаемъ инфузорій, которыя, достигнувъ извѣстной величины, шнуруются по срединѣ и раздѣляются затѣмъ на два самостоятельныхъ живыхъ существа. Но такъ какъ мы не можемъ видѣть подъ микроскопомъ, какъ удвоилась относящаяся къ этимъ животнымъ душа (!), то этотъ фактъ не даетъ намъ ни малѣйшаго объясненія, но скорѣе въ качествѣ новаго примѣра самъ ставитъ намъ тотъ же самый вопросъ, которымъ мы занимаемся. Я думаю, что всякій отецъ долженъ будетъ признаться себѣ и другимъ, что онъ не замѣчалъ въ себѣ и слѣдовъ удвоенія, или размноженія своей души и послѣдовавшаго затѣмъ насильственнаго, или мирнаго отдѣленія этого прироста. Математика также не допускаетъ, чтобы изъ одного могло быть сдѣлано какимъ-нибудь образомъ два, если только это не двѣ половины, противъ чего опять таки будутъ протестовать отцы, такъ какъ они не чувствуютъ себя, благодаря дѣтямъ, ополовиненными, или при случаѣ, и четвертованными. Отсюда мы видимъ, что традукіанисмъ, не допускающій охотно, чтобы Господь Богъ творилъ что-либо изъ ничего, приводитъ, прикрывая это своею темнотою, къ тому, что онъ собственно

ждеть отъ человѣка, чтобы тотъ творилъ нѣчто изъ ничего.

Во вторыхъ, если мы иначе объяснимъ темноту этой гипотезы, то она заведетъ насъ въ матеріализмъ: тогда душа должна будетъ умѣть тѣлесное преобразовывать въ нѣчто душевное. Душа тогда должна быть большою фокусницей, чтобы изъ того, что обладаетъ тяжестью, имѣетъ опредѣленную длину и толщину, движется влѣво и вправо, — создать идейную субстанцію, которая, какъ раньше было указано при критикѣ идеализма, дуализма и матеріализма, не обладаетъ ни однимъ изъ всѣхъ этихъ качествъ, и всетаки имѣетъ самостоятельное бытіе. Намъ не зачѣмъ повторять здѣсь предыдущую критику; но мы видимъ, что освѣщеніе темноты въ традукіанской гипотезѣ не можетъ дать намъ рѣшенія и ясности. Ибо въ третьихъ, если утверждать, что имѣющая появиться душа не есть самобытная субстанція, а только функція вновь образующагося человѣческаго организма, то мы нашли бы тогда, что душа, какъ функція, была бы простой акциденціею мозга, и тѣмъ самымъ впади бы во всѣ тѣ противорѣчія, которыя мы раньше встрѣтили при принятіи этого ученія, и которыя принудили насъ отказаться отъ него.

2. Попытка поясненія принципами четвертаго міровоззрѣнія.

Однородность души со всѣми субстанціями въ природѣ.

Мнѣ сдается, что правильное поясненіе возможно изъ основоположеній четвертаго міровоззрѣнія. А именно: мы должны разорвать границы, которыя отдѣляютъ матеріальное отъ идейнаго; иначе мы вѣчно

будемъ вращаться въ противорѣчiяхъ, которыя свойственны дуализму, а слѣдовательно, и тремъ высшимъ мировоззрѣнiямъ. Матерiя, какъ протяженная масса, существуетъ именно лишь, какъ наше представленiе и воображенiе, а не по себѣ. Тѣ же субстанцiи, или атомы, или монады, которыя вызываютъ въ насъ эти представленiя, совершенно одинаковы съ нашею собственной субстанцiею. Если бы они не были одинаковы, то было бы навсегда невозможнымъ, чтобы духъ могъ воздѣйствовать на тѣло, или тѣло на духъ. Не помогло бы намъ принятiе мнѣнiя, что души окружены атомами тѣла, чтобы они ей служили, а она давала имъ приказанiя; ибо атомы тѣла не стали бы понимать языка своей госпожи, да и не были бы въ состоянiи передавать ей представленiя посредствомъ чувствъ, или вообще получать отъ нея какое-нибудь движенiе и направление. Одинаковость матерiальныхъ и духовныхъ субстанцiй есть неизбѣжное требованiе науки. А какъ эта одинаковость невозможна, если одно разсматривать, какъ духовное, а другое, какъ матерiальное, то вторымъ требованiемъ будетъ прекратить это противоположенiе и припомнить, что такъ называемая матерiальность есть не что иное, какъ способъ, какимъ субстанцiи должны являться другъ другу, слѣдовательно, и намъ; а отсюда ясно, что и мы, т. е. духовная субстанцiя, когда приходимъ въ непосредственное соприкосновенiе съ другимъ представляющимъ существомъ, точно такъ же должны являться матерiальными. Здѣсь въ популярномъ изслѣдованiи не мѣсто развивать метафизику четвертаго мировоззрѣнiя; поэтому я приведу вкратцѣ лишь относящiеся сюда результаты. Всѣ субстанцiи или атомы мiра, являющагося намъ

матеріальнымъ, должны быть по существу одинаковы, должны быть понимаемы, какъ находящіяся въ различныхъ дѣятельностяхъ, или на различныхъ ступеняхъ развитія. Поэтому всего ближе къ намъ стоятъ по ступени развитія души животныхъ, къ нимъ же приближаются субстанціи, дѣйствующія въ органическихъ процессахъ, и такъ все ниже — вплоть до дѣятельностей элементарной природы. Значитъ, какъ нельзя болѣе ясно и очевидно, что душа человѣка, которая обладаетъ только высшимъ развитіемъ, носитъ въ себѣ все эти такъ называемыя животныя, матеріальныя дѣятельности, какъ моменты своей исторіи, и что она поэтому можетъ отлично и удобно уживаться и дѣйствовать вмѣстѣ съ тѣломъ, такъ какъ она вполне приспособлена къ этому взаимодействію: отъ нея не требуется причудливой дѣятельности по отношенію къ совершенно чуждому, противостоящему ей веществу. Такимъ образомъ, она получаетъ впечатлѣнія и отвѣчаетъ на нихъ, стоитъ на одномъ основаніи со всею прочей природой, какъ взрослый человѣкъ и дитя: послѣднее не можетъ переживать и мыслить всего того, что́ взрослый, тогда какъ взрослый можетъ все, что́ ребенокъ, потому что онъ былъ тѣмъ же самымъ и развился изъ него выше.

Чтобы выяснитъ это отношеніе еще и посредствомъ другой аналогіи, сравнимъ душу съ художникомъ, напр., со скульпторомъ, а такъ называемую матеріальную природу — съ рабочими, съ камнетесами. Скульпторъ долженъ быть также и камнетесомъ, если онъ хочетъ воспользоваться ими для своихъ работъ, т. е. онъ тоже долженъ уметь работать по мрамору и рѣзцомъ и молоткомъ и гладиломъ; пока

онъ обращается къ рабочимъ, онъ не будетъ говорить о выраженіи трагическаго страданія, которое онъ думаетъ придать своей Ніобѣ, или Лаокоону: вѣдь тѣ ничего не поймутъ въ этомъ; но онъ долженъ имъ показать, сколько дюймовъ, или линій здѣсь нужно стесать съ камня, и какъ надобно тамъ сгладить, или спилить. Только поскольку онъ самъ работникъ, можетъ онъ и пользоваться рабочими. Равнымъ образомъ, и душа нуждается въ физическихъ силахъ при обращеніи съ тѣломъ: она сама будетъ физическою въ общеніи съ физическимъ. Но между тѣмъ, какъ физическое остается на точкѣ зрѣнія рабочихъ, душа, сверхъ этихъ также остающихся въ ней дѣйствующихъ силъ, развила въ себѣ еще и высшую жизнь, подобно художнику, искусному и въ обтесываніи камня, но въ то же время живущему и витающему въ мірѣ фантазіи. Вотъ основаніе, почему природа обладаетъ вѣчнымъ постоянствомъ, и матеріальный міръ никогда не можетъ исчезнуть, какъ воображали, или еще и теперь воображаютъ нѣкоторые идеалисты. Ибо даже если бы все такъ называемое матеріальное развилось до душевной и духовной дѣятельности, то всетаки оно постоянно стояло бы въ субстанціальной противоположности между собой, такъ какъ субстанціи никогда не могутъ одна въ другой исчезнуть. Стало быть, эта противоположность навсегда останется условіемъ всякаго явленія въ природѣ. Мы можемъ подтвердить это умозрительное разсужденіе самымъ простымъ опытомъ: такъ мы вездѣ видимъ, что выше развитія органическія формы всегда могутъ быть разложены опять на свои элементарныя составныя части, на такъ называемые элементы; а этимъ означается не что иное, какъ

то, что необходимы для образованія элементовъ простѣйшія и первоначальнѣйшія дѣятельности (функціи) атомовъ не исчезаютъ даже тогда, когда послѣдніе при болѣе сложныхъ условіяхъ на время производятъ болѣе сложныя функціи. Это все равно, какъ математика, хотя и производитъ вычисленіе съ помощью высшихъ степеней, тѣмъ не менѣе признаётъ и простые ряды чиселъ дѣйствующими и постоянно присутствующими. Поэтому нечего бояться, чтобы это возрѣніе какъ-либо не впало въ противорѣчіе съ доказаннымъ ученіемъ естествоиспытателей о сохраненіи силы и о постоянствѣ состава природы; ибо именно это ученіе должно будетъ, наконецъ, съ эмпирической стороны точно также потребовать одинаковость души съ прочею природою, безъ чего не возможны ни познаніе, ни взаимодействіе. ✕

Теорія размноженія. Физиологи посредствомъ наблюденія нашли три главныхъ способа воспроизведенія новыхъ существъ: дѣленіе, почкованіе и образованіе сѣмени (образованіе споръ и яицъ). Если прослѣдить эти процессы по родамъ растений и животныхъ, которыя такъ происходятъ, то видно тотчасъ, что дѣленіе встрѣчается лишь у самыхъ низшихъ живыхъ существъ, почкованіе — у болѣе высокихъ, а образованіе сѣмени необходимо для самыхъ высшихъ формъ. Но было бы совершенно ошибочно вообразить себѣ, что этими различными путями творится дѣйствительно нѣчто новое, новый принципъ, такъ что возникаетъ до сихъ поръ небывалая субстанція, или душа рожденнаго. Ибо изъ ничего и не можетъ возникнуть ничего новаго; слѣдовательно, во всѣхъ этихъ процессахъ дѣло должно идти только объ измѣненіи формъ. Поэтому способы воспроизведенія не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на нашъ вопросъ о проис-

хожденіи души; фізіологія не говорить и не изслѣдуетъ бытія и происхожденія вообще, но лишь формы явленія уже сущаго, которое она предполагаетъ.

1. Дѣленіе. Но если разсмотрѣть эти различные способы размноженія поближе, то мы со своей точки зрѣнія должны признать а priori, что дѣленіе, какъ самая примитивная форма, повторяется затѣмъ во всѣхъ другихъ формахъ, только съ бѣльшимъ накопленіемъ средствъ. Дѣленіе есть только простѣйшій способъ размноженія; три же формы не координированы между собой, какъ равноправныя, а суть лишь модификаціи и послѣдовательныя ступени одного и того же процесса. Это легко доказать а priori. При дѣленіи происходитъ расщепленіе, пшурованіе индивида, разложеніе на двѣ, или на много частей, какъ это при нѣкоторомъ терпѣніи и дарѣ наблюденія легко увидѣть въ микроскопъ у инфузорій. Согласно прежнему изслѣдованію, нельзя же признать, что душа, которая вела жизнь въ животномъ-матери, разлагается и отпшуровывается отъ себя нѣкоторую часть: это — абсурдъ; явнымъ образомъ, въ простомъ пузырьѣ, изъ котораго состоитъ цѣлое животное, и содержаніе котораго, разумѣется, заключаетъ въ себѣ множество атомовъ, или простыхъ субстанцій, наряду съ одной душой, до сихъ поръ господствовавшей, другая составная часть тоже пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельную дѣятельность, и образуетъ вокругъ себя, какъ центра, границу, кругъ притяженія; этимъ отъ вліянія ранѣе единовластнаго атома отрывается новообразовавшаяся, самостоятельная сфера. Соотвѣтственно такому внутреннему явленію, слѣдуетъ тогда, конечно, и органическое освобожденіе одного отъ другого, или рожденіе черезъ

дѣленіе. Въ этихъ низшихъ существахъ индивидуальное совершенство господствующаго атома, очевидно, не столь значительно, чтобы другіе не могли безъ труда возникать рядомъ съ нимъ и вырываться изъ-подъ его господства. Для наглядности аналогіи можно представить себѣ атомы, которые образуютъ такой индивидъ, какъ общество людей, хотя и уже достаточно одинаково образованныхъ, но согласно живущихъ подъ предводительствомъ одного немного среди нихъ выдающагося, пока обстоятельствами не возвышается рядомъ съ нимъ другой, и общество не распадается на два раздѣльныхъ общества, подобно тому, какъ по библейскому сказанію, Исавъ и Иаковъ порѣшили уйти другъ ото друга съ имуществомъ, пожитками, рабами и семьею; сходное же явленіе ежедневно происходитъ между ремесленниками, когда достигающіе самостоятельности подмастерья хотятъ сами образовывать свой собственный центръ и покидаютъ домъ мастера.

2. Почкованіе. Почкованіе и образованіе сѣмени повторяютъ тотъ же самый процессъ, только въ богаче организованномъ цѣломъ, гдѣ не всѣ части имѣютъ почти одинаковое строеніе, а потому не на всякомъ мѣстѣ и не всякая часть можетъ достигнуть самобытности. Но при почкованіи область свободы больше, чѣмъ при образованіи сѣмени, существующемъ у такихъ животныхъ, которыя обладаютъ сложной системою качественно различныхъ функций, причемъ только въ извѣстныхъ органахъ можетъ происходить самостоятельное образованіе новыхъ жизненныхъ центровъ. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о новомъ физиологическомъ изслѣдованіи, а лишь о пониманіи даваемыхъ физиологіею возрѣній, то и здѣсь можно воспользоваться для выясненія аналогіею.

Я сравниваю почкованіе, пока почка сидитъ на животномъ-матери, какъ и на растеніи-матери, — съ возстаніемъ, когда вождь повстанцевъ со своимъ образующимся отрядомъ править частью страны совершенно по своей волѣ, а изъ сношеній съ цѣлымъ остаются только торговля и подвозъ жизненныхъ припасовъ. А въ томъ отношеніи, что произошедшее посредствомъ почкованія животное отдѣляется отъ матери, этотъ процессъ можно сравнить съ образованіемъ колоніи, задуманной сперва одною какой-нибудь самостоятельной головою, а затѣмъ привлекшей другихъ, и подкрѣпленной ими, причемъ эти свободно образующіеся очаги переселенія могутъ проявляться въ различныхъ мѣстахъ.

3. Образованіе сѣмени.

Образованіе же сѣмени, какъ высшая форма размноженія, не только не имѣетъ никакой аналогіи въ нашей общественной жизни, но и не всегда познается въ качествѣ образца. Государственные люди, которые не думаютъ на удачу, только смотря по минутѣ, должны бы всегда искать сходства съ органическою природою, чтобы того, что въ свободной нравственной области человѣческой жизни не можетъ, какъ въ природѣ, свершаться само собою, достигать проницательнымъ рѣшеніемъ. Таковъ всеобщій законъ природы, чтобы все живое, кромѣ своего индивидуальнаго существованія, заботилось также и о воспроизведеніи подобныхъ же индивидуальныхъ существъ, т. е. рядомъ съ эгоизмомъ самосохраненія природа обнаруживаетъ и принципъ любви. Въ органическомъ, вещественномъ мірѣ природа удивительнымъ образомъ позаботилась объ исполненіи этого второго принципа, но въ органическомъ нравственномъ мірѣ политической жизни человѣкъ забо-

тился до сихъ поръ только о первомъ принципѣ — самосохраненія, а пренебреженіе вторымъ принципомъ образуетъ, конечно, причину нѣкоторыхъ социальныхъ болѣзней, теперь подъ именемъ «соціального вопроса» возбуждающихъ всеобщее вниманіе. Природа непрерывно увеличиваетъ матеріаль государства, государство же не заботится о томъ, чтобы эти массы сложились въ ему подобныя, самостоятельныя организмы и могли быть выпущены, но старается по возможности расходовать ихъ только въ интересахъ своего самосохраненія и увеличенія. Если бы государственные люди хотѣли слѣдовать природѣ, то и они, подобно тому, какъ природа образуетъ сѣмя въ особомъ органѣ, должны были бы вести образованіе колоній*) посредствомъ особенныхъ вѣдомствъ и широкой законодательной организаціи, а не отпускать матеріаль для образованія новыхъ государствъ лишь въ несовершенной формѣ переселенія. Создавать колоніи, повидимому, — предписаніе природы; кто не слушаетъ голоса природы, тотъ неизбѣжно претерпѣваетъ естественное наказаніе, какъ оно терзаетъ нынѣ наше общество и доведетъ его до познанія корня бѣды. Въ каждомъ высшемъ естественномъ организмѣ находимъ мы, кромѣ органовъ, служащихъ самосохраненію, органъ, для самого организма излишній, который служитъ упомянутому второму принципу — помогать въ развитіи другимъ подобнымъ индивидамъ. Въ нашихъ государствахъ очень ясно видны органы самосохраненія и самоуправленія; органъ же, который могъ бы служить для развитія подобныхъ самостоятельныхъ государственныхъ существъ изъ

*) Защита германской колониальной политики. Ред.

излишняго у насъ матеріала, нигдѣ не въ примѣту.

Итакъ, разсмотрѣніе всѣхъ трехъ родовъ размноженія указываетъ намъ, что они различаются только богатствомъ предварительныхъ условій, которыя необходимы для отдѣленія и самоутвержденія сходныхъ индивидовъ; но въ общей своей сущности всѣ они суть дѣленія, а такъ называемое дѣленіе въ собственномъ смыслѣ есть только простѣйшая и низшая форма этого процесса. Поэтому для нашего психолого-метафизическаго вопроса нѣтъ никакого интереса разбирать далѣе различные способы образования сѣмени; впрочемъ, достаточно ясно, что и въ дѣвственномъ зарожденіи (партеногенезѣ) должно видѣть только менѣе совершенное разрѣшеніе тѣхъ же самыхъ общихъ задачъ; и чѣмъ сложнее условія, какъ напр., въ воспроизведеніи при содѣйствіи обоихъ родителей, тѣмъ и совершеннѣе будетъ особь, образованная для самостоятельнаго существованія и отдѣленія.

1/3 Обобщенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что отправляемая клѣтками нашихъ тканей дѣятельность, благодаря коей вводимая пища ассимилируется и превращается въ новыя части тканей, есть не что иное, какъ процессъ рожденія, а рожденіе — процессъ ассимиляціи. Какъ каждая живая клѣтка организма порождаетъ, т. е. возбуждаетъ къ подобной же дѣятельности другія, такъ и цѣлый организмъ порождаетъ цѣлый подобный себѣ организмъ. Это пониманіе соединяетъ въ себѣ такимъ образомъ руководящія мысли и такъ называемаго креатіанисма и традукіанисма. Ибо тѣ, кто принимаетъ твореніе души, не хотятъ только допустить происхожденіе души изъ матеріаль-

ныхъ процессовъ, — и правы въ томъ; а традукіансты желаютъ удержать именно естественную зависимость рожденія, — и также правы. Первые правы — потому, что душа, какъ субстанція, не происходитъ отъ тѣла, послѣдніе — потому, что душа только благодаря возбуждающей дѣятельности другой души можетъ въ живомъ организмѣ развиться до свойственныхъ ей высшихъ жизненныхъ функцій.

Естествоиспытатели заслуживаютъ, правда, нашего удивленія за свои тонкія и остроумныя наблюденія превращеній формъ природы; но мнѣ хотѣлось бы напомнить имъ, чтобы они не признавали формъ, простѣйшихъ для глаза, вмѣстѣ съ тѣмъ уже и за самые принципы природы. Напр., если сказать, что рожденіе происходитъ чрезъ дѣленіе ядра клѣтки, то этимъ ничего не объясняется, и рожденіе остается на столько же непонятнымъ, какъ и прежде. Ибо, если бы ядро было нѣчто простое, то оно не могло бы разложиться ни на много, ни хотя бы только на двѣ части; равнымъ образомъ, не было бы видно, какая причина опредѣлила его нарушить свое единство. То, что едино, можетъ только волшебствомъ быть превращено во многое. Если ядро дѣлится, то оно не было едино; оно было обществомъ, и притомъ какъ-нибудь уже расчлененнымъ, общественнымъ тѣломъ, опредѣленнымъ изъ одного выдающагося притягательнаго центра. Итакъ, дѣленіе можетъ воспослѣдовать, если измѣняется отношеніе имѣющихся въ немъ членовъ общества. Измѣненіе должно будетъ произойти, главнымъ образомъ, благодаря функціи господствующаго члена, причемъ другіе члены принуждаются къ сходной функціи. Такъ какъ

они должны все болѣе уподобляться ему, то не может болѣе сохраняться и зависимости: они, благодаря равенству функціи, станутъ собственными центрами; только такимъ образомъ и можно понять рожденіе или дѣленіе, какъ явленіе, необходимое изъ естественнаго взаимодействія. Такъ когда же послѣдуетъ дѣленіе, или рожденіе? Натуралисты съ достойной признанія тщательностью описываютъ самое явленіе, фактъ; но также должно быть дано и основаніе, котораго глазомъ никогда не открыть, даже при помощи еще болѣе усовершенствованныхъ микроскоповъ: вѣдь оно лежитъ не въ видимомъ явленіи, простомъ слѣдствіи основанія, а въ невидимыхъ принципахъ, измѣненная функція которыхъ принуждаетъ и явленія къ перемѣнѣ. Поэтому основаніе можетъ быть открыто только посредствомъ аналогій съ доступными намъ явленіями того же рода. Оттого то я и сказалъ, что въ клѣткѣ, ядро подобно дому мастера и должно раздѣлиться, когда подмастерья выучатся и захотятъ сами стать мастерами; или же оно подобно семейству, которое дѣлится, когда дѣти, первоначально удерживаемыя въ притягательномъ кругу родителей, становятся самостоятельными и теперь такую же функцію, какъ и родители, заводятъ вокругъ себя свою собственную жизненную сферу. При этомъ не описывается самое явленіе или фактъ, но объясняется основаніе явленія, или необходимость факта. Итакъ, философія не конкурируетъ съ естествознаніемъ: не ея задача наблюдать; но она дополняетъ его, такъ какъ требуетъ связи между специальными изслѣдованіями и всеобщими законами и такимъ образомъ старается найти согласованность всего міровоззрѣнія. †

3. Отношеніе предыдущихъ міровоззрѣній къ четвертому.

Съ истиной согласуются все предметы, ложному же тотчасъ противорѣчитъ истинное, говоритъ Аристотель; сдѣлаемъ же пробу и рассмотримъ, согласуется ли все, что въ различныхъ міровоззрѣніяхъ мы должны были признать за истинное, также и съ нашимъ четвертымъ міровоззрѣніемъ.

Сперва мы похвалимъ дуализмъ: онъ устанавливаетъ самобытность духовной жизни и указываетъ, что душу должно считать за особую субстанцію, имѣющую свои особые законы и свое особое содержаніе, которое не можетъ быть понято изъ матеріальныхъ явленій. Ошибочно въ дуализмѣ — злополучное противоположеніе матеріальному міру; но при вѣрномъ пониманіи оно заключаетъ въ себѣ ту истину, что матеріальныя явленія все суть только созерцанія нашей души и притомъ лишь низшей ея области, надъ которой въ качествѣ высшаго развитія воздымается міръ духа. Дуализмъ не только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является со временъ Декарта, но и въ томъ, въ какомъ онъ былъ еще у древнихъ грековъ, исходитъ изъ совершенно истинныхъ познаній и побужденій.

И материализмъ со своимъ грубымъ и наивнымъ отождествленіемъ духа и матеріи положительно позналъ, хотя и въ поэтическомъ образѣ, ту истину, что мы вездѣ должны понимать природу, какъ единую, и какъ цѣлую: субстанцію, несущія нашу тѣлесную жизнь, одинаковы де съ нашей душою.

Но болѣе тонкій научный материализмъ, рассматривающій душу, какъ функцію, заблу-

ждается, правда, въ томъ, что онъ въ изслѣдованіи математическихъ законовъ явленій не заботится о категоріи присущности (Inhägenz) (которая для его цѣлей, положимъ, и не имѣетъ существеннаго значенія), почему и упускаетъ изъ виду, что функціи всегда должны быть въ субстанціяхъ; но онъ находитъ истину въ томъ, что не ставитъ душевную жизнь, какъ нѣчто совершенно отдѣльное и чуждое въ мертвыхъ тѣлахъ, но гораздо остроумнѣе смотритъ на жизнь, какъ на общее всей природѣ явленіе, и потому старается подвести взаимную зависимость тѣлесныхъ и духовныхъ функцій подъ законы. Въ противоположность раціоналистическому спиритуализму, разсматривающему матерію, какъ мертвую массу, онъ имѣетъ преимущество болѣе глубокаго познанія природы; тѣмъ только и можно объяснить, что онъ въ общихъ чертахъ могъ заслужить такое обширное одобреніе даже у лучшихъ умовъ.

Если мы обратимся теперь къ идеализму, то и его истина согласуется съ нашимъ ученіемъ; ибо духовная жизнь въ четвертомъ міровоззрѣніи не является случайно внесенною путемъ тѣлесныхъ возбужденій извнѣ, но полагается, какъ развитіе и проявленіе субстанціи самой души. Идеальная суть вещи и здѣсь предшествуетъ явленію. Съ другой стороны, мы должны были такъ же, какъ того требуетъ и идеализмъ, признать физическую организацію соотвѣтственною этой идеѣ или этой цѣли, такъ что первенство принадлежитъ идеѣ: мы могли бы вмѣстѣ съ Бэрромъ сказать, что душа не входитъ въ тѣло, а «исходитъ изъ него наружу», и что для души дѣятельность или функція есть, хотя и конецъ развитія, но въ то же время начало и принципъ

его. Мы отступаемъ отъ этого идеализма лишь постольку, поскольку мы освобождаемъ матеріальное изъ того фантастичнаго положенія, которое оно необходимо получаетъ въ этой системѣ, причемъ слагаемая матеріальнаго явленія мы разсматриваемъ, какъ самобытныя и одинаковыя съ духовной субстанціею, а духовную жизнь считаемъ за ступень развитія одной и той же субстанціи, потому что только при этомъ возрѣннн точное изслѣдованіе природы можетъ удержатъ свои ненарушимыя права.

Наконецъ, что касается спинозизма, то его вымышленный параллелизмъ объясняется очень просто изъ функціоннаго отношенія, въ какомъ душевная жизнь стоитъ къ физико-органическимъ движеніямъ, безъ того, чтобы впадать въ хитросплетенія системы, которая хочетъ объяснить все душевныя явленія опять-таки только изъ душевныхъ явленій, а не изъ причинности окружающей насъ природы. Съ другой стороны, мы должны похвалить энергію, съ которой удерживается въ этой системѣ единство субстанціи и потому мірового содержанія вообще. Въдъ и съ нашей точки зрѣннн все вещественное и все духовное будетъ выраженіемъ или обнаруженіемъ одной и той же одинакой субстанціи; только, согласно опыту, мы должны смотрѣть на это обнаруженіе, какъ на протекающее въ самостоятельныхъ (индивидуализованныхъ) частяхъ.

Итакъ, устранивъ ошибки, которыя различными міровозрѣнннми другъ во другъ взаимно порицаются, мы не можемъ не признать, что все неопровержимо истинное въ каждомъ изъ нихъ согласуется съ четвертымъ міровозрѣннмъ. Поэтому вышеупомянутую аристотелеву пробу, по которой все истинное должно согласоваться со всяческой истиною, а ложному противорѣчить,

мы можемъ считатьъ удавшеюся въ пользу нашего міровоззрѣнія; и потому не станемъ сердиться, когда насъ со стороны другихъ міровоззрѣній будутъ попрекать, что наше де ученіе и дуалистично и матеріалистично, идеалистично и спинозистично; напротивъ, мы поспѣшимъ охотно согласиться: ибо это служить для насъ прямымъ доказательствомъ той истины, что всѣ эти односторонности, освобожденные отъ ихъ болѣзненной исключительности, въ нашей обители могутъ мирно уживаться другъ съ другомъ.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Будущность души.

1. Предварительныя соображенія.

Такъ какъ собственно мы собирались изслѣдовать вопросъ о безсмертіи человѣческой души, то все до сихъ поръ изложенное должно служить только длиннымъ введеніемъ къ короткому заключенію. Но было необходимо обратиться въ различныхъ научныхъ воззрѣніяхъ на душу, ибо лишь тогда возможно объяснить, почему философы столь противорѣчиво судили о будущности души, и только тогда мы сами въ состояніи будемъ высказать обоснованное мнѣніе.

Обращаясь назадъ, мы убѣждаемся, что всѣ религіи возвѣщаютъ безконечное существованіе единичной, личной души съ обѣщаніями, или съ угрозою въ какомъ-либо видѣ. Религія пользуется и научными понятіями, большею же частью прибѣгаетъ къ болѣе богатому, а потому и болѣе дѣйствующему языку, благодаря чему она лишь одна предназначена для всѣхъ людей: она умѣетъ и разумомъ дѣйствовать на путяхъ чувства или сердца. Несмотря на то, мы должны желать и считать признакомъ истины, чтобы научное ученіе согласовалось съ религіозными убѣжденіями, ибо наука — всегда односторонняя сила и покоится на одностороннемъ употребленіи одной только сферы — мышленія понятіями, между тѣмъ какъ религія въ происхожденіи своемъ является всегда произведеніемъ цѣлой человѣческой

Достоинство религиозныхъ заявленій.

природы, причемъ всѣ духовныя силы обнаруживаются въ ней въ своемъ еще нераздѣльномъ единствѣ, какъ и въ истинной поэзіи. Вотъ гдѣ основаніе того, почему каждая религія безъ исключенія, равно какъ и поэзія, сводится на божественное откровеніе. Ибо, какъ поэтъ умоляетъ музу вложить ему въ сердце пѣснь, точно такъ же и пророкъ не можетъ себя самого называть источникомъ своего познанія, потому что иначе онъ долженъ былъ бы уже произвести раздѣленіе своихъ духовныхъ силъ и проявить ихъ одностороннюю дѣятельность; онъ долженъ признавать, что онъ движимъ дѣющею въ немъ божественной силою, которая только звучитъ сквозь его скромную индивидуальную особу, чтобы обнаружить въ откровеніи полноту обособленной духовной природы. Когда такимъ образомъ индивидуальное, личное сознаніе со своею отдѣльностью исчезаетъ, движущая сила, само собой понятно, должна считаться божественною. Съ такими свидѣтельствами отъ полноты природы не слѣдуетъ стоять въ противорѣчій; нужно считать желательною удачей, когда свидѣтельство познанія согласуется съ голосомъ религіозныхъ откровеній.

Разсчетъ со здравомысліемъ.

Если мы, съ другой стороны, станемъ предъ трибуналомъ здравомыслія, то нельзя не сознаться, что тамъ, какъ выше (стр. 14—16) было подробнѣе изложено, господствуетъ одно самое рѣшительное невѣріе въ загробный міръ, который не воспринимается чувствами и не обнаруживается какими-либо фактами опыта. Конечно, мы не можемъ питать довѣрія къ возрѣвію, которое противорѣчило бы здравому смыслу. При этомъ нужно только сдѣлать ограниченіе: поскольку мы не знаемъ основанія про-

творѣчія этихъ двухъ истинъ и не признаемъ противорѣчія неизбѣжнымъ и безвреднымъ. Такъ, напр., здравомысліе у всѣхъ народовъ и у всѣхъ новыхъ поколѣній неизбѣжно пріобрѣтаетъ сужденіе, что земля стоитъ неподвижно, а солнце движется вокругъ нея, равнымъ образомъ, что снѣгъ бѣлъ, трава зелена; однако же ни астрономія, ни физика не приходятъ въ смущеніе отъ этого необходимаго противорѣчія ихъ ученіямъ, ибо для того, чтобы понять движеніе планетной системы и субъективную природу цвѣтовъ, требуется кое-что побольше, чѣмъ непосредственный опытъ; истина, что предметы съ этой ограниченной точки зрѣнія должны являться такъ-то и такъ-то, всегда при этомъ остается признанною. Если мы поэтому въ состояніи будемъ увидѣть, что здравомысліе необходимо должно судить и о смерти такъ, а не иначе, и почему это сужденіе съ односторонней точки зрѣнія является необходимымъ, то его противорѣчіе обратному болѣе широкому воззрѣнію не будетъ причинять никакого неудобства. Мы видимъ самымъ достовѣрнымъ образомъ, что люди умираютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и душевная жизнь ихъ, поскольку она обнаруживается черезъ тѣло. Мертвый болѣе уже не смѣется и не говоритъ, его глазъ не видитъ, онъ не отвѣчаетъ на наши вопросы и просьбы: исчезъ всякій слѣдъ его духовной и душевной жизни. Какъ же иначе судить здравымъ смысломъ и какъ не полагать духъ или душу столь же мертвымъ, какъ и тѣло? Только такъ, а не иначе можно судить, если довѣрять непосредственному свидѣтельству чувствъ. Конечно, точно такъ же очевидна и односторонность этого сужденія. Какъ всякій знаетъ, онъ можетъ

проявлять себя для другихъ только черезъ тѣло и его жизненныя дѣятельности, причѣмъ онъ звуками, или другими знаками даетъ знать о своихъ невидимыхъ мысляхъ и чувствахъ; но для самого себя онъ существуетъ и безъ этихъ знаковъ: онъ можетъ мыслить и чувствовать даже прямо противоположное тому, что онъ выражаетъ своими жѣстами и словами, какъ напр., комическій актеръ въ то время, какъ онъ опечаленъ личными извѣстіями, другимъ можетъ казаться веселымъ. Итакъ, должно отдѣлять жизнь для себя отъ жизни для другихъ. Но жизнь для себя такъ устроена, что желаемъ ли мы того, или нѣтъ, но никто о ней не можетъ знать ничего иначе, какъ только всякій въ самомъ себѣ. Каждому другому можно дать о ней знать лишь тѣлесными знаками, т. е. всякій другой познаетъ жизнь чужой души такъ, какъ она существуетъ для другихъ, а не такъ, какъ для себя. Мы вѣдь часто слышимъ жалобу отъ людей, что они другому, както любимому существу, или сомнѣвающемуся судѣ, не могутъ показать что у нихъ на сердцахъ; и они не вѣрятъ де въ возможность выставить себя предъ другимъ вполне. Если это дѣйствительно такъ, то здравомысліе, очевидно, судить лишь односторонне, именно только о жизни для другихъ, которая безслѣдно прекращается со смертію. Но совершенно соглашаясь здѣсь съ этимъ сужденіемъ, мы однако отнюдь не можемъ согласиться отвергнуть также и жизнь для себя, ибо мы видѣли, что она никакъ не дается въ чувственномъ опытѣ. Пускай здравомысліе всегда сохраняетъ свои права! нужно только научнымъ образомъ точнѣе ограничить область его значенія, чтобы его сужденія не вмѣшивались туда, гдѣ они не имѣютъ ни малѣйшаго

полномочія. Посредствомъ аналогіи я постараюсь яснѣе показать положеніе дѣла. Мы слушаемъ замѣчательнаго скрипача, мы видимъ его движенія по струнамъ и восхищены его игрой. Въ силу несчастной случайности его скрипка разбита и потомъ еще сожжена. Мы не видимъ болѣе движеній скрипача по струнамъ и не восхищаемся уже игрою. Онъ пересталъ быть скрипачомъ для другихъ; но имѣется ли право на заключеніе, что музыкальная сила и искусство умерли въ немъ вмѣстѣ со скрипкою? Кто знаетъ, не найдетъ ли потомъ онъ себѣ скрипку еще лучше и не явится ли онъ опять для другихъ еще лучшимъ скрипачомъ? Какъ ни опасно всегда было и остается столкновеніе со здравомысліемъ, — безвреднымъ и невиннымъ оказывается это противорѣчіе, если только можно доказать его необходимость и по справедливости ограничить область его значенія для борющихся партій.

Философскимъ путемъ можно доказать индивидуальное безсмертіе аподиктически. *индивидуальности*

Спросимъ же опять у философіи, что изъ вышесказанныхъ положеній четвертаго міровоззрѣнія слѣдуетъ относительно будущности души послѣ смерти съ необходимостью, или съ вѣроятностью. Самое первое, что можно заключить съ необходимостью, это — безсмертіе души вообще; такъ какъ сущее не можетъ дойти до небытія (какъ и несущее притти къ бытію), то душа никакъ не можетъ погибнуть. Намъ стѣбитъ только обдумать предыдущія доказательства, посредствомъ которыхъ душа была признана за сущее въ себѣ, или какъ субстанція, чтобъ съ ясностью и отчетливостью утверждать вѣчность души. Естествоиспытатели давно уже это утверждали (и вполне справедливо) относительно своихъ субстан-

цій; но такъ какъ атомы обладаютъ въ качествѣ достовѣрнаго атрибута неуничтожаемостью и безначальностью, то такія же свойства должны, разумѣется, быть и у души, которая вѣдь тоже атомъ или субстанція. И хотя это безсмертіе не такое, какое утверждается со стороны идеализма, именно не безсмертіе рода, причемъ безсмертное существованіе или безсмертіе духа обезпечивается вообще только за цѣлымъ человѣчествомъ (а изъ еди-наго духа, лежащаго въ основаніи всѣхъ вещей, возникали бы всегда опять духи для жизни и самопознанія), но — безсмертіе индивидуальное; ибо душа есть индивидуальная субстанція, и не всеобщій принципъ, какъ законъ природы, но реальный принципъ или атомъ въ истинномъ смыслѣ, и потому въ существѣ своемъ индивидуальна.

Различіе безсмертія индивидуальнаго отъ личнаго. Впрочемъ, этотъ отвѣтъ мало удовлетворяетъ насъ, ибо индивидуальное безсмертіе не имѣетъ для насъ большаго значенія, чѣмъ смерть, если при этомъ не утверждать вмѣстѣ съ тѣмъ и личнаго безсмертія. Ибо единственно къ чему лежитъ сердце у человѣчества, какъ это выражается и въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, — сама себя сознающая личная жизнь. Если бы мы, хотя и безсмертные индивидуально, послѣ смерти погружались, положимъ, и въ вѣчный сонъ, то намъ было бы мало толку отъ подобной перспективы, точно такъ же, какъ и въ нынѣшнемъ существованіи мы врядъ ли желали бы продленія жизни, которая состояла бы въ безсознательной спячкѣ безъ пробужденія. Хотя сонъ и любимъ всѣми, какъ утѣшеніе оскорбленныхъ и пристань всѣхъ, кто, трясясь по непокойнымъ волнамъ жизни, находитъ, по крайней мѣрѣ, во снѣ временный покой и безопасность, но сонъ мгновенно потерялъ

бы эту любовь, если бы его достоинство не поддерживалось только эфемернымъ удовольствіемъ. Если бы мы засыпали съ тѣмъ, чтобы никогда не проснуться, то передъ сномъ мы чувствовали бы такой же ужасъ, какъ предъ смертію: только вполне отчаявшіеся, у которыхъ уже исчезла всякая надежда на новое счастье, стали бы обращаться ко сну, какъ теперь къ самоубійству.

Личное безсмертіе не можетъ быть доказано въ философіи аподиктически.

Но такое безсмертіе, единственно насъ интересующее, при которомъ мы продолжали бы сознать свою личную особенность, не можетъ, къ сожалѣнію, быть доказано въ философіи аподиктически. У насъ было бы аподиктическое доказательство, если бы это слѣдствіе могло быть въ совершенно общемъ видѣ и съ необходимостью выведено изъ сущности души, какъ, напр., изъ сущности треугольника вытекаетъ, что сумма его угловъ равна двумъ прямымъ, или какъ изъ сущности круга слѣдуетъ, что всѣ линіи, проведенныя изъ центра къ окружности, будутъ равной длины. Это не значитъ, чтобы такое доказательство само по себѣ было невысказуемо; ибо мы положительно должны признать: все, что происходитъ, происходитъ съ необходимостью. Итакъ, будетъ ли продолжаться личная жизнь, или прекратится, это произойдетъ всегда по необходимости. Но, гдѣ господствуетъ необходимость, тамъ есть также и причины, вызывающія это слѣдствіе, а всѣ причины, разъ только онѣ познаны, даютъ возможность аподиктически научнаго воззрѣнія на указанное явленіе. Слѣдовательно, такое аподиктическое познаніе само по себѣ вполне мыслимо. Мы же, люди, находимся относительно міра въ такомъ положеніи, что все происходящее мы познаемъ только чрезъ представленія, или опытъ,

и только послѣ того, какъ явленіе произошло, мы постигаемъ его необходимость. Какъ бы историки ни старались показать намъ, что всѣ историческія событія были изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ необходимы, всетаки изъ данныхъ обстоятельствъ настоящаго времени никто не рѣшится предсказать будущее хоть на самый короткій промежутокъ времени; а если кто и берется, то въ видѣ спасительнаго средства употребляетъ двусмысленный, темный языкъ оракуловъ, да и выслушивается, какъ пророкъ, съ недовѣріемъ. Поэтому и мы нынѣ не въ состояніи приобрѣсти относительно продленія личной жизни философскаго аподиктическаго познанія.

Прогноза и ея условия. Зато насчетъ всѣхъ вещей, дѣйствительное положеніе коихъ открывается только со временемъ, можно имѣть догадки, которыя по степени вѣроятности своей могутъ выростать до твердаго убѣжденія. Если эти догадки касаются частныхъ ожидаемыхъ событій, то будущее почти всегда обнаруживаетъ тцету ихъ; если же онѣ относятся ко всеобщему и цѣлому въ предметахъ, то при внимательномъ разсмотрѣніи условій дальнѣйшаго развитія бываетъ легко возможно предузнать истину, какъ, и, дѣйствительно, историки могутъ предсказывать въ общихъ чертахъ ожидаемыя формы правленія какой-нибудь націи, или врачи напередъ опредѣляютъ теченіе болѣзни, а эстетики — психологическое развитіе характера въ драмѣ. Итакъ, если мы можемъ указать и по отношенію къ дальнѣйшему существованію послѣ смерти одинъ, или нѣсколько законовъ, по которымъ вообще все въ мірѣ управляется, и за которыми поэтому должно быть признано безусловное значеніе, а изъ нихъ выведемъ относительно нашего вопроса

вѣрныя заключенія, то подобныя догадки могутъ получить высокую степень вѣроятности и даже мало отличаться отъ твердой вѣры, или спокойнаго убѣжденія.

2. Экономическое доказательство личнаго продленія жизни.

Если вести такое доказательство, то нужно вступить въ логическую форму умозаключенія; конечно нѣтъ необходимости показывать педантичнымъ образомъ, что мы хотимъ разложить его на *Barbara*; можно и много умозаключеній свести къ одному, если только ясно обозначить такъ называемые термины умозаключенія для того, чтобы повѣряющій насъ легко могъ узнать и связующее соотношеніе, и силлогистическую форму, обдумать и тщательно взвѣсить ихъ. Поэтому сейчасъ же въ бѣольшую посылку мы свяжемъ четыре принципа, отъ признанія и значенія которыхъ будетъ зависѣть все достоинство умозаключенія: ибо если бы хотя одинъ только изъ этихъ четырехъ принциповъ сталъ для насъ сомнителенъ, то довѣріе къ заключенію потеряло бы силу въ той же мѣрѣ, въ какой бы сомнѣніе выиграло; а чѣмъ тверже стоятъ принципы, тѣмъ непоколебимѣе будетъ обосновано для насъ и заключеніе.

1. Четыре принципа бѣольшей посылки.

Первый принципъ. Первымъ принципомъ должно послужить намъ положеніе, которое и стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ четвертымъ мировоззрѣніемъ, а именно: всяческое бытіе принадлежитъ только единично существующему; существуютъ только индивидуальныя субстанціи, которыя именуется атомомъ, если ихъ существованіе ограничивается фи-

зическими, химическими и органическими явлениями, и — душами, если онѣ обнаруживаютъ также сознание и самосознание. Поэтому все дѣйствительно происходящее бываетъ или въ одной такой индивидуальной субстанціи въ ея бытіи для себя, или же во многихъ, чѣмъ образуетъ общеніе и взаимодѣйствіе, но не такъ, чтобы это явленіе лежало посрединѣ между ними, гдѣ бы оно помѣщено было въ «ничто», но такъ, чтобы оно опять, какъ дѣятельность, или какъ состояніе нѣсколькихъ индивидуальных субстанцій, выражало ихъ способъ существованія. Этотъ принципъ предостерегаетъ насъ отъ ошибки — считать абстракціи за самостоятельно живущія существа, какъ случается обыкновенно: вѣдь ни государство, ни лошадь, ни человекъ не есть живая субстанція; это только образы жизни многихъ въ нихъ живущихъ вещественныхъ и духовныхъ единицъ. Но если эти истинныя, самобытно живущія существа, благодаря какимъ-нибудь вліяніямъ, вступаютъ между собой въ инныя отношенія, чѣмъ прежде, то это приводитъ къ гибели означенныхъ явленій, причемъ перемена способа обнаруженія ни мало не угрожаетъ собственному существованію субстанцій.

Второй принципъ. Второй принципъ тотъ, что міръ развивается въ цѣлесообразномъ порядкѣ отъ несовершеннаго къ совершенному. Для доказательства этого закона понадобилась бы полная метафизика; поэтому придется удовольствоваться упоминаніемъ лишь нѣкоторыхъ явленій, которыя послужатъ свидѣтельствомъ. Во первыхъ, за развитие изъ несовершеннаго говоритъ весь опытъ, ибо, какъ совершенный взрослый человекъ образуется изъ несовершеннаго начала, и какъ у животныхъ и растений все совершенное разви-

вается изъ незрѣлаго, слабѣйшаго, несовершеннаго состоянія, такъ и геологія показываетъ намъ, что ранніе періоды жизни земли были несовершеннѣе, чѣмъ послѣдующіе, и наконецъ, самая всемірная исторія указываетъ, что человѣческое общество на землѣ постоянно доработывалось отъ весьма варварскихъ несовершенныхъ начатковъ до высшаго, болѣе свободнаго господствующаго положенія.

Но это развитіе совершается, очевидно, въ извѣстномъ порядкѣ. Еще и въ болѣе раннія времена исторіи признавали нравственный порядокъ для нашихъ дѣяній; но для судебъ народовъ это познаніе пріобрѣталось только въ частныхъ случаяхъ, какъ, напр., для жизни израильскаго народа; порядокъ же во всей природѣ былъ только голой гипотезою. Такъ и должно было быть, ибо порядокъ состоитъ повсюду въ послѣдованіи извѣстнымъ законамъ, а познаніе порядка могло быть пріобрѣтено повсюду только послѣ познанія этихъ законовъ. Нынче же наряду съ законами нравственными пріобрѣли себѣ также общее признаніе и законы природы; какъ и слѣдовало ожидать, измѣнилось и пониманіе природы: а именно, не позволяютъ уже себѣ признавать безпорядка въ самой матеріи, или произволъ и вмѣшательство въ теченіе природы со стороны злыхъ, или добрыхъ духовъ, но предполагаютъ вездѣ прочный порядокъ, по которому все происходило отъ начала и впредь будетъ свершаться. Такимъ же образомъ было покинуто то чудаковатое понятіе свободной воли, которое въ благородномъ порывѣ выдумалъ и громко проповѣдывалъ раціоналисмъ: добро и зло не считаются дѣломъ только одной личности, но, отчасти, и всего общества; а

потому и они не подлежатъ безпорядку и произволу столько же, какъ и природа. Только поэтому статистика и могла опредѣлить законосообразность въ числѣ интеллектуальныхъ недостатковъ и нарушеній нравственности. Принадлежность дѣла, вина, или заслуга у личности ничуть не отнимаются при этомъ, но самое дѣло ненаучно не считается болѣе произвольнымъ и изолированнымъ, а понимается въ порядкѣ законосообразной цѣльности общественнаго развитія.

Итакъ, если чрезъ познаніе законовъ мы достигаемъ познанія вообще порядка въ природѣ и исторіи, то ясно далѣе, что этотъ порядокъ цѣлесообразенъ; вѣдь это только выдумка философски необразованныхъ головъ — представлять себѣ законы и порядокъ безъ цѣли. Безцѣльный порядокъ, или безцѣльный законъ то же самое, что деревянное желѣзо, или цвѣтущая солома. Порядкомъ, или же бессмысленнымъ безпорядкомъ было бы, если бы закономъ опредѣлить, чтобы всѣ способные носить оружіе мужчины содержались въ богадѣльняхъ, между тѣмъ какъ слѣпые, хромыя и слабыя были бы призваны къ военной службѣ? Какъ бы понять порядокъ въ развитіи растенія, если бы цвѣты и плоды не были его цѣлью, — и въ развитіи животныхъ и человѣка, если бы каждый органъ не имѣлъ своей цѣли, а весь организмъ опять своей опредѣленной цѣли? Какъ могла бы медицина ориентироваться въ своихъ задачахъ, если бы природою разъ навсегда не была поставлена цѣль — здоровье, къ которой и стремятся примѣненіемъ всѣхъ законовъ и предписаній врачебнаго искусства? Я сказалъ уже, что не имѣю намѣренія давать здѣсь метафизическихъ основаній доказательства; довольно, полагаю, и этихъ немногихъ напоминаній, что-

бы укрѣпить убѣжденіе въ томъ, что законъ и порядокъ немислимы безъ цѣли. (Ср. въ моемъ сочиненіи „Дарвинизмъ и философія“ (русскаго изданія) стр. 25 и 31, гдѣ приведено строгое доказательство).

Этимъ, хотя и не доказывается, но, по крайней мѣрѣ, выясняется та мысль, въ какой мы для заключенія нуждаемся: міръ развивается въ цѣлесообразномъ порядкѣ отъ несовершеннаго къ совершенному.

Третій (экономическій) принципъ. Третій принципъ содержитъ общепризнанное положеніе, что каждое дальнѣйшее развитіе совершается чрезъ еще ранѣе развитшееся, или, выражаясь иначе, никакое развитіе не можетъ быть бесполезнымъ: оно должно служить условіемъ къ дальнѣйшему развитію; всякое развитіе происходитъ въ законосообразной послѣдовательности по ступенямъ. Если желаютъ получить пшеницу, или рожь, то не станутъ мѣшать послѣднихъ элементовъ ихъ: углекислоты, водорода, кислорода и т. д.; какъ извѣстно, изъ этого никогда не получится колоса; а берутъ ближайшую предыдущую ступень — зерно, которое также есть уже нѣкоторое развитіе: изъ него то и получаютъ колосья. Художниковъ и ученыхъ не образуютъ изъ тѣхъ, кто обнаруживаетъ неохоту и неспособность къ музыкѣ, живописи и наукѣ; да и чиновники по возможности назначаются не изъ малоспособныхъ къ управленію. Въ природѣ ничего не развивается безъ предшествующаго развитія или подготовленія; въ исторіи мы также уже привыкли къ тому, чтобы ожидать позднѣйшихъ плодовъ развитія изъ развитія ихъ естественныхъ основаній; и въ политикѣ мы уже не такіе фантазёры, чтобы переносить любую форму пра-

вленія на любой народъ: но въ формѣ правленія видимъ самопорождающійся образъ и степень развитія ума и характера народа. Такъ, и всякое воспитаніе основано на этомъ принципѣ: воспитатель не достигнетъ своей цѣли, если онъ не подготовилъ каждаго успѣха, или если онъ не обращаетъ вниманія на подготовку, которая дана временемъ и обстоятельствами. Столь же неопровержимымъ оказывается этотъ принципъ и въ обученіи, о чемъ и упоминать не стоить: ибо школы вездѣ наименовываються и располагаются на основаніи такой послѣдовательности. А по-сему этотъ принципъ равнымъ образомъ я считаю признаннымъ.

Четвертый принципъ. Четвертый принципъ, безъ котораго намъ никакъ не обойтись, не можетъ разсчитывать на такое же всеобщее, согласное признаніе, хотя и онъ подтверждается многими явленіями. Именно: мы должны признать, что отнюдь не происходитъ потери пріобрѣтеннаго жизненнаго содержанія. Подъ «пріобрѣтеннымъ» я понимаю, что мы получили его въ теченіе нашей жизни — въ противоположность тому, что уже прирождено намъ. Подъ «жизненнымъ содержаніемъ» я понимаю все, что существуетъ въ нашей душѣ, какъ воспріятіе, чувство, желаніе, представленіе, понятіе, къ чему нужно причислить все не только ставшее сознательнымъ, но также и никогда еще не достигавшее сознанія. Все это пріобрѣтенное жизненное содержаніе, гласитъ четвертый принципъ, не можетъ быть опять утеряно.

Обсужденіе четвертаго принципа.

а) Возраженіе,
опирающееся на
фактъ забвенія.

Но этому положенію, очевидно, противорѣчитъ фактъ забвенія. Без-

численное множество того, что мы раньше знали, или помнили наизусть, или чѣмъ обладали, какъ умѣніемъ, повидимому, утрачивается. Къ чему безчисленные повторенія, которыми мучатъ учениковъ, какъ не для того, чтобы охранить ихъ отъ этихъ утратъ! Какъ часто сожалѣемъ мы, что, несмотря на усиленные старанія, не можемъ вспомнить предметовъ, обстоятельствъ, словъ и понятій, которыя раньше были для насъ обыденными! Далѣе извѣстно, что память вслѣдствіе болѣзней мозга испытываетъ замѣчательныя расстройства, что извѣстныя области нашихъ воспоминаній отъ этого могутъ совершенно исчезнуть, такъ что больной не узнаетъ болѣе своего собственнаго семейства, но относится къ нему, какъ къ чужому. Итакъ, опытъ какъ будто отвергаетъ этотъ принципъ.

Опроверженіе: Но болѣе точное изслѣдованіе этихъ фактовъ приводитъ насъ опять къ признанію нашего принципа. Ибо забвеніе вовсе не есть доказательство потери, или несуществованія, но — доказательство того только, что нѣтъ посредничества между недостающимъ представленіемъ и нынѣшнимъ сознаниемъ. Какъ часто бываетъ, что сами мы не можемъ вспомнить того или другого событія и считаемъ тѣ представленія забытыми, или и совершенно утраченными; но если кто другой напомнитъ намъ одно изъ дѣйствовавшихъ при этомъ лицъ, или даже какое-либо случайное обстоятельство, то казавшееся забытымъ внезапно опять приходитъ въ сознаніе, и мы въ состояніи совершенно точно рассказать событіе. Итакъ, не доставало только посредничества между требовавшимся представленіемъ и настоящимъ сознаниемъ, того, что мнемотехники называютъ «мостомъ».

Бываетъ, что мы забываемъ извѣстные представленія на многіе года, даже на десятки лѣтъ, однако, не утрачивая ихъ; и вотъ товарищъ дѣтства, возвратившійся изъ Америки, или иное обстоятельство пробуждаетъ ихъ въ насъ съ такою силой и живостью, что мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, какъ, напр., благодаря наступившей растроганности и радости, крѣпко и мощно способны дѣйствовать въ насъ представленія, о существованіи которыхъ мы болѣе и знать не знали. Итакъ, забвеніе не есть доказательство утраты.

2.—посредствомъ
понятія удержа-
нія.

Столь же мало доказательна и необходимость многихъ повтореній: явно, что только тогда повтореніе и можетъ принести какую-либо пользу, когда считающееся забытымъ какъ-нибудь уже укрѣпилось въ душѣ. Нѣкто десять разъ учитъ неправильный глаголь и рассчитываетъ по всей вѣроятности разъ восемь его опять утратить, или позабыть. Но если бы это забываніе происходило столь же основательно, какъ исчезаетъ вода изъ быстро наполняемаго сосуда съ ситообразнымъ дномъ, то, какъ здѣсь даже и въ миллионный разъ произведенное наполненіе не послужило бы ни къ чему, такъ и повтореніе не могло бы быть „матерью наукъ“. Наоборотъ, должно оставаться нѣчто, или все, но только въ такой слабой степени, что оно не доходитъ до сознанія; повтореніе повышаетъ степень напряженности, пока представленіе не сдѣлается достаточно сильнымъ, чтобы быть въ нашемъ распоряженіи, какъ прочное и вѣрное воспоминаніе.

3.—посредствомъ
понятія патологиче-
скаго явленія.

Наконецъ, и патологическій опытъ не противъ нашего принципа; ибо тѣ же самые скорбные листы разсказываютъ, что къ выздоравливающимъ воспоми-

нанія возвращаются. Если бы представленія, напр., о лицахъ, принадлежащихъ къ семейству, совершенно исчезали, то и выздоравливающіе, конечно, никогда не могли бы признавать „своихъ“ опять за своихъ, но должны были бы заново знакомиться съ ними и не могли бы болѣе имѣть съ ними никакого общенія старыхъ воспоминаній. Но если эти воспоминанія возвращаются, то они не были утрачены, а только имъ не доставало моста, посредничества; правда, эти патологическія состоянія доказываютъ, что больное, или здоровое состояніе мозга образуетъ существенное условіе для нашей способности къ воспоминанію. Не потому, конечно, чтобы воспоминанія сидѣли въ мозгу, какъ это уже опровергнуто на стр. 48, а потому, что наша душа, единственная носительница всѣхъ представленій, функционируетъ только подъ вліяніемъ мозга, какъ и скрипачъ можетъ играть тогда лишь, когда скрипка въ надлежащемъ состояніи, хотя его искусство не сидитъ въ деревѣ скрипки, или въ струнахъ изъ кишки. А если къ указаннымъ больнымъ, въ случаѣ ихъ неисцѣлимости, воспоминаніе и никогда не возвращается, то это также не доказываетъ дѣйствительной потери его, а только, что не возвратилось такое состояніе нервовъ, которое взяло бы на себя посредничество между представленіями, а, слѣдовательно, воротило бы и воспоминаніе.

6. Возраженіе отъ аналогіи съ брэнностью вещей.

Нѣкоторые считаютъ невозможнымъ, чтобы представленія такъ долго оставались въ насъ, или и совсѣмъ никогда не исчезали. Что представленія обновляются, т. е. новыя заступаютъ мѣсто старыхъ, это кажется имъ естественнымъ, но чтобы они могли пребывать такъ прочно и неизмѣнно, этого имъ не вбить въ голову. Вѣдь

они ежедневно испытываютъ, что молоко не можетъ сохраняться даже нѣсколько дней, что лучшее мясо подвергнется гніенію. Почему же представленіямъ души быть совершеннымъ исключеніемъ? Поэтому еще Платонъ говорилъ о разложеніи представленій, какъ о вполне естественномъ и необходимомъ явленіи.

Опроверженіе:
1. исчезновеніе
представленій
невозможно до-
казать а priori.

На это можетъ быть отвѣчено и фактами и внутренними основаніями. Сперва послѣднее. Преходящія вещества не суть субстанціи въ строгомъ смыслѣ, а только кучи субстанцій, которыя опять разсѣваются: соединеніе, въ какомъ онѣ случайно находились, разрывается. Ибо для кислорода нѣтъ необходимости непременно въ формѣ молока находиться вмѣстѣ съ азотомъ, углеродомъ и фосфорнокислой известью: онѣ можетъ находиться также или самъ по себѣ, или въ безчисленномъ множествѣ другихъ соединеній. Поэтому, если прекратится сила, которая привела его въ это соединеніе, то другія силы введутъ его въ другія соединенія. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ представленіями души: послѣднія вѣдь не суть соединительная форма многихъ субстанцій, но функціи въ единой субстанціи, а именно, въ душѣ. Поэтому нельзя усмотрѣть, какъ бы функціи представленія могли быть разложены, или отняты, когда сама душа имѣетъ свою сущность въ этихъ дѣятельностяхъ. А priori нельзя привести никакого основанія, которое необходимымъ, или вѣроятнымъ образомъ, объясняло бы забвеніе, какъ потерю; ибо единственное априорное основаніе всякой брѣнности заключается всегда лишь въ доказательствѣ, что данная вещь есть просто акциденція нѣсколькихъ субстанцій и потому съ произошедшею, или воз-

можною разлукою этихъ субстанцій должна опять исчезнуть, какъ, напр., исчезаютъ такимъ образомъ организмы, т. е. растенія и животныя, причѣмъ соединенныя въ нихъ субстанціи снова раздѣляются. Но признать брѣнность самой субстанціи неразумно; точно также нѣтъ никакого основанія аргіогі для доказательства брѣнности внутренней дѣятельности одной и той же субстанціи, въ этомъ случаѣ, брѣнности представленій души.

2 Опытъ показываетъ противное.

Итакъ, остается только опытъ, но онъ то указываетъ прямо противное, ибо позабываніе оказалось только отступленіемъ въ бессознательную область души (см. стр. 90), т. е. въ состояніе утѣсненія, или затрудненности, изъ котораго представленія, какъ только подойдетъ мость или посредничество, во всякое время могутъ опять подняться до сознанія. Забвеніе — явленіе поминутно происходящее: и въ разговорѣ, и въ одинокомъ мышленіи мы постоянно переходимъ все къ другимъ и другимъ представленіямъ, между тѣмъ какъ представленія, только что передъ тѣмъ бывшія у насъ, дѣлаются бессознательными. Но такъ же, только съ различною степенью легкости, какъ вспомнить свои мысли за нѣсколько минутъ, можемъ мы и вызвать въ памяти то, что мы или видѣли, или почувствовали за нѣсколько лѣтъ, или десятилѣтій. Время имѣетъ при этомъ просто то значеніе, что въ теченіе его вступило между тѣмъ очень большое количество другихъ представленій, которыя тѣснятъ прежнія и разстраиваютъ соединенія ихъ. Итакъ, опытъ никогда не даетъ намъ факта полной утраты представленій, а наоборотъ, указываетъ фактъ пребыванія въ насъ представленій.

Но если бы даже и утверждать, что бѣльшая

часть представленій навсегда погружается въ область безсознательнаго и вслѣдствіе этого для насъ какбы не существуетъ, (что, какъ мы видѣли, невѣрно), то всегда еще налицо остается лучшая часть представленій, чувствъ и стремленій, которыя, какъ всякій знаетъ, сопровождаютъ насъ всю жизнь и дѣлаютъ личностью; ибо только благодаря непрерывной связи нашихъ душевныхъ актовъ достигаемъ мы и единства нравственной жизни, т. е. характера, и религіозной настроенности, художественнаго умѣнія и научнаго образованія. И хотя бы мы всетаки нуждались въ богатствѣ по видимому остающихся безъ употребленія элементовъ нашей жизни, во всякомъ случаѣ, мы спасаемъ изъ этого разрушенія достаточно много: оно то остается непропащимъ, какъ пріобрѣтенное жизненное содержаніе. Забытыя представленія подобны предметамъ, которыми мы, хотя и обладаемъ, да не знаемъ, куда заложили. Заставленная книга не заколдована и не исчезла, только она не на своемъ мѣстѣ, гдѣ мы ее ищемъ; но когда-нибудь мы ее опять найдемъ. Правда, обладать такимъ затеряннымъ предметомъ все равно, будто у насъ его и вовсе не было; зато предметы постоянно намъ нужны, которые по этому мы держимъ въ бѣльшемъ порядкѣ, всегда къ нашимъ услугамъ, и образуютъ наше лучшее имущество; было бы съ насъ совершенно достаточно обладать только ими одними, а дѣйствительно затерянное можно бы и совсѣмъ утратить. Но, какъ сказано, мы не можемъ согласиться съ положеніемъ объ утратѣ представленій и потому должны утверждать, что ни изъ апріорныхъ основаній, ни изъ опыта нельзя доказать, якобы мы теряемъ изъ своего жизненнаго содержанія хоть самую незначительную часть.

с. Возраженіе, основанное на догадкѣ о способѣ сохраненія представленій свѣжими.

Еще можно бы возразить, что сохраняются только тѣ представленія, которыя постоянно освѣжаются, а старыя мало по малу совершенно тускнѣютъ, стираются и замѣщаются новыми. Это представляютъ себѣ вродѣ того, какъ домъ отъ времени до времени опять красятъ новой краскою, отчего онъ постоянно можетъ казаться все еще новымъ. Наши представленія, по мнѣнію Локка, подобны картинамъ, написаннымъ исчезающими красками; а по новѣйшимъ опытамъ можно бы съ этой точки зрѣнія уподобить ихъ фотографіи, которая постепенно тускнѣетъ и исчезаетъ. Совершенно ясно, что эти сравненія просто — метафоры, а вовсе не аналогіи. Вѣдь краски и фотографическія изображенія суть скопленіе субстанцій на какой-нибудь пластинкѣ: онѣ могутъ опять разсѣяться; но отъ этого онѣ не исчезаютъ, а продолжаютъ существовать, только гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Представленія же не состоятъ изъ субстанцій, но суть функціи единой субстанціи, души (ср. стр. 54 и 82), и потому не могутъ быть перенесены куда-либо, какъ это бываетъ съ самобытными субстанціями. ?

Кромѣ того, можно показать косвеннымъ образомъ, какъ это предположеніе тщетно. Если принять, что представленія могутъ подновляться, хотя бы посредствомъ повторенія, то это было бы, пожалуй, мыслимо еще относительно такихъ предметовъ, которые сколь угодно часто можно доставлять нашимъ чувствамъ; относительно же другихъ повтореніе должно было бы имѣть слѣдствіемъ только скорѣйшее изнашиваніе, а не укрѣпленіе представленій, если мы никоимъ образомъ не въ состояніи усилить ихъ новыми созерцаціями, какъ, напр., при представленіяхъ о бывшихъ

раньше явленіяхъ, ибо участвовавшихъ лицъ можетъ уже не быть на свѣтъ, а сами явленія не могутъ повторяться.

Но если бы предположить, что, благодаря повторенію, прежнее представленіе само стирается, а на его мѣсто вступаетъ новое, свѣжее, то это было бы уже совершенною нелѣпостью, такъ какъ тогда новое должно было бы быть производимо старымъ по своему образцу и такъ схоже, чтобы нельзя было различить ихъ. Тогда довольно было бы одного стараго представленія, имѣющаго достаточно силы образовывать новыя совершенно себѣ подобныя, хотя бы и при невозможности повторить созерцаніе предметовъ, вслѣдствіе котораго оно само произошло. Но если въ немъ еще столько силы, то нѣтъ надобности устранять его: оно могло бы и продолжать существовать. Если же въ немъ нѣтъ такой силы, то новыя представленія, вмѣсто того, чтобы быть свѣжими и новыми, носили бы тусклое и изношенное подобіе старыхъ; а посему и въ этомъ случаѣ старое представленіе было бы одинаково хорошо, какъ и новое, если еще не лучше его.

Опытъ указываетъ прямо обратное этимъ плохимъ аналогіямъ; мы можемъ часто слышать отъ весьма старыхъ людей, что самыя раннія воспоминанія юности опять выступаютъ у нихъ въ душѣ съ великою живостью и ясностью. Кромѣ того, есть еще, правда, болѣе рѣдкія явленія, подтверждающія нашъ принципъ. Обыкновенно у насъ о лицахъ, съ которыми мы въ постоянномъ общеніи, весьма неясныя представленія, въ чемъ легко можно убѣдиться, попытавшись точно описать, или нарисовать такое лицо. Дѣйствительное созерцаніе лица мы всег-

да найдемъ болѣе отчетливымъ и яснымъ, нежели образъ нашего воспоминанія. Иногда же во снѣ, или наяву, примѣрно въ сумерки, благодаря какому то еще невыясненному внутреннему процессу, предъ нашею душою возстаётъ образъ какого-нибудь человѣка съ такою ясностью и живостью, какъ будто бы мы видѣли его воочію. Я самъ нѣсколько разъ наблюдалъ это явленіе надъ собой, впрочемъ такъ, что, просыпаясь ото сна, могъ удерживать видѣніе еще на нѣкоторое время. У слабыхъ субъектовъ, совершенно не привыкшихъ къ научной критикѣ, такіе живые образы воспоминаній считаются объективными явленіями дѣйствительныхъ предметовъ; поэтому нечего дивиться (а психологически и вполне понятно), что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ людямъ являлись умершіе родители, либо дѣти, либо даже и боги, причемъ удостоенные видѣнія готовы клясться въ томъ, что означенныхъ лицъ они дѣйствительно видѣли, а не просто себѣ ихъ представляли.

Стало быть, и эти факты служатъ опять таки доказательствомъ того, что представленія въ нашей душѣ не утрачиваются вообще и не теряютъ сколько-нибудь въ своей первоначальной силѣ и свойствѣ, но только утѣснены и задержаны, пока какое-нибудь счастливое соединеніе не приведетъ ихъ опять къ сознанію. Они подобны чиновникамъ въ отпуску, дѣятельность коихъ не примѣтна болѣе: они, однако, во всякое время могутъ опять вступить на дѣйствительную службу. Представленія также подобны разлученнымъ съ инструментами музыкантамъ, которые остаются до тѣхъ поръ нѣмыми и, повидимому, немзыкальными, пока ихъ опять не вернутъ на свое мѣсто. А посему и этотъ четвертый прин-

ципъ я считаю достаточно выясненнымъ и обоснованнымъ.

2. Три факта меньшей посылки.

1. Фактъ чело- Мы уже взвѣсили то обстоятель-
вѣческаго несо- ство, что мѣръ по всѣмъ видимо-
вершенства. стямъ развивается далѣе къ формѣ
болѣе совершенной; мы видѣли, что природа для
всякаго своего дальнѣйшаго шага постоянно поль-
зуется еще ранѣе развившимся; мы должны были
признать, что приобрѣтенное жизненное содер-
жаніе души или ея индивидуальное развитіе не
можетъ утратиться. Разсмотримъ же наше на-
стоящее существованіе. Одни только крайне огра-
ниченные, и потому тщеславные люди могутъ
вообразить себѣ, что нашъ вѣкъ стоитъ на вершинѣ
человѣческой культуры, и что мы не могли бы
подняться еще выше теперешняго. Но, чѣмъ
болѣе дѣйствительно знакомишься со всѣми ду-
ховными благами, какими обладаетъ наше время,
тѣмъ скромнѣе становишься, понимая безконечныя
бѣдствія, со всѣхъ сторонъ обложившія и почти
удушающія насъ. Человѣческой родъ совсѣмъ
заглохъ подъ логическими, моральными, соци-
альными и эстетическими бѣдствіями. Незна-
ніе и заблужденіе стали правиломъ, знаніе же
нынѣ подобно слабому свѣту факела въ ночи. Не
говоря уже о громадномъ количествѣ людей, которые
только перенимаютъ и перебалтываютъ то, что
открыли немногіе самостоятельные умы, даже и
воззрѣнія величайшихъ изслѣдователей нашего
времени столь высоки и удивительны лишь по
отношенію къ предыдущему незнанію, а не сами
по себѣ, если ихъ сравнить съ еще оставшеюся
для изслѣдованія частью міра, о которомъ дознаны
только самыя пустяки. Напр., анатомъ и фізіо-

логъ точно знаютъ форму, нормальную величину и положеніе сердца, его клапаны и строеніе, входящія и входящія сосуды; но если бы кто вздумалъ спросить, по какимъ механическимъ и химическимъ причинамъ именно на этомъ мѣстѣ долженъ находиться такой то мускулъ, и почему клапаны и устья сосудовъ должны были тамъ образоваться по физическимъ законамъ такъ, а не иначе, то онъ обратился бы къ нѣмымъ. Хорошо извѣстна цѣль этихъ образованій, но всеобщіе законы для этихъ особенныхъ формъ еще не найдены. Все, что дознано вполнѣ, мы можемъ сдѣлать; техника идетъ всегда наряду съ наукой. Незначительнымъ количествомъ органическихъ соединеній, какія мы можемъ произвести до сихъ поръ, можно измѣрить низкую степень знанія, на какой находимся.

Но взглянемъ-ка на нравственную, общественную, политическую сторону жизни. Враждебное разъединеніе людей, каждое мгновеніе раздражающееся кровавою ссорой, повсемѣстные жалобы на социальныя вопросы, наконецъ, внутреннее раздвоеніе, въ которомъ живутъ люди, достаточно свидѣлствуютъ; нечего напоминать факты изъ области юстиціи: съ увѣренностью можно утверждать, что наше время стоитъ не на свѣтлой вершинѣ, но еще глубоко внизу, въ «долинѣ скорби», по элегическому выраженію поэта. Точно также обстоитъ дѣло и съ эстетическимъ образованіемъ; стоить только посмотрѣть самимъ, или спросить у художниковъ, чтобы повсюду подмѣтить недостатокъ вкуса и силы художественнаго творчества.

2. Фактъ тоски по совершенству Но, хотя бѣдствія и безспорны, насъ утѣшаетъ мысль, что только стремленіе къ совершенному и познаніе послѣд-

няго можуть привести къ ощущенію и пониманію зла, такъ что въ томъ то именно и блещетъ безконечная возвышенность человѣческаго духа, что онъ, недовольный достигнутымъ состояніемъ, стремится подняться изъ него еще выше. Поэтому требованіе прогресса во всѣхъ областяхъ жизни есть признакъ здоровья и надежды. Христіанская церковь почтеннѣйшимъ образомъ стоитъ въ главѣ этихъ прогрессивныхъ стремленій, ибо тамъ, гдѣ какъ нельзя легче съ самодовольствомъ наступаетъ и остановка въ развитіи, а именно, въ нравственной жизни личности, она высоко держитъ знамя идеала и взмахиваетъ бичемъ надъ лѣнливыми сердцами.

Два основанія, почему человѣчество при своемъ прогрессѣ все стоитъ на мѣстѣ и никогда не можетъ достигнуть удовлетворенія.

Но какъ ни достовѣрно исторія человѣчества указываетъ намъ въ цѣломъ успѣхъ цивилизаціи, все-таки остаются еще два пункта, которые не могутъ доставить намъ удовлетворенія. Во первыхъ, ясно, что дальнѣйшее развитіе всегда предполагаетъ уже подготовленную силу. Правда, познаніе при-мыкаетъ къ познанію, одно открытіе къ другому, соціальное усовершенствованіе — къ ранѣ существовавшему, менѣ похвальному состоянію: но худо то, что въ это развитіе постоянно вступають заново элементы, которые въ этомъ развитіи сами не участвовали, а именно, все вновь нарождающіеся люди. Если бы нравственная культура передавалась прямо потомкамъ, такъ что вновь вступающія въ жизнь души приносили бы съ собою врожденными познаніе и нравственное образованіе предковъ, то можно было бы удовлетвориться всемірно-историческимъ прогрессомъ. Но кто же не видитъ, что души нынѣшнихъ дѣтей обладаютъ такою же природою, что и

души за тысячи лѣтъ. Всѣ постоянно должны начинать сначала и добиваться для себя того же самаго нравственнаго развитія, какое приходилось продѣлывать ихъ предкамъ. Поэтому то и оказывается среди всеобщаго движенія всеобщій покой; это также основаніе того, почему вплоть до самаго отдаленнаго прошлаго мы чуемъ родное во всѣхъ людяхъ и можемъ понимать ихъ. Мораль и религія евреевъ за три тысячи лѣтъ нынѣ не только понятны намъ, но еще и такъ полезны, что мы заставляемъ заучивать ихъ въ училищахъ; поэзія гомеровыхъ грековъ увлекаетъ наше сердце, какъ увлекала она и тогдашнихъ людей: это — потому, что мы чувствуемъ въ себѣ тѣ же самыя страсти, намъ приходится выдерживать такую же внутреннюю борьбу; и даже въ древнѣйшихъ пѣсняхъ Ригвѣды, и въ гіероглифныхъ рассказахъ египтянъ обрѣтаемъ мы свое собственное сердце. Поэтому едва ли можно отрицать, что, несмотря на историческое развитіе, человѣчество въ цѣломъ все остается на той же самой ступени; если, благодаря языку и обусловленному имъ преданію и исторіи, мы чувствуемъ себя высоко превознесенными надъ животными, то всетаки въ указанномъ отношеніи мы поставлены ничуть не иначе, чѣмъ птицы, или млекопитающія и другіе роды животныхъ, такъ какъ мы не выходимъ за предѣлы своего вида и съ каждымъ вновь народившимся должны начинать сначала, какъ бы за то время ни развились методы и познанія предковъ. Человѣчество постоянно сидитъ въ одномъ и томъ же классѣ училища и здѣсь на землѣ до сихъ поръ ни разу не переводилось въ высшій классъ.

Поэтому мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ и то, что представляютъ себѣ корифеи такъ на-

зываемой «новой вѣры», а именно: наши первые предки были де напросто хищныя людѣды, полныя отвратительной и дикой грубости. Мы отнюдь не имѣемъ разумнаго основанія согласиться съ этимъ, ибо намъ не за чѣмъ считать первыхъ людей еще худшими, чѣмъ хищныя животныя. А эти, какъ извѣстно, никогда не ѣдятъ себѣ подобныхъ, развѣ только съ величайшей голодухи. Въ подобномъ же случаѣ не только наши предки, но и нынѣ живущіе цивилизованные люди слѣдуютъ закону самосохраненія; по рассказамъ, то же что ни годъ повторяется среди путниковъ по пустыннымъ степямъ: обезумѣвъ отъ голода, они пожираютъ умершихъ, или убитыхъ ими. Но, гдѣ пищи въ изобиліи, тамъ ни одно животное не ѣстъ своихъ сородичей; всего же менѣе сдѣлаетъ это человѣкъ: вѣдь плоды и корни всегда должны приходиться ему по вкусу. Если даже и тигръ, и левъ нѣжны со своими дѣтьми и супругой и самую жизнь жертвуютъ за нихъ, то я не знаю, почему бы о первомъ человѣкѣ намъ составить худшее мнѣніе. Вмѣстѣ съ любовью къ дѣтямъ являлось состраданіе и забота при ихъ защитѣ; далѣе, конечно, уже покажется чистая радость при ихъ разговорѣ (даже на самомъ несовершенномъ языкѣ, какъ у нашихъ грудныхъ младенцевъ), при видѣ ихъ красоты и ихъ игрѣ. Итакъ, существенныя человѣческія чувства возможны еще въ самомъ грубомъ состояніи людей; въ этомъ отношеніи, я думаю, мы не можемъ столь притязательно величаться предъ своими звѣроподобными предками, такъ какъ наибольшая часть всякаго варварства появилась именно только вслѣдствіе избытка народонаселенія, соціальной нужды и порчи. Ни въ одномъ родѣ дикихъ, хищныхъ животныхъ

нѣтъ столько варварства относительно своихъ со-родичей, какъ еще и донинѣ у цивилизованныхъ людей. И какъ бы высоко мы ни стояли въ образованіи и въ искусствѣ надъ своими предками, всетаки тѣ стороны нравственной жизни, которыя не вполне зависятъ отъ высшаго воззрѣнія, ничѣмъ не могли существенно разниться отъ нынѣшнихъ порядковъ. Человѣкъ, несмотря на все свое развитіе, не можетъ перейти за сущность своего рода

Второй пунктъ чуть ли еще не важнѣе: человѣчество не есть нѣчто цѣлое, не есть единая субстанція, вродѣ того, какъ можно кусокъ глины сперва вымыть и вычистить, затѣмъ сформовать и, наконецъ, обмуравить и обжечь, причѣмъ во всѣхъ измѣненіяхъ глина остается одною и той же, только облагороженной массою. Человѣчество состоитъ изъ однѣхъ индивидуальныхъ душъ: каждая изъ послѣднихъ образуетъ особенную, въ себѣ заключенную субстанцію съ собственнымъ центромъ, отчего всякая изъ нихъ обладаетъ своимъ счастьемъ, или несчастьемъ, какъ и собственнымъ наслажденіемъ, или страданіемъ. И если бы даже человѣчество все развивалось до безконечности (хотя это мнѣніе, какъ указано, совсѣмъ невѣрно), то всѣ души, умершія раньше, были бы исключены изъ этого благополучія, и, оставшіе несовершенновыми, послужили бы простою подставкой другимъ, случайно вступившимъ въ жизнь послѣдними. Съ правомъ стали бы онѣ оплакивать свой жестокий жребій, что родились слишкомъ рано. Да и у послѣднихъ имѣлось бы основаніе горевать — потому, что, хотя онѣ и находятся въ прекраснѣйшемъ жизненномъ трудѣ и въ полномъ наслажденіи бытіемъ, но ихъ также срѣжетъ серпъ смерти. Стало быть, такой порядокъ, гдѣ человѣ-

чество состоитъ изъ совершенно самостоятельныхъ атомовъ, которые, сообразно своей природѣ, должны разсматривать себя самихъ, какъ центры, дѣлаетъ невозможнымъ наступленіе когда-нибудь продолжительной удовлетворенности даже и при совершеннѣйшей цивилизаціи.

3. Фактъ общаго естественнаго стремленія къ самосохраненію и продленію жизни.

Этою индивидуальной природою души обуславливается то, что каждая душа необходимо должна имѣть желаніе безконечнаго продленія жизни.

Поэтому, какъ мы находимъ, такое желаніе повсюду распространено: только тѣ тоскуютъ по вѣчномъ снѣ, или освобождающей смерти, кто жестоко утѣсненъ бѣдствіями и не добился здоровой дѣятельности и жизненной радости. — Слѣдовательно, желаніе жить, или умереть зависитъ отъ обстоятельствъ, и если таковыя не изъ рукъ вонъ плохи, то побуждаетъ стремленіе къ жизни. Съ давнихъ поръ было признано, что у всѣхъ тварей стремленіямъ соотвѣтствуетъ и удовлетвореніе ихъ, какъ голоду кушанье, жаждѣ — питье, любви — предметъ ея, изслѣдованію — истина; а значить, и желанію жить — жизнь. И хотя иной гибнетъ отъ голода, нѣкоторые изслѣдователи не находятъ истины, — этотъ неуспѣхъ лежитъ только въ случайныхъ обстоятельствахъ, а не въ природѣ вещей, т. е. просто не было, напр., кушанья, или истины. Поэтому означенныя, необходимо возникающія въ насъ желанія поэтически обозначаются также и, какъ обѣщаніе, которое дано намъ, и не можетъ остаться не исполненнымъ, если только мы не хотимъ признать за міроустройствомъ неразумія, или легкомыслія.

3. З а к л ю ч е н і е .

Силлогистическое обобщеніе.

Установивъ сперва принципы, и разсмотрѣвъ затѣмъ въ меньшей по-

сылкѣ данное положеніе человѣческой души въ ея исторіи, выведемъ теперь заключеніе. Я еще ранѣе указалъ, что наше заключеніе не имѣетъ аподиктического характера, а имѣетъ за собою лишь вѣроятность; но зато изо всѣхъ другихъ взглядовъ — нашъ обладаетъ на и большею вѣроятностью. Аподиктически доказано было только то, что душа бессмертна, и притомъ бессмертна индивидуально (см. стр. 129); то же, что она также бессмертна и, какъ личность, т. е. что по смерти за нею сохранится личное сознаніе ея пріобрѣтеннаго жизненнаго содержанія, должно считать наиболѣе вѣроятнымъ, если сообразить, что міръ вообще поступательно идетъ къ совершенству, а всякіе успѣхи возможны только посредствомъ присокупленія новаго развитія къ предыдущему и достигаются индивидуальными субстанціями. Такъ какъ душа, повидимому, никогда не теряетъ своего пріобрѣтеннаго жизненнаго содержанія и въ самой себѣ обладаетъ стремленіемъ и силою на дальнѣйшее развитіе, а этому стремленію въ исторіи человѣчества вовсе не дано еще удовлетворенія, то не остается ничего иного, какъ признать, что наше до сихъ поръ пріобрѣтенное образованіе и работа не пропадетъ безъ пользы, но что намъ предстоитъ теперь пока еще скрытое для насъ дальнѣйшее существованіе, въ которомъ мы съ нынѣшней ступени продолжимъ свое личное развитіе; намъ долженъ открыться новый міръ съ бѣльшимъ поприщемъ, съ видами на совершенство.

Таинственность и
чрезмѣрность
этого убѣжденія.

Перспектива велика, божественна и таинственна; одни лишь пошляки не хотятъ знать тайны въ природѣ, между тѣмъ какъ болѣе самостоятельные изслѣдователи при всей законосообразности,

правильности и обыкновенности въ мірѣ сознаютъ, что самое существованіе міра и послѣднее основаніе всѣхъ законовъ и силъ всегда остается самой очевидной тайною; оно даетъ себя знать всякому, но не дается, чтобы его постигли изъ исходящихъ отъ него законовъ и силъ. Мистерія — повсюду начало и конецъ. Но если кто-либо, исходя изъ пошлости и заурядности большинства душъ, заключить, что имъ не можетъ предстоять такой великой будущности, а захочетъ блестящею перспективой пожаловать однѣ только аристократическія души, выдающіяся въ искусствѣ, наукѣ, практической мудрости, или замѣчательныя по челоуѣколюбію и возвышенности души, то онъ забываетъ то, о чемъ въ поэтической формѣ напоминаетъ еще Платонъ: наша душа, подобно богу Протею, является униженною и въ водоросляхъ, замаранною иломъ до неузнаваемости; а всетаки она обладаетъ скрытую силой безсмертнаго существа. Этимъ мы далеко выступаемъ за предѣлы нынѣшней, земной жизни; но вѣдь земля, какъ говорится, есть только «капля въ морѣ»: было бы довольно неразумно хотѣть ограничить свои мысли такимъ узкимъ поприщемъ. Трезвымъ, практическимъ натурамъ наши соображенія покажутся чрезмѣрными: но въ этомъ мы не можемъ видѣть себѣ упрека, ибо самъ міръ безмѣрно великъ и превосходитъ всякую малую границу единичнаго; наша мысль одарена силою стремиться превыше всяческаго предѣла къ цѣлому и къ сути.

Противорѣчіе со
стороны скромности.

Это заключеніе можетъ стать еще убѣдительнѣе, если завятыся и противоположнымъ мнѣніемъ. Зачѣмъ де приписывать незначительному существу, челоуѣку, такое достоинство и такую безконечную продолжительность, когда видно, какъ ничтожно

существованіе безчисленнаго множества людей, изъ которыхъ всякій представляетъ только маленькую дробь общества, въ какомъ живетъ. Развѣ недостаточно того, что каждый съ тѣмъ образованіемъ и характеромъ, какіе онъ себѣ приобрѣлъ, живетъ, что говорится, «для идеи», приноситъ немножко пользы другимъ, какъ и другіе пособляли ему, такъ что изъ всѣхъ этихъ крошечныхъ приношеній возводится прекрасное зданіе культуры, которое принадлежитъ только цѣлому человечеству. Женщина пусть заботится о своемъ образованіи, дабы воспитывать будущихъ дѣтей. Она могла бы удовольствоваться, если ей эта лепта любви удастся. А воспитанные дѣлаютъ опять для другихъ: они защищаютъ отечество, занимаютъ должности, заботятся объ управленіи, правосудіи, земледѣліи, процвѣтаніи промышленности и т. п. Когда такимъ образомъ всякій своими дарами и по степени своей любви принесъ свою жертву цѣлому, развѣ онъ не можетъ тогда въ мирѣ отойти на вѣчный покой?

Врядъ ли можно отрицать, что здѣсь выражены благородныя, самоотверженныя убѣжденія; это воззрѣніе, разумѣется, будетъ служить нѣжнымъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто не можетъ отдѣлаться отъ сомнѣнія въ загробной жизни. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ скрывать, что въ основаніи этого воззрѣнія лежитъ жестоко ошибочный софизмъ. Во первыхъ, здѣсь, повидимому, все сдѣлано для прекраснѣйшей цѣли: для благополучія и блаженства цѣлаго. Но что же такое само то цѣлое? А вотъ, на примѣръ, семейство, государство, отечество! Но кто же не знаетъ, что этого цѣлаго по себѣ и въ себѣ не существуетъ. Что такое семейство, какъ не названіе для всѣхъ членовъ

семьи вмѣстѣ? Гдѣ отечество, или государство, какъ не въ гражданахъ, которые своими нравами и культурою образуютъ политическую, или національную общину? Поэтому, если желательно работать не на пустое слово, то все блага должны достаться исключительно живымъ индивидамъ, единичнымъ, личнымъ душамъ, кои одни образуютъ жизнь и всякое общество. Это первое основаніе ошибки.

Затѣмъ: весьма возвышенно, повидимому, признать любовь цѣлью жизни. Въ любвеобильной дѣятельности на пользу другихъ лежитъ великое удовлетвореніе; познаніе кажется только средствомъ, чтобы сдѣлать любовь проникательнѣе къ потребностямъ другихъ и находчивѣе въ помощи имъ. Равнымъ образомъ, и здѣсь легко отыскать заблужденіе: ибо, если я съ любовью посвящаю себя счастью другого, то цѣль моей дѣятельности содержится въ другомъ, и самая моя дѣятельность можетъ считаться лишь средствомъ. Но то же самое отношеніе должно быть обязательнымъ и для другого: и онъ также долженъ будетъ употреблять свою дѣятельность, какъ средство для другого. Но ради чего же дѣлать и поступать такъ? Все прозрачныя цѣли окажутся только средствами, а сама цѣль пропадаетъ: вѣдь никакъ не должно найтись человѣка, который смѣлъ бы заявить, что онъ есть цѣль себѣ, а другіе только должны выражать свою любовь въ его пользу: ибо, если любвеобильная дѣятельность на благо другихъ есть цѣль жизни, тогда тотъ, кто пожелалъ бы видѣть цѣль въ себѣ, ошибся бы въ цѣли. Итакъ, всякая дѣятельность вращается въ кругъ безъ конца, постоянно ищетъ цѣли, но нигдѣ ея не находитъ. Разорвемъ же этотъ «порочный кругъ» и скажемъ,

что, если мы дѣйствуемъ для другого, то этотъ другой долженъ самъ въ себѣ найти нѣчто хорошее, ради чего мы стараемся: онъ долженъ быть самоцѣлью. Если же и онъ работаетъ намъ, то и мы также должны быть самоцѣлью, т. е. должны имѣть въ себѣ центръ жизни, который, достойный самъ по себѣ, могъ бы быть основаніемъ къ стараніямъ о насъ другихъ. Итакъ, мы приходимъ къ тому, чтобы признать въ каждой индивидуальной душѣ безконечную цѣль, которая не можетъ заключаться въ одной служащей любви, но также и въ томъ, кому послѣдняя служить. Всяческая любовь служить счастью, или блаженству другого, но счастливы и блаженны мы во всякой такой дѣятельности, которая сама по себѣ бываетъ связана съ радостью; сюда же относится прежде всего наравнѣ съ практически дѣятельною любовью и познаніе истины, и творчество прекраснаго. Въ наукѣ, искусствѣ и любви нужно искать высочайшей цѣли человѣческихъ усилій, а все это можетъ имѣть свое существованіе только въ индивидуальной душѣ, въ личности, которая познаетъ, творитъ и дѣйствуетъ.

Вернувшись къ началу вопроса, мы увидимъ, что идеальное намѣреніе сдѣлать хоть немного для идеи, или для счастья цѣлаго, а затѣмъ въ мирѣ на вѣки опочить, на самомъ дѣлѣ основывается на непониманіи достоинства собственнаго, а также и достоинства другихъ. Вѣдь думать слишкомъ низко о самомъ себѣ — тоже порокъ. Цѣлое имѣетъ достоинство только въ достоинствѣ единицъ, и забота о другихъ имѣетъ только тогда смыслъ, когда въ другихъ, а также и въ насъ самихъ признается безконечная цѣль, которая лежитъ не внѣ насъ, но есть самоцѣль. Поэтому развитіе цѣлаго не имѣетъ никакого смысла, если не пребываютъ индивидуаль-

ные носители развитія. Значить, наше разсмотрѣніе ведетъ къ признанію безконечнаго значенія личности, которая не всходитъ, подобно колосу, лишь для того, чтобы доставить другимъ пару зеренъ, а затѣмъ исчезнуть въ видѣ соломы, но есть бытіе въ себѣ безъ начала и конца, — бытіе, въ которомъ только и происходитъ жизнь; ибо всякая жизнь осуществляется лишь въ носителяхъ бытія, въ индивидуальныхъ субстанціяхъ, какова душа. Если не уцѣлѣютъ души, то не уцѣлѣютъ и атомы естествоиспытателей: тогда все должно превратиться въ ничто; а это также невозможно, какъ и то, чтобы изъ ничего стало бытіе. Въ индивидуальной душѣ лежитъ таинство сущаго; кто слѣдуетъ вышеозначенному скромному воззрѣнію, тотъ долженъ знать, что онъ, угнетаемый житейскою нуждой, продаётъ свое первородство за чечевичную похлебку. Пусть не презираютъ души въ ея низкой оболочкѣ; ибо больше и прекраснѣе ея нѣтъ ничего въ цѣломъ свѣтѣ!

Особенность этой точки зрѣнія.

Положеніе Платона. Разсмотримъ подконецъ и доказательства безсмертія, выставленныя другими. Въ древней философіи въ качествѣ защитника ученія о безсмертіи особенно отличился Платонъ; но достаточно уже вышеприведенной критики идеализма, чтобы доказать, что онъ никогда не могъ учить безсмертія, даже если бы онъ и хотѣлъ этого, такъ какъ у него совершенно нѣтъ понятія индивидуальной субстанціи. Безпристрастный же анализъ его твореній укажетъ, что онъ никогда и не думалъ учить индивидуальнаго безсмертія, ибо у него рѣчь идетъ постоянно лишь объ общемъ идеальномъ принципѣ міра; присут-

ствіемъ такового мы должны объяснять всяческое бытіе и всякое качество; вѣчность этого принципа Платонъ показалъ со всею энергіей и дѣйствительно побѣдоносно. По его ученію, какъ только въ философіи мы соединяемся съ этою вѣчною сущію, мы умираемъ для преходящаго и ведемъ вѣчную жизнь, къ которой всякій всѣми силами долженъ стремиться, какъ къ величайшей цѣли бытія. Шлейермахеръ, какъ идеалистъ, раздѣлялъ это воззрѣніе. Платонъ со своею извѣстной поэтико-миѳологической манерою обыкновенно представляетъ отношенія понятій въ видѣ исторіи лицъ, такъ же, какъ и охотно олицетворяетъ всеобщіе позывы, напр., любовь въ видѣ Эроса и Афродиты, а нравственные законы замаскировываетъ Парками. Но такъ какъ поэта легко поймали на словѣ, то и про философа пошла молва, будто онъ училъ личному безсмертію, хотя со своей точки зрѣнія на это онъ могъ бы только пожать плечами.

Нравственное
доказательство
Канта.

Между новѣйшими серьезно училъ личное безсмертіе Кантъ. Съ нравственной точки зрѣнія онъ требовалъ, чтобы человѣкъ вполнѣ согласно съ заповѣдями долга освятилъ свои убѣжденія. А такъ какъ со стороны существа, которое не есть чистый разумъ, но всегда сохраняетъ въ себѣ и чувственные позывы, это никогда не можетъ быть вполнѣ достигнуто, то онъ считалъ нужнымъ постулировать для души безконечное время, слѣдовательно, безсмертіе, въ коемъ она могла бы надѣяться выработать себя согласно нравственному закону. Въ этомъ ученіи, съ одной стороны, очевидно, находится то истинное познаніе, что душа въ самой себѣ находитъ цѣль, къ которой стремится, но которой не можетъ вполнѣ достигнуть

на своемъ земномъ поприщѣ; правда, Кантъ понимаетъ эту цѣль односторонне — только съ нравственной стороны, тогда какъ съ такимъ же правомъ долженъ былъ бы онъ расширить ее и на научный идеаль, и на искусство, какъ на господство надъ дѣйствительностію и преобразование ея. Но съ другой стороны, кантово доказательство страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, который дѣлаетъ несостоятельной и всю его философію, а именно, непониманіемъ природы: ибо, представляя природу нераздѣльною отъ насъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ ее враждебною закону духа, такъ что законъ никогда не можетъ быть исполненъ, пока человѣкъ имѣетъ природу, а безконечное время приноситъ только безконечно длежащееся человѣческое несовершенство. Стало быть, на самомъ то дѣлѣ нѣтъ никакого основанія продолжать земное существованіе, такъ какъ никогда нельзя отдѣлаться отъ прежней *misère*. Поэтому я не принадлежу къ поклонникамъ означеннаго нравственнаго доказательства. Для меня оно имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ, если бы врачъ, пользующій неизлѣчимаго больного, сказалъ, что величайшая задача врачебнаго искусства состоитъ въ восстановленіи здоровья; но такъ какъ этого больного въ теченіе всей его земной жизни нельзя вылѣчить, то необходимо де постоянно продолжать лѣчить его въ безконечно долгой будущей жизни: правда, онъ по неизлѣчимости болѣзни никогда не поправится, но всетаки это одно соотвѣтствовало бы требованію врачебнаго искусства, такъ какъ оно никогда не смѣетъ перестать трудиться надъ своею задачей.

Религіозное
доказательство. Съ теологической стороны за послѣднее время одинъ даровитый человѣкъ представилъ еще, какъ онъ называетъ,

«религіозное» доказательство. Богъ де обращаетъ свою любовь къ созданной имъ душѣ; если бы душѣ пришлось умереть, то и въ Богѣ должно бы какъ бы отмереть нѣчто; Его любовь бѣднѣла бы, если у нея возможно отнимать одинъ изъ предметовъ любви. Это отнюдь не можетъ соотвѣтствовать Его постоянству и неизмѣнности; поэтому онъ де долженъ даровать любимой душѣ безконечную продолжительность. Но здѣсь, во первыхъ, упускается изъ виду то, что Любовь и Промыслъ Божіе ясно обнаруживаются также и на животныхъ, для которыхъ теологическое воззрѣніе не изъявляетъ одинакихъ притязаній на вѣчную продолжительность. А во вторыхъ, неизмѣнность Божію невозможно здѣсь считать основаніемъ доказательства, ибо самимъ этимъ доказательствомъ уничтожается неизмѣнность уже въ томъ отношеніи, что начало любви Его къ отдѣльной душѣ полагается вмѣстѣ съ ея сотвореніемъ. Благодаря этому, въ вѣчное существо Бога вводится время: Бога создаютъ по образу челоуѣка ничуть не лучше, чѣмъ, если бы его вырѣзали изъ дерева, или мрамора. Но не въ вѣрности и неизмѣнности любви Божіей заключается то, почему Онъ допускаетъ умирать животныхъ, людямъ же даруетъ безсмертіе; эта любовь осталась бы неприкосновенною, даже если бы онъ предоставилъ людямъ только краткое время, какъ мы не дѣлаемъ Его любви упрека въ томъ, что онъ не создалъ насъ гораздо раньше, и не считаемъ также за недостатокъ любви, что Онъ такъ неравномѣрно подѣлилъ дары счастья, духа и сердца. Поэтому «религіозное» доказательство нуждается сперва въ основательномъ очищеніи отъ примѣсей воображенія.

Экономическое
доказательство.

Предлагаемый мною взгляд принадлежит къ разряду общеизвѣстныхъ телеологическихъ, т. е. къ такимъ, кои опираются на признаніи въ основѣ всѣхъ предметовъ цѣли и движенія; но оно отличается отъ прежнихъ прибавленіемъ принципа развитія, управленія, экономіи, или какъ бы ни назвать его. Если предположить смертность души, то тотчасъ бы остановилось и развитіе міра, такъ какъ оно можетъ продолжаться только въ такомъ случаѣ, когда сохраняется ближайшая предыдущая ступень развитія. Точно такъ же никогда не могло бы образоваться ни мускула, ни нерва, если бы пропали кровяныя клѣтки; ибо изъ простыхъ элементовъ кислорода, азота, водорода, углерода прямо не образуется никакихъ органическихъ тканей. Можно съ утѣшеніемъ утверждать безсмертіе души, потому что вмѣстѣ со смертію души уничтожается одновременно и всякая возможность высшаго развитія міра, подобно тому, какъ никоимъ образомъ нельзя попасть изъ Германіи въ Римъ, не перешедши Альпы.

Признавать же, что отбираются только немногія особенно достойныя, развитыя души, а обыкновенныя и менѣе дѣльныя погибаютъ, значитъ обнаружить образъ мыслей съ узкимъ кругозоромъ, гдѣ для ограниченныхъ цѣлей надобно ограничиваться и средствами; въ хозяйствѣ же на широкую ногу найдутъ себѣ примѣненіе всѣ работники и всѣ вещества, каждое на своемъ мѣстѣ — а тѣмъ болѣе въ величайшемъ домостроительствѣ, въ экономіи міра, гдѣ нѣтъ ничего непригоднаго и ничего не пропадаетъ.

Весьма вѣроятно, что соглашаясь съ моими выводами, нѣкоторые будутъ однако считать доказаннымъ только индивидуальное, а не личное безсмертіе: приобрѣтенное жизненное содержаніе

индивидуальной души, легко возможно, остается; но не доказано де, чтобы она имѣла и личное сознание о томъ. Такимъ образомъ былъ бы спасенъ экономическій принципъ, по которому высшія ступени требуютъ постояннаго подготовленія, и въ то же время была бы устранена мистика личнаго продленія.

Я охотно присоединился бы къ этому воззрѣнію, ибо тоже люблю по возможности устранять всѣ мистическія представленія, но въ этомъ случаѣ опытъ ясно и отчетливо говоритъ противъ такого признанія. Вплоть до ступени человѣческой жизни развитіе субстанцій дѣйствительно повсюду осуществляется безсознательнымъ образомъ: вѣдь даже и животныя очевидно живутъ, какъ во снѣ; но съ появленіемъ чловѣка сознание начинаетъ быть условіемъ всяческаго развитія. Хотя и самъ чловѣкъ еще очень многое воспринимаетъ и желаетъ многого безсознательнымъ образомъ, но это относится только къ фундаменту его образованія: а все высшее развитіе, благодаря которому онъ и есть чловѣкъ въ собственномъ смыслѣ, совершается при личномъ самосознаніи; это одно и дѣлаетъ его личностью. Если поэтому личное содержаніе жизни вмѣстѣ со своимъ сознаніемъ опять угаснетъ въ смерти, то на основаніи экономическаго принципа ближайшая ступень, до которой могла бы доразвиться душа, была бы опять душа чловѣческая: сравнительно съ безсознательною жизнью выше стоитъ именно лично-сознательная. Итакъ, вмѣсто поступательнаго движенія вышло бы движеніе по кругу, вслѣдствіе чего мы должны были бы возвращаться обратно къ покинутой уже исходной точкѣ, чтобы послѣ того опять достигнуть только личнаго сознанія. Но въ силу этого наше

прежнее человѣческое бытіе стало бы совершенно бесполезно и могло бы, какъ нуль, быть выброшено изъ цѣпи развитія. Значитъ, мы должны либо совершенно отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ развитіи, либо въ качествѣ необходимаго слѣдствія усмотрѣть, что особенный характеръ и выгода нашей человѣческой ступени, именно, личное сознание сохраняется. Это доказательство по своей формѣ обладаетъ трезвостью и неумолимой строгостью, какъ математическій выводъ; по своему же содержанію оно затрогиваетъ глубокую сердечную тайну, ибо здѣсь дѣло идетъ о предметахъ, коихъ не зрѣло ни одно око, и ни одно ухо не слышало. Но что мы вообще должны признать дальнѣйшее развитіе, къ этому побуждаетъ насъ частью влеченіе вѣры (впрочемъ здѣсь мы стоимъ только на почвѣ философіи); частію съ такою же самой строгою логикой принуждаетъ насъ къ тому ясно понятное научное основаніе. Здѣсь именно та точка, гдѣ мое міровоззрѣніе рѣшительно расходится съ идеализмомъ нашего столѣтія отъ Фихте до Гегеля. Объ этомъ я буду ниже говорить подробнѣе, разбирая вопросъ: что будемъ мы дѣлать?

Изложивъ здѣсь экономическое доказательство, показавъ его родство съ другими точками зрѣнія, отмѣтивъ и его отличительную особенность, мы въ послѣдующемъ изложеніи разсмотримъ еще нѣкоторые дополнительные вопросы, при отвѣтѣ на которые связь этихъ мыслей разовьется нѣсколько полнѣе.

3. Отвѣты на дополнительные вопросы.

1. Оптимизмъ и пессимизмъ.

Люди въ своемъ пониманіи міра издавна впадали въ большое разнорѣчіе. Нѣкоторые

благодушныя натуры находятъ нашъ міръ превосходнымъ; онѣ пользуются отличнымъ здоровьемъ, обладаютъ множествомъ друзей, живутъ со всѣми въ мирѣ и наслаждаются либо чувственными удовольствіями, либо дружбою, либо благами гражданской дѣятельности и занятіями искусствами, или наукой. Они хвалятъ успѣхи образованія и всяческихъ порядковъ, а потому полны славословія. Другіе же съ самаго начала опечалены еще въ своемъ узенькомъ отечествѣ, т. е. въ предѣлахъ своей собственной шкуры. Они постоянно страдаютъ и рѣдко веселы. Міръ кажется имъ столь же нецѣлесообразнымъ, сколько для первыхъ прекраснымъ. Человѣческая раса, по ихъ мнѣнію, пошла, глупа и въ конецъ испорчена корыстью. Всѣ такъ называемыя улучшенія и пресловутый прогрессъ они находятъ смѣшными потому де, что сердечная злоба дѣлаетъ невозможнымъ всякій истинный прогрессъ, а пустой иллюзіи за глаза довольно для черни, которая и не можетъ возобладать пониманіемъ истины и добра. Итакъ, міръ отвратителенъ, и вина этого лежитъ или въ самой природѣ вещей, или по старому гностическому ученію, виновать діавольскій устроитель міра; или же первые люди впали въ грѣхъ, а послѣдующія поколѣнія, обремененныя наслѣдіемъ прежнихъ прегрѣшеній, не могутъ свободнымъ рѣшеніемъ освободиться отъ цѣпей страданія.

Съ этимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ оптимисма и пессимисма мы встрѣтимся повсюду. Нужно ли намъ выбирать между этими двумя точками зрѣнія? Столь безразсудно требовать отъ другого признанія альтернативы: »либо — либо» можно, лишь стоя уже на одной изъ сторонъ. Мы же зрителями встанемъ поодаль, а тѣ пусть ведутъ споръ.

И вотъ оптимистъ бросаетъ упрекъ пессимисту, что онъ хулить Божественное міроуправленіе: онъ де не имѣетъ вѣры въ благого Творца и Владыку всѣхъ вещей, не обращаетъ вниманія на богато отмежеванную всякому долю счастья въ жизни, что дѣлаетъ счастливымъ и нищаго, и короля; и въ несчастіи, благодаря мужеству, величію души, надеждѣ возможно де удовлетвореніе, даже внутреннее счастье; въ общемъ господствующее настроеніе, владѣющее человѣкомъ, если и не совсѣмъ счастливое, то по крайней мѣрѣ, и не несчастливое. Несчастіе рѣдко, какъ гроза, и есть благотворный очистительный процессъ, или слѣдствіе зла, и посему не необходимо и не всеобще. Сохраненіе жизни связано съ удовольствіемъ, а размноженіе человѣческаго рода имѣетъ сообщникомъ любезнѣйшаго бога — любовь. Даже въ смѣшанныхъ чувствахъ состраданія, скорби, тоски преобладаетъ де удовольствіе, а смерть по своей отдаленности не страшна; притомъ самое умираніе кратковременно.

Пессимистъ наоборотъ забирается на высокой пьедесталь нравственности и выражаетъ презрѣніе къ оптимистическому тупоумію, которое всѣмъ довольно, потому что не знаетъ возвышенныхъ, истинныхъ обязанностей и благъ. Такъ называемая добродѣтель людей — жалкое своекорыстіе и блистательнѣйшій порокъ; она растаяла бы, какъ снѣгъ, отъ лица солнца долга. Сохраненіе жизни есть постоянное мученіе, потому что человѣкъ, гонимый отъ одной потребности къ другой, никогда не достигаетъ удовлетворенія ихъ. Любовь — безуміе, жалкая иллюзія, которая въ короткій срокъ непремѣнно приноситъ за собой раскаяніе и разочарованіе; бракъ — темница; дѣти для насъ — мука и нужда, а мы —

виновники ихъ бѣдствія, ибо мы ввели ихъ въ этотъ несчастный міръ. Всякое желаніе жить вообще, какъ стремленіе, является доказательствомъ того, что добра еще только ищутъ, а его нѣтъ пока, значитъ — необходимо несчастно по своему понятію и сути. Оптимистъ понимаетъ свое несчастье только индивидуально, какъ падающее на него одного; но вѣдь онъ долженъ же обобщать: какъ съ нимъ, такъ и съ другими; стало быть, міровая скорбь и есть де настоящее настроеніе, нашъ необходимый спутникъ за всю жизнь, развѣ что прерываемый недолгими иллюзіями счастья; а это затѣмъ насъ дѣлаетъ еще несчастнѣе. Въ цѣломъ мірѣ не встрѣтитъ настоящаго прекраснаго, или добра, ни даже истины, чуточку которой мы угадали среди постоянныхъ заблужденій, какъ разъ на столько, чтобы ощущать страданіе, отчего міръ не лучше, и чтобы отравить себѣ удовольствіе дальнѣйшаго ознакомленія съ міромъ.

Кто же побѣдилъ? Кого увѣнчать? Мнѣ сдается, для безпристрастнаго зрителя выяснилось, что обѣ стороны и теперь, и всегда были правы; вѣдь споръ идетъ не со вчерашняго дня, а съ тѣхъ поръ, какъ живутъ люди. Но если обѣ стороны правы, и всетаки утверждаютъ противоположное, то обѣ также и неправы; это одинаково ясно. Впрочемъ, не будетъ ли полнымъ отреченіемъ отъ сужденія, признать обоихъ сразу и правыми, и неправыми? Такъ и было бы, если бы не умѣть указать разрѣшеніе противорѣчій.

Всякая похвала и порицаніе сообразуются всегда съ мѣриломъ, которое прилагается къ предмету. Если мѣрка одна, то и сужденіе возможно одно только; если же сравнить двѣ различныя мѣрки, то и два прямо притомъ противоположныя

сужденія могутъ быть совершенно вѣрными; напр., желѣзная дорога идетъ и быстро, и медленно, въ одномъ случаѣ въ сравненіи съ почтовыми лошадьми, а въ другомъ — съ телеграфомъ; такъ и климатъ умѣренного пояса и холоденъ, и жарокъ, сравнительно съ полярными и тропическими странами; такъ деревенскій учитель — ученый для мужиковъ, и мужикъ для ученыхъ; такъ бываетъ со всѣми вещами, занимающими среднее мѣсто. Поэтому, если и пессимистъ, и оптимистъ оба заслуживаютъ нашего одобренія, то это значить, что предметъ ихъ обсужденія, т. е. міръ занимаетъ среднее мѣсто, и что сужденія произносятся по двумъ различнымъ мѣркамъ. Потому то именно, что они не признаютъ этого, находятся они въ непримиримой распрѣ. Мы же остаемся равнодушными, ибо мы понимаемъ основаніе спора и необходимость неразрѣшимой продолжительности.

Если этотъ міръ, эта человѣческая драма на нашей планетѣ есть единственное и высшее произведеніе Божественнаго Художника и Творца вселенной, то правъ пессимистъ, ибо наши понятія и наши нравственные требованія куда выше: мы неизбѣжно становимся добычею міровой скорби. Но если здѣшнее человѣческое явленіе — только переходъ, только предварительная ступень высшаго развитія, то мы съ благодарностью можемъ дивиться, какъ много прекраснаго и радостнаго осуществилось уже въ этихъ незначительныхъ преддверіяхъ міра, и какъ самое зло, въ силу нашей борьбы съ нимъ, посредствомъ развитія добродѣтелей, и благодаря могущественной помощи вѣры и надежды, дѣлается либо необходимымъ, почти желаннымъ, либо хоть сноснымъ: такъ что мы можемъ ощу-

щать міровое счастье, радоваться міру. Ибо справедливый упрекъ пессимисма, что въ чело- вѣчествѣ вовсе не бываетъ истиннаго прогресса, устраняется при этомъ взглядѣ такъ же просто, какъ если бы приручителя птицъ стали упре- кать въ томъ, что, несмотря на долготѣнія ста- ранія, онъ не можетъ усвоить имъ челоувѣческой языкъ. Вѣдь для опредѣленной ступени можетъ быть всегда только опредѣленная граница раз- витія: глупо было бы требовать отъ низшихъ ступеней плодовъ высшихъ.

Итакъ, произнесемъ же сужденіе. Пес- симистъ правъ противъ оптимиста въ томъ, что онъ, побуждаемый стимуломъ идеала, не находитъ здѣсь совершенства. Но онъ и неправъ въ томъ отношеніи, что у него нѣтъ ни основанія, ни права искать совершенства здѣсь. Оптимистъ неправъ противъ пессимиста въ томъ, что онъ недостаточно глубоко и серь- езно проникнуть достоинствомъ людей и удовле- творяется незначительными благами, которымъ далеко еще до совершенства. — Онъ правъ по- тому, что на этой ступени вообще невозможенъ наивысшій подвигъ. А всетаки и здѣсь сила и благодать будущаго исполненія уже просвѣчи- ваютъ и даютъ достаточное утѣшеніе. Итакъ, для насъ непрекращающійся споръ этихъ двухъ міровозрѣній есть новое до- казательство безсмертія души и бу- дущей законченности, ибо безъ этой перспе- тивы намъ пришлось бы допустить неразрѣши- мое противорѣчіе въ жизни, самому себѣ противорѣчащее міровое законодательство; а при этомъ возрѣніи мы тотчасъ находимъ разрѣшеніе и можемъ справедливо и невозмутимо разсудить спорящихъ по высшему закону. Истина же

всегда тамъ, гдѣ находится разрѣшеніе трудностей, и гдѣ возможно познать и объяснить данныя изъ опыта явленія въ согласіи, законосообразности и порядкѣ.

2. Объ адѣ и вѣчныхъ мукахъ.

Но здѣсь намъ могутъ предъявить замѣчаніе, что мы столь безопасно говорили до сихъ поръ о будущей жизни, какъ будто послѣдняя не могла бы, пожалуй, быть и весьма неприятною: такъ различныя религіи согласно изображаютъ будущую жизнь съ одной стороны, какъ полную обѣтованій, съ другой же въ высшей степени опасной и ужасною, гдѣ жесточайшія, да притомъ и вѣчныя муки ожидаютъ злодѣевъ. Эти представленія, хотя и рассчитанныя больше на грубыя натуры, имѣютъ, конечно, немалое практическое значеніе; а такъ какъ ни одинъ человѣкъ, кто не находится въ суетномъ самообольщеніи, не станетъ считать себя вполнѣ правымъ, то кромѣ прелести любви, которою привлекаютъ доброе и прекрасное по себѣ, и страхъ также будетъ дѣйствовать на человѣка, чтобы онъ приходилъ къ размышленію и къ избранію освободительнаго жизненнаго пути. Такъ изъ опасенія можетъ онъ послѣдовать мудрымъ совѣтамъ Магомета, и, какъ тотъ выражается, «предпослать» себѣ побольше добрыхъ дѣлъ, которыя обезпечили бы ему, когда онъ самъ придетъ, радушный пріемъ. Но для философа такая заинтересованная религіозность и нравственность достойны вниманія только съ психологической точки зрѣнія. Ибо кто принимаетъ свои рѣшенія изъ соображеній о наградѣ и наказаніи, или о выгодѣ и вредѣ,

тотъ поступаетъ, какъ наемникъ, или какъ рас-
считливый дѣлецъ. Эти мотивы, повидимому,
пожалуй, и необходимы для укрощенія страстей,
и потому ими нельзя пренебрегать для воспи-
танія народа. Философія также признаетъ
ихъ психологическую и педагогическую годность,
но указываетъ, однако, что мы въ состояніи
искать и находить высшее не только ради
низшаго, т. е. нравственное не изъ-за награды.
Мы ищемъ здѣсь или за гробомъ такой жизни,
которая по своей собственной цѣнности была бы
лучше и достойнѣе, чѣмъ ей противоположная.
Но такъ какъ мы здѣсь выводимъ наши со-
ображенія только изъ философскихъ источниковъ
познанія, т. е. изъ опыта и разума, то относи-
тельно возможныхъ мукъ въ будущей жизни ра-
зумно будетъ признать, что пріятное или непріят-
ное состояніе души послѣ смерти въ точности бу-
детъ соотвѣтствовать ея собственному жизненному
содержанію совершенно такимъ же образомъ, какъ
оно выражается и здѣсь посредствомъ нашего
настроенія. Ибо путаница въ задачахъ жизни,
сильныя страсти, стоящія въ противорѣчій съ
благосостояніемъ другихъ людей и съ нашими
собственными естественными жизненными цѣлями,
дѣла, совершаемыя только тайно и со страхомъ,
естественно, не могутъ внести въ наше на-
строеніе какого-либо покоя, мира, никакого
внутренняго блаженства, но будутъ повергать
насъ въ постоянное безпокойство, сомнѣніе, страхъ
и бѣдственное напряженіе. Подобное настроеніе
въ качествѣ кары будетъ сопровождать жизнь
человѣка съ такою же необходимостью, какъ
тѣнь слѣдуетъ за предметомъ; безо всякаго со-
мнѣнія, будущая жизнь не можетъ составлять
исключенія изъ этого правила.

Вѣчное же бѣдствіе можно признать только на двухъ основаніяхъ. Во первыхъ, если бы предположить, что заблужденія и болѣзни души увеличиваются или остаются неизмѣнными, что на основаніи предыдущаго принципа постоянного прогресса въ мірѣ (см. стр. 134) невѣроятно, хотя прямо не невозможно. А такъ какъ нравственныя бѣды людей не заключаются въ одной только ихъ свободной волѣ, но обусловлены всею совокупностью социальнаго положенія (см. стр. 135), то ясно, что успѣхъ цѣлаго долженъ имѣть слѣдствіемъ и постоянно возрастающее нравственное освобожденіе людей. И потому, будемъ питать довѣріе къ Промыслительному развитію міра!

Второе основаніе, на которое указываетъ также и Лессингъ, заключается въ воспоминаніи. Положимъ, что жизненное содержаніе не теряется, и допустимъ, что воспоминаніе касается его; тогда можно предположить, что, чѣмъ чище и сильнѣе образуется знаніе объ истинныхъ жизненныхъ благахъ, тѣмъ больнѣе долженъ былъ бы вѣчно поражать насъ видъ нашихъ прежнихъ недостатковъ и предосудительныхъ поступковъ: въ этомъ и заключалось бы вѣчное наказаніе. Но опытъ, повидимому, не подтверждаетъ такой догадки. Ибо, окидывая взглядомъ достаточно долгій жизненный путь, мы всегда необходимо видимъ множество недостатковъ и грѣховъ. И если бы это обозрѣніе сопровождалось постоянною печалью, то жизнь всѣхъ и особливо благороднѣйшихъ людей окутывалась бы безотраднѣйшимъ покровомъ; а это опровергается опытомъ, ибо именно лучшія натуры то и одушевлены внутреннимъ довольствомъ и высшей радостью. Это легко объясняется: всякое познаніе необходимости

какой-либо вещи уже даетъ такое освобожденіе духа, потому что мы отбрасываемъ тяжесть и заботу въ силу неизмѣнности факта, какъ будто намъ отъ этого легче; а особенно, когда мы при томъ же познаемъ одновременно, что въ концѣ концовъ путь развитія долженъ былъ быть именно таковъ, а, значитъ, былъ хорошъ. Это можно было бы обосновать еще подробнѣе; но тогда оборвалась бы нить нашего изслѣдованія. Да и высшее познаніе, и размышленіе прямо служатъ доказательствомъ тому, что мы уже не находимся болѣе на прежней точкѣ зрѣнія; хотя при этомъ мы узнаемъ свое прошлое, но чувствуемъ себя совершенно иначе, т. е. свободными отъ того, что мы осуждаемъ. Поэтому, чѣмъ больше дѣйствительныхъ успѣховъ сдѣлало нравственное развитіе человѣка, тѣмъ въ болѣе свободномъ элементѣ послѣдній дышитъ, и тѣмъ менѣе его прошлое можетъ подавлять и мучить его. Вотъ также основаніе, почему всѣ религіи начинаютъ высшую жизнь, какую онѣ обѣщаютъ, очищеніемъ и отреченіемъ отъ прежней и повелѣваютъ оставить печаль низшаго состоянія на порогѣ совершенной и радостеобильной жизни. Какъ говоритъ Апостоль Павелъ: «я забываю то, что позади, и простираюсь къ тому, что впереди», такъ это же въ своемъ родѣ мистически выражаетъ Гёте: «пока въ тебѣ нѣтъ этого «умри» и «будь», ты — хмурый гость на мрачной землѣ.»*)

---

*) „Und so lang du das nicht hast —
Dieses Stirb und Werde,
Bist du nur ein trüber Gast
Auf der finstern Erde.“

Мы можемъ спокойно удержать выраженіе «вѣчныя муки» и, если позволительно другое объясненіе слова «вѣчно». Именно въ первоначальныхъ лѣтописяхъ христіанства находится интересное, трудно понятное выраженіе «вѣчная жизнь», относящееся къ совершенной жизни христіанина на его земномъ поприщѣ; по обыкновенному объясненію, здѣсь подразумѣвается начало безконечно длящейся жизни. Ясно, что вѣчность, которая должна осуществиться здѣсь въ конечное время, можетъ относиться только къ содержанію этой жизни. Содержаніе такой жизни есть не преходящая злоба дня, но божественная и вѣчная истина. Въ подобномъ же смыслѣ и философія именуешь необходимыя, всеобщія истины вѣчными, какъ напр., что всѣ линіи, проведенныя отъ центра къ окружности, равны. Въ этомъ смыслѣ можно, конечно, говорить о вѣчныхъ карахъ, причемъ связь между виной и наказаніемъ заключаетъ въ себѣ столь внутреннюю и всеобщую необходимость, что эта связь всегда и вѣчно есть и будетъ неразрывна. Вѣчность, какъ понятіе необходимости, ставится при этомъ на мѣсто временной зависимости: въ этомъ смыслѣ можно утверждать дѣйствительность ученія о вѣчныхъ наказаніяхъ.

3. Можетъ ли душа существовать безъ тѣла?

Еще и другой вопросъ обыкновенно считается камнемъ преткновенія для ученія о безсмертіи, а именно, возможно ли мыслить душу, существующую безъ тѣла? Но съ точки зрѣнія четвертаго міровоззрѣнія отвѣтъ очень простъ, такъ какъ трудность основывается только на ложномъ противоположеніи, въ какое ставятся въ матеріализмѣ и идеализмѣ матерія и идея.

Чтобы показать основаніе невѣрнаго пониманія, отвѣтимъ на вопросъ утвердительно, т. е., что душа можетъ существовать и безъ тѣла, но только прибавимъ при этомъ: «точно такъ же, какъ она существуетъ безъ тѣла и теперь». Ибо, какъ показало все наше изслѣдованіе, душа есть самобытная субстанція, которая имѣетъ свое бытіе въ себѣ. Она есть не составъ, какъ чело-вѣкъ, но одна изъ элементарныхъ самобытныхъ субстанцій. Точно такъ же, какъ каждый членъ какого-нибудь семейства, или народа существуетъ самостоятельно для себя и можетъ быть безъ другихъ, такъ и душа существуетъ для себя и можетъ быть безъ тѣла. Но какъ чело-вѣкъ безъ связи съ другими не могъ бы пользо-ваться образованіемъ и воздѣйствіями со стороны прочихъ, точно такъ же и душа осталась бы безъ тѣла бѣдною и безъ развитія; но самое ея существованіе не зависитъ отъ тѣла. Это представится еще яснѣе и отчетливѣе, если кто по-философски станетъ искать всеобщаго; ибо индивидуальная субстанція, какова душа, есть также и атомъ естествоиспытателя. Если предметы состоятъ изъ атомовъ, то каждый атомъ долженъ существовать самостоятельно для себя и въ себѣ. Онъ не создается, или не слагается изъ другихъ; но во всякомъ случаѣ онъ получаетъ свои качества и функціи посред-ствомъ отношеній къ другимъ и потому зави-ситъ отъ нихъ, но только не въ самомъ суще-ствованіи своемъ. Это несомнѣнно для атомовъ естествоиспытателя; то же самое относится и къ душѣ.

Послѣ этой предварительной поправки точки зрѣнія можно признать, что душа всегда бываетъ окружена тѣломъ. Душа вѣдь ни-

когда не можетъ быть внѣ міра, такъ какъ она принадлежитъ къ цѣлому, которое неуничтожаемо и вѣчно, именно къ самому міру. Всѣ отдѣльныя цѣлыя: и растенія, и животныя, и чело-вѣческія особи, бранны: они возникаютъ и разлагаются на свои элементы; цѣлое же всего сущаго, т. е. самъ міръ не можетъ исчезнуть. Итакъ, если душа остаётся въ соотношеніи съ другими субстанціями, то она всегда окружена «тѣломъ»: ибо тѣлесные предметы не суть сами субстанціи, но только ихъ явленія въ насъ. То, что мы представляемъ себѣ, или что мы созерцаемъ, какъ лошадь, или растеніе, не есть вѣдь сама лошадь, или растеніе, наглядно пребывающія внѣ души, но только наше представленіе или созерцаніе этихъ предметовъ. Поэтому тѣлесность есть особенность самого представленія, которая происходитъ оттого, что душа стоитъ въ соотношеніи съ другими субстанціями. Значитъ, другимъ субстанціямъ она сама является точно такой же тѣлесною, какъ и тѣ кажутся тѣлесными намъ; ибо тѣлесность есть только свидѣтельство тому, что душа есть нѣчто въ себѣ и для себя самой и не можетъ переливаться въ другое бытіе, точно такъ же, какъ иныя сущія субстанціи не могутъ перелиться въ насъ; но такъ какъ онѣ остаются существующими для себя внѣ насъ, то о нихъ мы имѣемъ только представленія или созерцанія; эти образы суть то, что мы считаемъ тѣлеснымъ или матеріальнымъ. Поэтому должно мыслить душу постоянно пребывающею въ мірѣ «тѣлесности», поскольку она вообще не выходитъ изъ цѣлаго міра.

Но если кто любопытнѣе и пожелаетъ узнать, не получится ли душа, быть можетъ, тѣла, подобнаго нынѣшнему, то мы, поскольку мы фило-

софы, должны оставить вопрошающихъ безъ отвѣта. Для насъ возможно только познать всеобщую истину, доступную опыту и разуму; что выходитъ изъ этихъ границъ, того мы благоразумно ожидаемъ съ терпѣніемъ и со спокойной увѣренностью, такъ какъ мѣръ, насколько мы его теперь уже можемъ познать, долженъ привести насъ къ убѣжденію, что Сила, дѣйствующая въ немъ, мудра свыше всякой мѣры и есть источникъ всяческаго блаженства. Общее же, что можно отвѣчать на такіе вопросы отъ разума, заключается въ доказательствѣ символической или эстетической связи между внутренностью и внѣшностью. Хотя здѣсь мы и должны отказаться отъ вопроса, можетъ ли разсматриваться душа сама, какъ организующій и строительный принципъ нашего облика, потому что основательный отвѣтъ на это требуетъ обширнаго обсужденія, но во всякомъ случаѣ можно сказать, что душа въ ея сообществѣ съ другими субстанціями достигаетъ своеобразія въ способѣ дѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ образъ, какимъ она воспринимаетъ впечатлѣнія и реагируетъ на нихъ вообще, и громадное различіе всего индивидуальнаго развитія въ особенности приводятъ ее къ такому способу выраженія, который будетъ обозначающимъ или символическимъ собственно для нея одной, почему для другихъ онъ естественно есть индивидуальное и примѣтное явленіе. Смѣшно вѣдь было бы признать, что наша индивидуальность заключается только въ такъ называемомъ тѣлѣ, которое насъ сопровождаетъ, какъ будто индивидуальность не можетъ проступать вѣрнѣе и гораздо совершеннѣе еще и въ другихъ примѣтахъ, какъ у поэта индивидуальность надежно узнаютъ по содержанію и стилю, у скульптора — по

его статуямъ, у государственнаго человѣка не по лицу, а по его дѣламъ. Какъ письмо, не содержащее въдѣ никакой матеріальной части пишущаго, можетъ привести насъ къ полнѣйшей индивидуальной ясности насчетъ всего его настроенія и движеній воли, точно такъ же достовѣрна для души индивидуальность ея проявленія, если она, какъ мы видѣли, заключаетъ свойственное ей жизненное содержаніе. Ибо все своеобразное не можетъ дѣйствовать иначе, какъ своеобразно, и потому символика явленія или индивидуальная примѣтность есть необходимое слѣдствіе предыдущаго индивидуальнаго развитія души.

Но для человѣка добросердечнаго дѣло идетъ конечно не столько объ его собственномъ безсмертіи, сколько (и несравненно болѣе) о прочномъ сохраненіи общенія и любви. Онъ хочетъ найти своихъ, ради которыхъ онъ готовъ былъ итти на смерть, и безъ которыхъ ему никакая жизнь, даже и самая высшая, не казалась въ жизнь. На это съ нашей точки зрѣнія надо сказать, что возобновеніе сходныхъ тѣлесныхъ формъ весьма невѣроятно, и что подобныя желанія крайне вздорны, ибо нельзя даже указать самый возрастъ жизни, который мы желали бы удержать въ безсмертіи: мы любимъ своихъ близкихъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ жизни; не можетъ быть никакой нужды въ томъ, чтобы наши близкіе удержали даже свои тѣлесные недостатки, какъ напр., недостающіе зубы, или чтобы ихъ родимыя пятнушки опять сидѣли на томъ же самомъ мѣстѣ и т. д. Истиннымъ смысломъ указаннаго сердечнаго требованія можетъ быть только индивидуальная узнаваемость вообще и возможность общенія посредствомъ воспоминаній. Желать задерживать становящееся и саморазвивающееся всегда

вздорно. Это подобно тому, какъ если бы мать, восхищенная своимъ двухлѣтнимъ ребенкомъ, печалилась о томъ, что ему нельзя остаться такимъ навсегда. Желаніе, если бы оно исполнилось, само отомстило бы ей за себя, ибо радость красотъ настоящаго никогда не должна устранять стремленія къ дальнѣйшему совершенствованію; а то на мѣсто прекрасной жизни выступить гримаса муміи. Индивидуальная же узнаваемость слѣдуетъ для насъ просто изъ того основнаго положенія, что отнюдь не можетъ произойти потери приобрѣтеннаго жизненнаго содержанія.

Кромѣ того, мы должны припомнить свои замѣчанія при критикѣ спинозизма (см. стр. 64). Именно, наше тѣло не имѣетъ ни матеріальнаго единства, ни прочной границы, но уподобляется машинѣ, которая также тогда только бываетъ тѣмъ, что она есть, пока она дѣйствуетъ, т. е. когда она покидаетъ свою изолированность и функционируетъ нераздѣльно съ другими тѣлами: напр., флейта безъ стремящагося чрезъ нее воздуха не есть флейта, пила не есть пила, если ее не водить взадъ и впередъ какое-нибудь другое тѣло, причемъ еще одно тѣло ею распиливается. Поэтому наше тѣло тогда лишь живо и подлинно бываетъ нашимъ тѣломъ, когда оно, не замыкаясь, впускаетъ въ себя вышній міръ посредствомъ органовъ чувствъ, легкихъ и пищеварительныхъ путей, а также постоянно растворяется всѣми своими частями въ прочемъ мірѣ, не обладая пребывающимъ единствомъ. Значитъ, строго говоря, мы не можемъ найти границъ своего тѣла нигдѣ, кромѣ какъ въ цѣломъ мірѣ чувственнаго воспріятія. Весь міръ есть наше тѣло: какъ со своею ногой мы сооб-

щаемся только при помощи многихъ посредниковъ: нервовъ, мускуловъ, сухожилий, сосудовъ и т. д., точно такъ же наше отношеніе и къ болѣе отдаленному тѣлесному міру отъ отношенія къ ближайшему для насъ, т. е. такъ называемому тѣлу, разнится только простѣйшимъ, или сложнѣйшимъ посредничествомъ. Поэтому нѣтъ никакой опасности, чтобы можно было оказаться безъ тѣла, такъ какъ мы то сами никогда не можемъ выйти изъ міра: душа, какъ индивидуальное развивавшаяся сила, постоянно будетъ индивидуально организовывать свое общеніе съ цѣлымъ нисколько не иначе, какъ чиновникъ, перемѣщенный со своего прежняго мѣста въ отдаленную провинцію, очень скоро ориентирѣется среди новыхъ отношеній и продолжаетъ свойственную ему дѣятельность. Но пусть это воззрѣніе не считаютъ чрезмѣрнымъ, коммунистическимъ потому, что чрезъ это всѣ имѣютъ де нѣкоторымъ образомъ то же самое тѣло, и всѣ участвуютъ во всемъ; такъ это и на самомъ дѣлѣ. Ибо всякому принадлежатъ не только тѣ имущества, которыя признаетъ за его собственность государство, но также и имущества всѣхъ прочихъ, — только такъ, что относительно этихъ, какъ болѣе отдаленныхъ, у него нѣтъ никакого непосредственнаго распоряженія, а есть сложнѣйшее: такъ всякому принадлежатъ и табакъ американца, и перецъ араба; только для того, чтобы наслаждаться ими, нужно устроить нѣкоторое посредничество, т. е. обмѣнъ или куплю. Такъ каждый пользуется имуществами и всѣхъ прочихъ болѣе отдаленнымъ, посредственнымъ образомъ; ибо только чрезъ наличность такового пользованія становятся возможными общественныя отношенія, въ которыхъ мы живемъ;

безъ нихъ не воздѣлывалась бы земля, не обрабатывали бы ремесленники, и государственныя учрежденія не могли бы дѣйствовать и т. д. Коротче сказать, то, чѣмъ каждый владѣеть непосредственнымъ образомъ, въ болѣе отдаленномъ отношеніи есть также выгода и пользованіе для всякаго другого, какъ это самымъ блестящимъ образомъ обнаруживается въ войнахъ: мирный договоръ и побѣжденному даетъ независимое положеніе, ибо трудъ и благосостояніе прежняго врага есть также имущество и приобрѣтеніе и для самого побѣдителя, не въ непосредственномъ владѣніи, но посредственно чрезъ сношенія. Значить, это воззрѣніе точно такъ же обезпечиваетъ область индивидуальной свободы, какъ съ другой стороны расширяетъ и мелочную ограниченность до космополитическаго образа мыслей въ фізической и въ этической области.

4. О скучности будущей жизни.

Во главѣ остроумныхъ насмѣшниковъ стоитъ поэтъ Гейнрихъ Гейне, который будущую жизнь представляетъ себѣ безконечно скучною. Если бы мы въ ясномъ познаніи разумомъ могли предвидѣть такое свойство будущей жизни, то, полагаю, вмѣсто надежды на иной міръ мы скорѣе питали бы глубочайшее желаніе навсегда заснуть безо всякаго сознанія; ибо безконечная скука для человѣка, пожалуй, страшнѣе, чѣмъ дѣйствительныя страданія, противъ которыхъ всетаки можно бороться въ волненіи и въ трудѣ, и хоть такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, имѣть удовлетвореніе въ жизненной дѣятельности. Поэтому въ самомъ дѣлѣ стоитъ труда нѣсколько точнѣе поразсмотрѣть подобное опасеніе.

Сущность скуки. Во первыхъ, должно признать, что назначеніе намъ будущности зависитъ не отъ нашей склонности, или ствращенія; какъ не вслѣдствіе собственнаго рѣшенія вступали мы въ эту жизнь, столь же мало можемъ мы своею волей закрывать, или открывать врата жизни. Поэтому намъ пришлось бы удовольствоваться комичнымъ протестомъ и по доброй волѣ, или противъ нея слѣдовать своей судьбѣ. Но, быть можетъ, этотъ ужасъ — лишь простое привидѣніе, которое пугаетъ насъ въ полумракѣ и исчезаетъ при свѣтѣ. Мы вѣдь скоро замѣчаемъ, что эти остроумцы вращаются въ полумракѣ смутныхъ представленій и никогда не освѣщали понятія скуки философскимъ анализомъ. Иначе они сейчасъ же узнали бы, что скука заключаетъ въ себѣ доказательство нашего предназначенія къ совершенству; ибо скука наступаетъ при всякой остановкѣ, когда господствуетъ однообразіе состояній, или мыслей. А такъ какъ наша природа вовсе не выноситъ остановокъ, но требуетъ непрерывнаго движенія впередъ, то — потому только насъ и мучитъ скука. Она есть бичъ, который язвитъ насъ, когда мы не можемъ дать удовлетворенія этому глубочайшему стремленію своей природы къ совершенству. И не только тогда, когда мы принуждены проводить время за чѣмъ-нибудь незначительнымъ и ничтожнымъ, но даже и тогда, когда мы занимаемся чѣмъ-либо по себѣ прекраснымъ и добрымъ; ибо и это тоже только дробь цѣлаго, а наша природа хочетъ стремиться превыше всѣхъ дробей къ совершенному цѣлому. Это видно на любомъ примѣрѣ. Какъ бы при слушаніи сонаты, или драмы намъ ни понравился какой-нибудь пассажъ, или сцена, — насъ всетаки сейчасъ же охватила бы под-

стрекающая скука, какъ только намъ привелось бы безконечное число разъ слушать, или смотреть то же самое въ повтореніи: мы желаемъ дослушать сонату до конца, насладиться драмой всецѣло, хотя бы послѣдующіе тоны, или сцены нравились намъ менѣе, чѣмъ предыдущіе. Такъ сильно вооружены мы самой природою своей души противъ остановокъ. Но въ скукѣ лежитъ не одно только требованіе измѣненія и смѣны, ибо даже постоянное измѣненіе состояній и дѣятельностей скоро вызываетъ только равнодушіе и скуку, если перемена не ведетъ къ состоянію, болѣе достойному и высшему. Отсюда ясно, что во всякомъ случаѣ монотонное повтореніе здѣшней жизни, или даже постоянное однообразіе ограниченныхъ, несовершенныхъ состояній въ иной жизни точно такъ же мучило бы насъ и было бы адомъ, какъ и здѣсь. Потому то ходъ нашихъ предыдущихъ доказательствъ и представляетъ совершенно противоположную картину поступательнаго развитія къ совершенному.

Совершенство. Но предположимъ, что мы достигли совершенства; вѣдь упомянутые остряки мыслятъ даже и совершенное бытіе необыкновенно скучнымъ, потому де, что нечему уже научиться, либо нечего новаго почувствовать. Этимъ представленіемъ они опять таки обнаруживаютъ, что они не выразумѣли сущности скуки, ибо послѣдняя бываетъ спутницею только несовершеннаго: оно то и чувствуетъ неудовольствіе при остановкѣ развитія. Но если перенести это чувство на совершенное, то этимъ дѣлаешь его несовершеннымъ и нуждающимся въ развитіи, т. е. допускаешь противорѣчіе своему собственному предположенію. Все совершенное имѣетъ свою

сущностью по себѣ единообразіе (Einerleiheit), и міръ тотчасъ погрузился бы въ хаосъ, если бы прекратилось единообразіе совершеннаго. Кто сомнѣвается въ томъ, что законы природы всегда остаются одинаковы, кто предполагаетъ, что въ слѣдующемъ году рѣки могутъ замерзнуть при іюльскихъ жарахъ! У кого есть желаніе, чтобы въ ближайшемъ случаѣ радіусы круга вдругъ явились неравными, а тупой уголъ сталъ меньше, чѣмъ прямой? Кто найдетъ скучнымъ единообразіе въ томъ, что истина никогда не бываетъ ложью, прекрасное отвратительнымъ, доброе дурнымъ? Но какъ совершенному необходимо свойственно единообразіе, такъ же свойственна ему и радость. Это видимъ мы изъ опыта: съ радостью связано вѣдь у насъ всякое достиженіе совершенства, — отъ задачи, которую разрѣшаетъ въ школѣ ребенокъ, до дѣйствія зрѣлаго человѣка; удачное леченіе радуется врачъ, какъ удавшееся произведеніе — художника и рабочаго, какъ побѣда — солдата, а найденная истина — ученаго, равно какъ созерцаніе добра въ жизни счастливитъ насъ всѣхъ. Но это совершенное при болѣе продолжительномъ разсматриваніи не все радуется одинакимъ образомъ, а подконецъ охлаждаетъ постоянно усиливающеюся примѣсью равнодушія и скуки; въ томъ виновато не само совершенное въ себѣ, а наша несовершенная природа, которая не можетъ удовлетвориться дробью совершеннаго, но требуетъ совершеннаго и для другихъ тѣмъ самымъ отодвинутыхъ стремленій нашей души. Мы можемъ постигать совершенное во времени и наслаждаться имъ только точкообразно и потому должны искать для каждаго новаго мгновенія чего то иного, потомъ опять иного, всегда стремиться къ новому, еще

не познанному и не обусловленному. Но если бы себя представить, что въ одно и то же мгновение всё наши силы находятся въ совершенной дѣятельности, и не одна только часть ихъ (въ то время, какъ другія покоятся и нетерпѣливо ждуть очереди), но всё одновременно: тогда вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ бы упразднилось и самое время, и мы стояли бы предъ изображеніемъ вѣчнаго совершенства; ибо съ тѣхъ поръ было бы невозможно уже желаніе переменъ: вѣдь не было бы ничего, что могло бы еще далѣе стремиться къ развитію, ничего, что давало бы малѣйшій объектъ времени, которое измѣряется только переменами; съ этимъ тогда одновременно связывалось бы абсолютное удовлетвореніе, «божественная», какъ говорится, радость, ибо не оставалось бы никакого основанія для нетерпѣнія, или скуки: ни одинъ позывъ не ожидалъ бы случая со своей стороны бороться изъ-за подобнаго удовлетворенія. Къ этой возвышенной картинѣ вѣчнаго и совершеннаго ведетъ насъ анализъ понятія, безъ пониманія употребляемаго означенными острями съ перенесеніемъ свойствъ дроби на цѣлое и свойствъ стремящагося и становящагося на совершенное. Если же сказать, что намъ трудно представить это совершенство, то мы согласимся; ибо какъ оно ни ясно охватывается понятіемъ, всетаки для нашего представленія оно остается таинственнымъ, такъ какъ мы участвуемъ лишь въ становленіи, а нашъ собственный опытъ можетъ указать намъ только природу дроби и ея свойствъ. Нужно также замѣтить, что радость и блаженство, которыя мы приписываемъ совершенному, не могутъ быть мыслимы въ томъ же видѣ, каковы онѣ у становящагося. Бурная радость и ликованіе принадлежатъ

всегда низшимъ ступенямъ жизни и сопровождаютъ задачи стремленія и борьбы. Чѣмъ выше подымается развитіе, тѣмъ спокойнѣе и благороднѣе становится радость. Сравнимъ, напр., радость, ощущаемую при первомъ слуханіи какой-либо симфоніи, съ тѣмъ удовлетвореніемъ, которое доставляетъ намъ та же самая музыкальная композиція, когда мы ее уже знаемъ, лучше понимаемъ ее во всѣхъ ея частяхъ, и слѣдовательно, также болѣе и наслаждаемся. Подобно тому, и первое познаніе какой-либо истины связано, повидимому, съ большею радостью, чѣмъ позднѣйшее спокойное наслажденіе этимъ знаніемъ; а всетаки мы, конечно, предпочтемъ второе состояніе, какъ высшее и лучшее. Точно такъ же и любовь, и блаженство въ ней становятся все спокойнѣе, ничуть не теряя въ достоинствѣ, а тихая вѣра и спокойная, чистая совѣсть доставляютъ болѣе глубокое удовлетвореніе и благороднѣйшее блаженство, чѣмъ до неба достигающія ликованія въ періодѣ броженія. Поэтому блаженство совершеннаго состоянія и подобаетъ мыслить благороднѣе и божественнѣе, чѣмъ по образцу становящагося и стремящагося.

5. Чтó мы будемъ дѣлать?

Чѣмъ благороднѣе и способнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ презираетъ искать себѣ счастья въ *dolce far niente*; когда ему открывается перспектива жить долѣе, первымъ его вопросомъ можетъ быть всегда лишь: «что же мы будемъ дѣлать?» Ибо только въ трудѣ и дѣятельности привыкли люди уловлять счастье; покой же употребляемъ мы для собиранія силъ къ новой дѣятельности. Поэтому хорошо быть готовымъ дать, по возможности, отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Мнеологическій
отвѣтъ.

Для многихъ достаточно представлять себѣ, что на томъ свѣтѣ насъ будетъ занимать и восхищать, не прерываясь, то же самое, что и здѣсь было нашимъ благороднѣйшимъ и радостнѣйшимъ занятіемъ. Такъ греки думали, что Элизіумъ полонъ ликованія и волненій большихъ празднествъ и игръ, въ которыхъ проявлялся расцвѣтъ ихъ мирной дѣятельности; въ средніе вѣка желали стоять у трона Владыки міра, на подобіе придворной службы на княжескихъ пирахъ, или пѣть псалмы, словно на прекрасныхъ церковныхъ процессіяхъ; древніе германцы, обладавшіе, какъ сдается, значительнымъ задоромъ, надѣялись ежедневно вести другъ противъ друга кровавыя побоища, а затѣмъ, опять исцѣлившись отъ ранъ и смерти, тотчасъ садиться за столы и за неизсякаемымъ медомъ рассказывать другъ другу про свои опасности и подвиги. Всѣ эти представленія, очевидно, суть только отображенія дѣйствительной жизни и своею бѣдностью выдаютъ узкій кругозоръ уповающихъ.

Отвѣтъ
идеализма.

Но нельзя отрицать, что и великіе философы идеализма, а во главѣ ихъ Аристотель и Гегель, слѣдовали тому же ходу мысли, хотя это прямо и не бросается въ глаза. Правда, они отрицаютъ безсмертіе человѣческой души; но всетаки они учатъ безсмертію духа, который, какъ самое безусловное, не возникаетъ и не исчезаетъ. На вопросъ, что же дѣлаетъ этотъ божественный духъ въ своей безконечной жизни, мы получаемъ подавляющій отвѣтъ, что онъ постоянно мыслить логическія и метафизическія категоріи, которыя діалектически выработали Аристотель и Гегель въ своихъ тво-

реніяхъ, и что это мышленіе ручается за его тождественное бытіе. Значить, и у нихъ, какъ у нашихъ предковъ, содержаніе совершеннаго и божественная жизнь есть не что иное, какъ то, что здѣсь въ человѣческой дѣятельности они признали за наивысшее.

Съ величайшею силой и популярностью въ началѣ нашего столѣтія Фихте явился выразителемъ этой мысли идеализма, въ чемъ его не превзошелъ самъ Гегель. Это тотъ пунктъ, о которомъ я упоминалъ выше на стр. 166; нашей задачей должно быть доказательство научнаго основанія, принуждающаго признавать дальнѣйшее развитіе. Фихте осмѣлился (какъ многимъ казалось, геніально) объявить человѣческую жизнь единственнымъ бытіемъ въ мірѣ. Въ человѣческой жизни наивысшее есть де знаніе; но знаніе, училъ онъ, не только состоитъ въ вѣрѣ и признаніи истиною, но есть владѣніе и обладаніе Богомъ и существуетъ не только въ искусственной ученой формѣ, но доступно также и простому естественному чутью. И когда мы думаемъ, что мы любимъ и знаемъ Бога, это въ дѣйствительности — любовь и знаніе, которыми въ нашей личности Богъ любитъ и знаетъ самого себя; это, по Фихте, и есть единственная и истинная жизнь Бога и его блаженство, единственная и высшая цѣль и содержаніе цѣлаго міра, такъ что мы должны стараться освободиться отъ всякаго разсѣянія призрачными благами и въ глубоко серьёзномъ сосредоточеніи отдаться единой любви и познанію Бога, какъ нашей подлинной жизни.

Кригька
идеализма.

Какъ ни прекрасно это звучить, все-таки, мы уже сказали, вмѣстѣ съ Фихте и весь идеализмъ отъ Платона и Аристотеля до

Гегеля стоить лишь на той же самой точкѣ зрѣнія, какую наши предки выражали мифологически и нѣсколько по дѣтски: именно, это — апоѳеозъ земли и человѣческой жизни; значитъ, это — мысль бѣдная и ограниченная. Выяснимъ же это, поточнѣе изслѣдовавъ послылки.

Идеализмъ исходитъ изъ того предположенія, что безусловно совершенное существо производитъ или какъ либо причиняетъ развитіе несовершенныхъ существъ, высшая цѣль коихъ послѣ перехода чрезо всѣ нисшія ступени состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти всецѣлое совершенство первоначальнаго существа, такъ что между началомъ и концомъ ряда получается равенство. Такое мнѣніе заключаетъ въ себѣ ошибку и выдаетъ бѣдность точки зрѣнія: ибо эти корифеи идеализма считаютъ землю за цвѣтъ цѣлой вселенной, а свою собственную логику и метафизику выдаютъ за всю полноту содержанія нерожденнаго Божества. Признавъ это, никакъ уже нельзя избѣжать и заключенія: должно подтвердить бѣдность міра. Но такъ какъ у насъ совершенно другія мысли, такъ какъ для насъ земля — только, что капля въ морѣ, то мы свободны отъ оковъ этого заключенія и можемъ обозначить его, какъ притязательную ограниченность ученика въ маленькомъ городишкѣ, мнящаго себя въ старшемъ классѣ на вершинѣ всего образованія, ибо онъ не знаетъ и не видитъ много высшихъ классовъ, которые въ столицѣ превращаютъ его образованіе въ простое условіе получения образованности. Что Совершенное не можетъ существовать лишь въ мышленіи нашихъ высшихъ философскихъ категорій, и что Божественная жизнь должна быть еще чѣмъ-нибудь другимъ, — это становится яс-

нымъ, когда мы строго проведемъ методическій принципъ заключенія; Гегель и Аристотель были бы правы, если бы наше мышленіе было живо и содержало то, что, рождая, развивало бы все изъ себя. Но ясно, что ни логика, ни метафизика не въ состояніи изъ своихъ принциповъ развить явленія дѣйствительнаго бытія, ибо мы всегда нуждаемся сперва въ чувствахъ и опытѣ, чтобы узнать явленія, да и тогда еще немного можемъ вывести; а во вторыхъ, въ принципахъ мы вовсе не обладаемъ могуществомъ носить и исполнять жизнь всего существующаго! — Такъ этой великолѣпной выведенной великими идеалистами мысли недостаетъ живыхъ внутренностей: пожалуй, было бы и недурно, если бы земля была небомъ, а гегелева логика давала всю божественную истину; но, какъ мы видѣли, этому ничтожному образу пожеланія недостаётъ реальной вѣрности и дѣйствительности. Не скроемъ отъ себя, что идеализмъ и стараго, и новѣйшаго времени стоитъ на точкѣ зрѣнія древняго птолемея міропониманія; ибо, если умныя головы новаго времени и не помѣщаютъ болѣе неба съ его богами, или міромъ ангеловъ по ту сторону мѣсяца въ область неподвижныхъ звѣздъ, то всетаки они, согласно съ представленіями древности, считаютъ землю за единственную и высшую арену міровой исторіи, а человѣка за совершеннѣйшее существо, и его знаніе за высшее, какое вообще существуетъ и можетъ существовать въ мірѣ, такъ что Богъ и міръ вполне исчерпываются въ любви, счастіи и истинѣ человѣческаго духа и ничего не въ состояніи болѣе дѣлать, какъ только либо сохранять это бытіе, либо постоянно повторять его.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ было бы не по философи отрицать, что категоріи идеализма выражаютъ истину; ибо если отвергать ихъ, то все наше человѣческое знаніе, которое единственно и исключительно покоится на этихъ категоріяхъ, рухнетъ, подобно тому, какъ валится домъ, изъподъ котораго устраняютъ фундаментъ. Логическіе и метафизическіе принципы пускай себѣ стоятъ и признаются въ ихъ непоколебимой тождественности: нельзя только видѣть въ нихъ верхъ нашего духовнаго развитія. Кто станетъ отрицать, что эти самыя категоріи уже руководятъ и управляютъ темнымъ мышленіемъ ребенка? Дѣти, спорящія объ игрушкѣ, въ своихъ требованіяхъ произвольно руководятся категоріями «здѣсь» и «тамъ», «такъ» и «иначе», «поскольку» и «постольку» и т. п.; самое ихъ требованіе содержитъ признаніе цѣли и средства, возможности, долженствованія и дѣйствительности; ихъ вопросъ «почему» предполагаетъ безсознательное признаніе закона достаточнаго основанія и т. д. Но хотя эти категоріи въ своемъ тождествѣ лежатъ въ основаніи ихъ мышленія, однако они признаютъ ихъ лишь инстинктивно; одна только наука извлекаетъ ихъ изъ тьмы до ясности нашего философскаго возрѣнія. Но какъ ясность дѣтей кажется намъ тьмою, такъ и мы не можемъ колебаться признать, что наша настоящая ясность для высшей точки зрѣнія будетъ вновь казаться темнотою; ибо ясность, которая сама опять уже не можетъ быть болѣе темнотою, будетъ достигнута тогда лишь, когда все понятіе міра, познаваемаго теперь медленно и въ малой степени путемъ опыта, наглядно обнаружится изъ принциповъ при одномъ взглядѣ. Чего намъ еще недостаетъ въ томъ, столько же недостаетъ еще и до заключенія поприща.

Нашъ отвѣтъ. И такъ, этимъ отвѣтомъ идеалистовъ нельзя успокоить вопрошающихъ: «что мы будемъ дѣлать?»: оказалось, что притязанія этой точки зрѣнія выдають только ея бѣдность и ложную скромность. Идеалистъ скромнѣе въ томъ, что незначительное является ему уже неописуемо великимъ, даже цѣлымъ. Выберемъ лучше другую дорогу, скромную, повидимому, въ сравненіи съ означенными притязаніями, но притязательную въ сравненіи съ ихъ скромностью! Сознаемся, что мы не сыты пищею всего человѣческаго знанія; признаемъ, что все содержаніе науки настоящаго и всей человѣческой жизни кажется намъ еще незначительнымъ и бѣднымъ въ сравненіи съ полнотою и богатствомъ, какихъ мы требуемъ и предполагаемъ въ основаніи и цѣли развитія въ скрытомъ состояніи. Мы думаемъ, что міръ еще не исчерпалъ своего содержанія, что существуетъ еще непредвидимый запасъ жизни и знанія, съ высоты котораго на свою нынѣшнюю дѣятельность мы оглянемся, какъ на дѣтскія начинанія.

Но какъ это сдѣлать вѣроятнымъ? Основаніе къ вѣрѣ, кажется мнѣ, лежитъ съ принудительной силой въ томъ доказательствѣ, что кругъ нашего развитія еще не законченъ. Но если бы кто пожелалъ, кромѣ этого строгаго научнаго доказательства, еще и нагляднаго представленія о томъ, что мы будемъ дѣлать, то приходится отвѣчать, что высшая ступень необходимо должна быть скрыта отъ того, кто ее еще долженъ пережить; иначе она именно и не была бы вышею. Конечно, свою теперь, повидимому, законченную жизнь мы не можемъ считать навсегда застывшею, а должны повѣрить въ богатство Міровой Сущности, которая не станетъ уго-

щать насъ давно пережитымъ, но изъ рога избылія несовершенство еще сути вышлетъ новый міръ чувствъ, представленій и дѣлъ, который теперь намъ кажется невѣроятнымъ. Въ предыдущемъ доказательствѣ лежитъ принудительность понятія; въ аналогіяхъ можно найти только образъ для созерцанія; самъ же предметъ остается для насъ тайною.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Этимъ мы заключимъ свои разсужденія. Видъ въ даль, открывшійся предъ нами, показываетъ великую и чудесную цѣль, которую, однако, можно удержать за собою лишь въ вѣрѣ и надеждѣ. Человѣческое здравомысліе видитъ одинъ только гніющій трупъ и землю, грозно падающую на гробъ въ могилѣ; а то, что мы добыли изъ понятій, въ глазахъ его не болѣе, какъ волшебная сказка. Стало быть, намъ, осмѣяннымъ, подобно Колумбу, и вышученнымъ, какъ мечтателямъ, со стороны тѣхъ, кто вѣритъ только въ то, что самъ видитъ, приходится, сражаясь со своею собственной чувственностью, которая ревностно соединяется съ ними противъ насъ, направлять руль къ землѣ, еще не открытой, но уже посредствомъ вѣрныхъ умозаключеній познанной. Возславимъ же религію, которая почти единогласно возвѣщаютъ эту тайну въ качествѣ одной изъ важнѣйшихъ своихъ истинъ и тѣмъ доставляютъ сомнѣвающемуся сердцу превосходное успокоеніе. Религія — носительница тѣхъ великихъ тайнъ, которая философія познаетъ въ понятіяхъ, но которая, какъ сердечныя силы, не могутъ быть переданы въ нихъ. Посему религія — союзница философіи; но она сражается инымъ оружіемъ и другими силами, ибо въ то время, какъ философія изслѣдуетъ серьезнымъ трудомъ, религія имѣетъ уже увѣрен-

ность обладанія, благодаря счастливѣйшему дару благочестивой надежды и чарующему оружію святой вѣры.

Оглянемся на все изслѣдованіе: мы никогда не гнались за призрачными отраженіями, кои могли бы нѣжно очаровать насъ безъ собственнаго труда, но неусыпно трудились надъ понятіями по трезвой методѣ, не дѣлая и шагу безъ того, чтобы технически не предначертать себѣ дороги. И всетаки для обыденныхъ чувствъ и стремленій эти мысли, должно сознаться, не безусловно убѣдительны. Это мы знали уже напередъ; философія вѣдь вездѣ указываетъ намъ, что мнѣніе чувствъ точно также уловляетъ насъ своими иллюзіями, какъ похоти — предметами своихъ наслажденій, такъ что, обуреваемые будничными житейскими заботами, мы, наоборотъ, бродимъ въ жизни, какъ во снѣ, и опьяненные сладкими переживаніями чувственныхъ ощущеній, считаемъ видимость за истину, а истину за призракъ. Но философія кротко пробуждаетъ насъ отъ этого сна и призываетъ къ бодрствованію, познанію и къ свободѣ. Я кончаю прекраснымъ изреченіемъ: «люби настоящее, а все-таки ищи лучшаго.»

Нѣсколько словъ о жизни автора книги.

Густавъ Августовичъ Тейхмюллеръ, сынъ офицера, родился въ Брауншвейгѣ 19 ноября 1832 г. Онъ воспитывался въ мѣстной гимназiи и еще на школьной скамьѣ получилъ интересъ къ философіи, главнымъ образомъ, къ эстетикѣ. Съ 1852 г. онъ посвятилъ себя изученію философіи въ Берлинскомъ университетѣ подъ руководствомъ славнаго Тренделенбурга. Здѣсь же онъ приобрѣлъ основательныя познанія по естественнымъ наукамъ и классической филологіи. Въ 1856 г. онъ получилъ въ Халле степень доктора философіи. Оставшись по смерти отца въ нуждѣ, молодой ученый еще съ 1855 г. поступилъ домашнимъ учителемъ въ домъ генерала Вертера, который въ слѣдующемъ году былъ назначенъ въ Петербургъ германскимъ посланникомъ. Въмѣстѣ съ Вертеромъ Тейхмюллеръ пріѣхалъ въ Россію. Въ Петербургѣ ему повезло; черезъ два года онъ покидаетъ свое мѣсто и поступаетъ учителемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ училище при лютеранской церкви Св. Анны. Въ 1860 г. Тейхмюллеръ, женившійся въ Петербургѣ, вернулся за границу и поступилъ приватъ-доцентомъ въ Гёттингенскій университетъ, гдѣ свелъ дружбу со знаменитымъ философомъ Г. Р. Лоцце и съ Г. Риттеромъ, тоже безызвѣстнымъ историкомъ философіи.

Потрясенный смертью своей первой жены, Тейхмюллеръ въ 1862 г. совершилъ большое путешествіе на Востокъ, которое длилось около 1½ лѣтъ. По возвращеніи въ Гёттингенъ онъ возобновилъ свою педагогическую дѣятельность, и въ 1867 г. добился званія экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ приглашеніе ординарнымъ профессоромъ въ Базель, гдѣ завязалъ многочисленныя и пріятныя сношенія. О базельской своей жизни онъ всегда въ послѣдствіи вспоминалъ, какъ о пріятнѣйшей порѣ.

Въ 1871 г. Тейхмюллеръ былъ выбранъ на философскую кафедру при Дерптскомъ, нынѣ Юрьевскомъ университетѣ; до него это мѣсто занималъ Штрюмпель. Въ Юрьевѣ Тейхмюллеръ оставался уже до конца своихъ дней. Здѣсь онъ написалъ всѣ свои наиболѣе замѣчательныя работы, въ томъ числѣ, и предлагаемую книгу «Безсмертіе души». Онъ скончался 22 мая 1888 г. послѣ долговременныхъ жестокихъ страданій отъ рака желудка. Тейхмюллеръ издалъ около 20 томовъ сочиненій, не считая мелкихъ статей и рецензій въ повременныхъ изданіяхъ. Прилагаю при семъ списокъ его главнѣйшихъ сочиненій:

Aristotelische Einteilung der Verfassungsformen — 1859, Die Einheit der Aristotelischen Eudamonie — 1859, Aristotelische Forschungen. I.) Beiträge zur Erklärung der Poëtik des Aristoteles — 1867, II.) Aristoteles' Philosophie der Kunst — 1869, III.) Geschichte des Begriffs der Parasie — 1873, Studien zur Geschichte der Begriffe — 1874, Unsterblichkeit der Seele — 1874 и II изд. — 1879, Die Platonische Frage (противъ Целлера) — 1876, Neue Studien zur Geschichte der Begriffe — въ 3 томахъ: I.) Heracleitos — 1876, II.) Pseudohippocrates de diaeta. — Heracleitos als Theolog, oder über den Einfluss der ägyptischen Theologie auf die griechische Philosophie — 1878, III.) Die practische Vernunft bei Aristoteles — 1879, Frauenemancipation — 1877, Darwinismus und Philosophie — 1877, Wahrheitsgetreuer Bericht über meine Reise in den Himmel. Von Immanuel Kant — 1877, Die Reihenfolge der Platonischen Dialoge — 1879, Das Wesen der Liebe — 1880, Paedagogisches — 1881, Literarische Fehden im IV. Jahrhundert v. Chr. — въ 2 т., I. — 1881 и II. — 1884 г., Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik — 1882, Religionsphilosophie — 1886, Neue Grundlegung der Psychologie und Logik — 1889 (вышло послѣ смерти автора).

Литературная дѣятельность Тейхмюллера распадается на три періода. Тейхмюллеръ, кажется, первоначально не думалъ стать системнымъ философомъ. Все написанное имъ до Юрьева вѣрно тренделенбурговой традиціи и посвящено Аристотелю. Въ Юрьевѣ только онъ и сталъ въ силу разныхъ обстоятельствъ (какъ онъ самъ въ шутку говорилъ, будто бы вслѣдствіе отсутствія занимательнаго общества, которое могло бы отвлекать его) тѣмъ великимъ историкомъ и замѣчательнымъ философомъ, какимъ мы его знаемъ. Сначала онъ расширяетъ лишь область своихъ занятій по исторіи философіи на досократиковъ и Платона. Въ этомъ направленіи онъ, какъ извѣстно, достигъ блестящихъ результатовъ: онъ разбилъ господствовавшее целлерово пониманіе платонизма, возсоздалъ философію Анаксимандра и Гераклита. Мало по малу онъ переходитъ и къ системной философіи, правда, высказываясь по случайнымъ поводамъ. Такъ «Безсмертіе души», «Сущность любви», «Эмансипація

женщинъ» — циклы публичныхъ лекцій съ благотворительной цѣлью; «Дарвинизмъ и философія» — актовая рѣчь, возникшая изъ споровъ и собесѣдованій съ великимъ естествовѣдомъ К. Э. Бэрромъ. Только въ «Метафизикѣ» Тейхмюллеръ выходитъ на свою настоящую дорогу. Хотя онъ и послѣ этого отвлекается въ сторону исторіи философіи, но успѣваетъ еще издать «Философію религіи». Въ послѣдніе годы Тейхмюллеръ работалъ надъ обширнымъ трудомъ «Теологікой» или философскимъ ученіемъ о Богѣ. Этой задаче онъ исполнить не успѣлъ.

Что касается общей характеристики ученія Тейхмюллера и историческаго значенія его философіи, то я позволю себѣ отослать читателя къ своей книгѣ «О понятіи искусства», равно какъ и къ прекрасной статьѣ А. А. Козлова въ «Вопросахъ философіи и психологіи» за истекшій годъ.

Въ отношеніи нравственнаго характера надобно признать Тейхмюллера высокопочтенною личностью. Это былъ человѣкъ, хотя и претерпѣвшій въ жизни немало зла и несправедливостей, но зато самъ никого не обидѣвшій и никому не повредившій. Чуткій къ чужой бѣдѣ, онъ истратилъ цѣлый капиталъ на вспомошествованіе недостаточнымъ студентамъ. Прекрасный и вліятельный ораторъ-учитель, добрый и снисходительный наставникъ, онъ вѣчно будетъ жить въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье вступить съ нимъ въ болѣе близкія отношенія и покороче съ нимъ познакомиться.

Е. А. Б.

Находятся въ продажѣ:

Евгеній Бобровъ. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе Цѣна 2 руб.

Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. К. Николаева подъ редакцію Евгенія Боброва. Цѣна 1 руб.

Цѣна полтора рубля.

Выписывающіе эти книги отъ и. д. доцента Евгенія Боброва (Юрьевъ Лифл. губ., Каштановая аллея, 8) за пересылку не платятъ.